

## 1 января

Ненадёжный снег выпал лишь накануне праздника. Перед Новогодней ночью решил подвести итоги прошедшего года, а это лучше всего делать во время прогулки — так легче и свободнее думается. Перешёл по Канавинскому мосту на набережную к речному вокзалу. Тут безлюдно, пустынно. Оттого, видно, вспоминалось прошедшее с душевной теплотой и откровенностью, разумностью. Не всё в 2019-м удалось, но большинство из задуманного (большая часть) свершилось. И это ли не милость Божия.

По Ивановскому спуску внутри Кремля поднялся на площадь Минина и Пожарского. Тут устроено гуляние для горожан. Для этого от Дмитриевской башни до памятника В.П. Чкалову площадь огорожена: чтобы пройти внутрь, нужно миновать рамку металлоискателя и охранников, проверяющих сумки. Сама башня в разноцветной лазерной подсветке, но снег под ногами людей давно превратился в грязь. Вдоль бордюров сквозь неопрятное месиво пробиваются мутные ручейки.

Обошёл место гуляния и вышел на Верхне-Волжскую набережную у Усадьбы Рукавишникова. Так, поглядывая на огни за Волгой, дошёл до трамплина, да и повернул обратно — всё по тому же маршруту. Только тут обратил внимание, что башни Кремля опоясаны гирляндами лампочек лишь с внешней стороны. Есть в этой экономии что-то провинциально-убогое, недостойное старинного города.

Но вот наступил 20-й год нового столетия и тысячелетия. В Европе свои новости и достижения. В Страсбурге неизвестные за новогоднюю ночь сожгли 220 автомобилей. По всей Франции — не подсчитать. С 1 января в Нидерландах официально прекращено называть свою страну Голландией.

## 2 января

Начал перечитывать (а что-то пропущенное, и впервые читаю) книги из домашней библиотеки. Дошла очередь до «Экспедиция «Тигрис»» Тура Хейердала. Не скажу, что эта повествовательно-научно-историческая работа меня захватила, но на какие-то размышления её содержание, безусловно, подвигло.

Уже во второй половине 70-х годов XX века воды Персидского и Оманского заливов, Аравийского моря (Индийский океан) автор описывает как страшно загрязнённые нефтью, мазутом, бытовым пластиком, неведомыми химическими отходами. Просто жутко читать. Но встаёт вопрос — что же тогда происходит на этих акваториях сейчас? Человечество упорно превращает мировой океан в сточную канаву.

Любопытны истории взаимоотношений с разными людьми (национальностями), где арабы во всех сложных для экипажа «Тигриса» ситуациях проявляют себя как хитрые, жадные, вороватые — вымогают деньги или просто их воруют. И только капитан советского сухогруза «Славск», русские матросы бескорыстно помогают, приходят на выручку, тянут ладью на буксире, оказывают медицинскую помощь, устраивают гостеприимное застолье, не думая о финансовых затратах. (После у берегов Пакистана дружелюбно к путешественникам отнеслись норвежцы со спасательного буксира.)

Или вот члены команды Тура Хейердала проходят мимо (на «Тигрисе») или высаживаются в странах: Ирак, Иран, Пакистан, Сомали... Ещё мирные, спокойные территории. Но что здесь начнётся совсем скоро к концу XX века! Как всё хрупко и ненадёжно в нашей жизни.

Но это всё внешнее, лежащее как бы на поверхности истории. Интереснее другое, что приходит на ум по прочтении книги: может ли современная наука утверждать, что мы действительно представляем себе полноценную историю человечества? Вот и Хейердал высказывает свои сомнения: «Здесь, как и прежде при посещении изолированных общин, я лишний раз ощутил, что столь подвластный теперь взаимным связям внешний мир с его нефтяными проблемами и военным престижем весьма зыбок, но если он рухнет, как рухнули империи Шумера и Индской долины, верблюжьи караваны Ормары по-прежнему будут доставлять пальмовые листья и тростник для домов, рыбу, финики и овощи для пропитания».

В наше время на Земле существуют разные, почти не взаимодействующие друг с другом миры. Так почему же прошлое мы видим каким-то плоским, однозначным и в основе своей нашей упрощённой копией, нашей ещё не развитой жизни. А может быть, всё было совсем не так? Хейердал описывает посещение развалин одного из древнейших городов, случайно найденных в 560-и километрах от Карачи в 1922 году: «Мохенджо-Даро» означает всего лишь «Холм Мёртвых», никому не известно, как на самом деле назывался этот город, когда в нём примерно с 2500 до 1500 года до нашей эры кипела жизнь... (...) Мохенджо-Даро — памятник векового единства всего человечества, он учит, что нельзя недооценивать ум и возможности других людей, отделённых от нас многими километрами или столетиями. (...) Вот и выходит, что основатели Мохенджо-Даро либо превзошли все прочие поколения человечества, либо, подобно сменившим их ариям, пришли сюда, уже владея многовековым культурным наследием... Мохенджо-Даро был построен по заранее разработанному плану искусными архитекторами, членами высокоорганизованного общества. Тот же принцип планировки затем четыре тысячи лет соблюдался градостроителями Центральной и Западной Азии, но не был ими превзойдён. Даже в начале нашего столетия лишь немногие из малых городов достигли столь же высокого уровня строительной культуры. (...) Мы не увидели ни величественных храмов, ни роскошных дворцов; всё говорило об относительном социальном равенстве. (...) ...здесь не было одержимого манией величия самодержца, находившего выход своему тщеславию в строительстве; тем не менее, дома рядовых горожан были обеспечены совершенной канализацией, и улицы окаймлены крытыми плиткой водостоками с люками, которые позволяли работникам городских коммунальных служб очищать их. (...) Некоторые ритуальные фигурки — например, керамическая птица на двух колёсиках — настолько похожи на аналогичные изделия других великих цивилизаций той же эпохи, что это сходство ставит в тупик даже специалистов».

Однако не только обнаруженные в Пакистане древности ставят в тупик специалистов.

«Загадка Индской цивилизации заключается не столько в том, почему она погибла... Как она зародилась — вот в чём вопрос. Подобно шумерской и египетской культурам, современная или третья великая цивилизация не обнаруживает чётких местных корней. (...) На наших глазах деревенские жители в долине Инда изготавливали сырцовые блоки такой же величины и в таких же деревянных формах, какие я видел в Ираке и в Мексике... сырцовыми блоками пользовались основатели мексиканской цивилизации на лесистом берегу по другую сторону Атлантики... Пирамида Серро Колорадо на севере Перу занимает площадь 4800 квадратных метров, и на сооружение этого древнего гиганта ушло около шести миллионов сырцовых блоков. Несмотря на полный контраст климата и природной среды, основоположники доколумбовых цивилизаций в лесах Мексики и в пустынях Перу строили из сырцового кирпича даже жильё, подобное домам Старого Света».

Понимаю, что я затянул с цитированием, но считаю необходимым привести здесь ещё один отрывок из текста норвежского исследователя-путешественника — последний.

«Дая науки поныне остаётся загадкой, каким образом ткацкий станок с вертикальным расположением основы и двойным навоем, которым пользовались инки ко времени прихода испанцев, оказался тождественным станкам Древнего Египта и Двуречья... Да и одежды из готовой ткани, по словам исследователей, были подчас «идентичны» по обе стороны Атлантики. В последнее время ботаники кое-что добавили к этим данным. Исследование хромосом показало, что окультуренный хлопчатник древних жителей Мексики и Перу отличается от диких американских видов, которые вообще не давали текстильного волокна... но древние мексиканцы и перуанцы каким-то образом раздобыли хлопчатник Старого Света, скрестили его с дикорастущим местным хлопчатником и получили растение с текстильным волокном. Этот гибрид с двойным набором хромосом — единственный известный вид, сочетающий большие и малые хромосомы».

А ещё мы можем вспомнить идентичные пирамиды, которые продолжают открывать по всему миру, на разных континентах, предназначение которых с полной ясностью пока понять не удаётся. Всё это указывает на то, что на нашей планете, похоже, уже существовала общечеловеческая общность людей, которая, вполне вероятно, развивалась несколько иным, отличным от нас путём, имела, с одной стороны, недоступные для нас технологии (в частности — в строительстве: точнейшая обработка огромных блоков из наиболее твёрдых каменных пород, доставка их на нужную высоту и так далее), с другой, во внешне-бытовой сфере существовала довольно скромно. Отсюда не дошли до современности эти образцы. Хотя — сколько ещё сокрыто в недрах Земли и в глубинах её океана.

Хрупкая человеческая жизнь может быть довольно легко уничтожена. Мы слишком слабы и неразумны на фоне могущества природы, всего того, что происходит в ней. Страшные пожары бушуют в Австралии. Сгорают целые городки, уничтожены миллионы гектаров леса, земли. Дым и пепел достигают вершин гор на Новой Зеландии. Это самые сильные пожары за всю историю страны. Кто нас убедит, что нечто подобное не могло произойти в далёком прошлом с более катастрофическими последствиями.

### **3 января**

Был в мастерской у А.Д. Данилина, забрал у художника текст для 63 выпуска журнала «Вертикаль. XXI век». Пошёл, хоть погода и не располагает для прогулки — разбить вынужденное праздничное безделье. Во всём большом помещении только Альберт Дмитриевич в работе — другие мастерские необитаемы. Перед чаем посмотрел новые начатые хол-

сты и старые этюды, возвращённые Данилиным из деревенской ссылки (картоны, написанные ещё в старой полуподвальной мастерской — она на них и изображена). И всё будто бы разными художниками создано. Мне, зрителю — это нравится.

США в Ираке нанесли ракетный удар, убили иранского генерала, главу спецподразделения «Аль-Кудс» Стражей исламской революции Касема Сулеймани. Атака предпринята по личному распоряжению президента Трампа (так сообщает Пентагон). В уничтоженной близ аэропорта Багдада колонне погибли ещё 11 человек. Иран уже пообещал «суровую месть». Соболезнование иранскому народу выразил МИД России.

Мир в ожидании развития событий. Поступают комментарии самые разные и противоречивые.

### **7 января**

После убийства генерала Сулеймани парламент Ирака принял решение о выводе всех иностранных войск со своей территории. Сегодня парламент Ирана признал Пентагон и всех американских солдат террористической организацией и террористами. На родине Сулеймани и в Тегеране с генералом пришли проститься три миллиона человек. По сообщению иракского телеканала в давке погибло 50 человек и более 200 пострадали.

Сегодня же В.В. Путин прилетел в Дамаск, встретился с президентом Сирии Асадом. Затем отправился в Турцию (это после Рождественской службы, которую отстоял в храме Санкт-Петербурга). Там будет торжественно открыт газопровод «Турецкий поток». С президентом РФ летит министр обороны Шойгу, который накануне по телефону провёл переговоры с главой Национальной разведки Турции и начальником Генштаба вооружённых сил Ирана. Над главной мечетью исламской республики поднят красный флаг мести.

Но главное всё-таки сегодня Рождество Христово. Засмотрелся на наряженную Ириной ёлку. Искусственная, украшенная разными шарами и стеклянными игрушками. Это она ради внука постаралась, но Саша, похоже, остался к ёлке равнодушен. Мне же она напомнила далёкое детство. У нас в квартире (это ещё в старой, двухкомнатной, на втором этаже пятиэтажного дома) мама на Новый год непременно наряжала ёлку (искусственных тогда ещё не было) совсем другими шарами, сосульками, бочоночками, длинными нитками разноцветных бус (всё из тонкого, разукрашенного, праздничного стекла) — да каких только игрушек не было, и все на загляденье. На ветки, будто снег, укладывалась белая вата, слегка посыпанная кружочками конфетти. Тут же на нитках крепились настоящие яблоки, конфеты в фантиках и в блестящей прозрачной обёртке леденцы-карандаши. Под ёлку устанавливался большой и красивый Дед Мороз, набитый ватой, шуба его искристо посверкивала, а в свободной от мешка с подарками руке был посох. И таким праздником, такой радостью веяло от этой красоты, что, когда наступала пора разряжать ёлку, делать это было искренне жаль. Зато как утешение, на её ветках нас с сестрой дожидались конфеты. Но фантики внутри оказывались пусты. Шоколадные конфеты, к удивлению мамы, эгоистично и воровски уже были съедены старшим братом. Оставались висеть на ветках, чтобы до поры никто не догадался о пропаже, одни пустые обёртки, имитирующие конфеты. Было это многие десятки лет назад. Разве мог я тогда представить, что всё это вспомнится через такой немислимо большой срок.

### **8 января**

Прошедшей ночью Иран нанёс ракетный удар по двум военным авиабазам США в Ираке. Десять по Аль-Асад, где готовили атаку на генерала Сулеймани и одну по аэропорту Эрбиля. Пентагон объявил, что потерь среди американцев нет. У Ирана другие данные: 80 убитых американцев. Несколько баллистических ракет не достигли цели, упали не

разорвавшись. Похоже, что ПВО США опять со своей задачей не справились. Впрочем, может быть, появятся какие-то более точные данные.

И сегодня же в Иране потерпел крушение украинский Боинг, вылетевший из Тегерана. Около 180 человек погибло. Большинство иранцы и граждане других стран. Двое украинцев.

В Стамбуле Путин и Эрдоган (присутствовали главы Сербии Вучич и Болгарии Борисов) торжественно открыли трансчерноморский газопровод «Турецкий поток». Топливо по нему, кроме Турции, уже поступает в Болгарию, Грецию, Северную Македонию.

Встреча в Союзе писателей с И.К. Кузьмичёвым. Иван Кириллович вспоминал:

— Я родился, когда отец мой уже погиб. Его раздавило мельничным колесом. Чтобы оно не замерзло, жители села поочередно топили дровами специально для этого сооружённую печь. Как получилось, что отец попал под колесо мельницы — сказать сложно. Однако много позже его шапку нашли на чужом дворе, оттаяла из-под снега весной. Значит, не водой её унесло, а кто-то туда закинул. Отец снился матери, говорил, как ему было тяжело, тошно умирать. Но тогда, конечно, никто никакого расследование не проводил. 1922 год, никакого порядка в стране. Может, драка какая-то была. Дядя мой тоже умер, когда его ударили по голове чем-то тяжёлым — тринадцать трещин образовалось в черепе, а он ещё три дня прожил.

Слушаешь такие рассказы и понимаешь, насколько может быть страшен человек, когда нет у него боязни перед властью. Да и я сам видел это в конце 80-х — 2000-е года в России. Какая жуть, какая чернота вылезла из всех щелей наружу!

## **9 января**

В бессонную ночь из глубин памяти поднимаются самые тяжёлые и горькие воспоминания. И каменеет что-то в груди от боли — не физической (в этот момент она могла бы быть облегчением), а от потусторонне-необъяснимой, но осознаваемой, кажется, каждой клеткой твоего тела.

То, что казалось в момент совершения, произношения пустяшным, в бессонную ночь осознаётся чем-то чрезвычайно важным и непреодолимым, потому что ничего уже не изменить, не исправить. И неважно, сколько от совершённого или сказанного тобой прошло десятилетий, лет или часов. Было тебе пять-десять лет или вот уже за шестьдесят. Болит одинаково, и боль эта в душе порой кажется невыносимой. Никуда от неё не деться, ни за что и ни за кого не спрятаться. Потому что в этот момент с предельной ясностью осознаёшь: за всё спросится... и, вернее всего, — не простится, раз сам себе не можешь простить. Может быть, так оно и есть: суд совести (своей) — самый жестокий и бескомпромиссный.

Быстрее бы утро... Хочется рассвета... А дальше что?..

## **10 января**

Уже упоминал, что перечитываю «давние» книги из собственной библиотеки. Дошла очередь до монографии: Очерк жизни и творчества «Людвиг ван Бетховен» Арнольда Альшванга. (Издание пятое, Москва, Музыка, 1977 г.)

Конечно, появление на свет гения — событие рациональным умом необъяснимое. Тут никто не в силах предсказать ни место, ни время, ни условия. Ясно одно — гений рано (по возрасту) и сразу мощно заявляет о своём приходе. Музыковеды пытаются что-то привести в ясный для них порядок (впрочем, как и литературоведы в литературе), но из этого ничего стоящего не получается. Ещё можно принять их размышления по «техническим вопросам» (раскрытие темы в музыкальном произведении, сложность взаимодействия в нём разных инструментов и так далее), но не фантазии (что хотел изобразить, сказать композитор в той-то сонате или иной симфонии). Всё это не подвластно грубому, зачастую казённому

языку. В этом отношении прочитанная книга не исключение. Но как замечательно, что она «подтолкнула» вновь переслушать великие произведения Бетховена в исполнении замечательных музыкантов: «Лунная соната» № 14 (Николай Луганский); соната № 23 «Аппассионата» (Денис Мацуев); «Крейцера» соната для скрипки и фортепиано № 9 (Леонид Коган).

Затем опять продолжил читать, и с прискорбием убеждался, что все эти заумности ничего общего с услышанным мною не имеют. Великая музыка — это то, что взаимодействует с душой человека (а не интеллектом) индивидуально в каждом отдельном случае (коих миллиарды), «штучно», и каких-то общих рецептов её постижения нет. Кроме одного — начинать слушать её как можно раньше в своей жизни и по возможности как можно чаще, больше. Увы — я это начал делать в довольно взрослом возрасте (в основном после службы в армии, в студенчестве), редко и непоследовательно — от раза к разу. Потому потери невосполнимы. Горько это осознавать, как и многое другое. (Каждому суждено родиться и жить там, где он оказался: месте, семье, окружении, условиях... Кому тут предъявишь свои претензии, свои обиды?)

Но прочтение книги Арнольда Александровича натолкнуло ещё на одну мысль, далёкую от музыки. Автор в тексте довольно часто ссылается на европейские архивы, хранящиеся там разнообразные документы XVIII века. («Боннский архив переполнен безграмотными (даже при всей невзыскательности немецкого правописания XVIII века) льстивыми прошениями, в которых излагались «нижайшие просьбы» о предоставлении должности... а также доносы на собратьев по ремеслу»). Иными словами, даже эти «бросовые» бумаги сохранились. А ещё газеты, афиши, программки. Что уж говорить о более важных, значимых бумагах. На этом фоне ситуация с нашими архивами — просто бедствие. Да: войны, революции, политически «обоснованные» чистки тому виной. Но и национальное невоспитание в сохранении памяти (в самом широком смысле — от семьи до предприятия) тоже имеет место.

Во время событий 90-х годов, приватизации огромный массив исторических документов новыми собственниками был просто выброшен, сожжён, сдан в макулатуру. И нельзя сказать, что пришли к власти варвары. Просто эти люди не были воспитаны в историческом сбережении.

Далеко ушёл от музыки. Включил компьютер, нашёл симфонию № 1 до мажор Бетховена (исполняет Красноярский академический симфонический оркестр) — буду слушать.

### **11 января**

Иран признал, что это его ПВО по ошибке (приняв самолёт за крылатую ракету США) сбили украинский «Боинг».

Читал заметки отца Евгения Юшкова для выпуска № 63 (отправил последние материалы для вёрстки «Вертикали. XXI век»). До чего же горько! В который раз хочется вскричать: что же есть человеческая жизнь? Убери из неё веру, и что останется впереди?.. Смерти, смерти, бесконечная череда смертей.

### **12 января**

Вот и замело. Пуржит. Поздний вечер. Стою в тёмной комнате у окна, смотрю на беспокойную снежную завесу, на мятущиеся в свете уличных фонарей белые струи. Порывистый ветер их треплет, как длинные нити пряжи.

Думаю о том — каково в эту пору одинокому человеку где-нибудь в деревеньке в несколько домов, из которых один-два жилых, а остальные брошены до весны дачниками. Вокруг темно. Ветер воеет за стеной, бьёт снежной крупой в стёкла окон. Каждое бревно отзывается на его напор лёгким стоном — как живое. И ощущение покинутости у жителя дома только возрастает... Как у меня сейчас, хоть и стою у окна в большом девятиэтажном доме. Моё окно на пятом этаже. Вижу освещённые окна

в других домах, но чувствую себя, словно одинок в оставленной людьми деревне — посреди поля, леса, посреди вечности. Всякий человек живёт в предчувствии будущего одиночества. Предчувствие невольное, бессознательное, данное от вечности — так безжалостной к нам.

Стою у окна, смотрю на метель, и почему-то ощущаю, что всё происходящее вокруг имеет какое-то значение — мною не понимаемое, но тревожащее...

В почте письмо из США от Геннадия Петрова: «Журнал «На любителя» практически перестал выходить. А виной тому — тяжелейшие болезни, которые мне пришлось перенести и последствия которых не дают мне нынче передохнуть, да и в обозримом будущем вряд ли отстанут». Отправил Геннадию Петровичу ответ с предложением прислать для «Вертикали. XXI век» текст его романа «Две дороги» для возможной публикации.

Только далеко за полночь перестало пуржить.

### **13 января Горбатовка**

В электричке вспоминал вчерашний разговор с А.В. Поповским (приезжал забирать изданную мной свою книгу «Стихи и сонеты») о том, как он остался один. Супруга, с которой он приехал в Дивеево из Прибалтики, долго болела, около года лечилась в Москве (Александр Викторович в это время жил в монастыре, где его поддерживали — давали кров, еду, некоторую одежду). Супругу не спасли, она скончалась.

Я познакомился с Поповским ещё в Дивееве, когда он туда вернулся из Москвы. Он читал хорошие стихи и вообще, оказался человеком довольно образованным, интеллигентным, поэтически одарённым, располагающим к себе. Но что-то у них там произошло с дочерью, и она выгнала отца из его собственного дома. Александр Викторович снял квартиру в Арзамасе. Жил на одну пенсию, из которой платил за жильё и оплачивал учёбу внучке. На питание денег практически не оставалось. По его словам он просто тихо умирал с голоду. И вот как-то на автобусной остановке на него обратила внимание женщина, удивилась его истощённому виду и предложила: «Ты приезжай ко мне в деревню, я хоть тебя немного откормлю». Через несколько дней Поповский к ней поехал. И с тех пор они живут вместе. Он называет её «моя бабушка».

Женщина эта, видимо, чисто по-русски добра душой, сердобольна. Не думаю, что у неё были какие-то иные мысли, кроме как облегчить участь рядом страдающей души. Она обыкновенная крестьянка. Занятия Александра поэзией для неё чужды и непонятны, но относится, по всей видимости, к ним с терпением. Когда Поповский приезжает к нам в Союз писателей, то она с ним присылает пироги, всевозможную выпечку, щедрые бутерброды с икрой и красной рыбой, не говоря уж о всяких законсервированных солёностях, вареньях, грибочках и всё в таком подобном.

Вроде бы самая простая «житейская» история. И в то же время невероятно удивительная.

Мы в таком возрасте, что переживаем слишком много потерь. Вот в прошлом году «нашёлся» один мой давний, ещё с начала 90-х годов, приятель. Как всегда, отыскал по делу. А потом как-то неожиданно вновь пропал. А я был рад его новому появлению. Но вот звонит он мне в новогодние праздники, поздравляет и сообщает (на моё сетование: где ж ты был?), что восемь месяцев назад у него умерла жена, с которой прожил всю жизнь, и он до сих пор не может прийти в себя. А тут наоборот — не потеря, а приобретение — как не удивиться?! Побольше бы в настоящей нашей жизни было таких рождественских историй.

Солнышко сквозь серую муть на небе к нам пробиться всё никак не может. От этого уж как-то всё-таки устал взгляд. Вон, показывают в телевизионных новостях, какие страшные пожары в Австралии. Невиданное бедствие мучает континент многие недели. Нам пожары не нужны, но как тяжело жить месяцы и месяцы без единого солнечного лучика.

Продолжают поступать сведения о разбившемся в Иране украинском Боинге. Много в этой ситуации на мой взгляд неясного: почему именно этот самолёт был сбит, хотя до и после взлетали самолёты других авиакомпаний; почему вылет задержался на один час? Ну, и другие детали, которые указывают на некоторую выборочность происшедшего. Никто об этом не говорит, но я вполне допускаю, что в подразделении ПВО Ирана мог быть внедрён агент вражеской иностранной разведки, который в нужный момент и произвёл пуск ракеты. Восток: его могли подкупить, запугать, да мало ли способов заставить... Чем мощнее и страшнее в человеческих руках становится оружие, тем непредсказуемее его использование.

Я служил в советских войсках ПВО и знаю, что маршруты всех гражданских рейсов заранее известны, они отслеживаются с момента взлёта. Значит, операторы РЛС видели, как взлетел самолёт, отслеживали его движение и никак не могли перепутать с крылатой ракетой. Затем — у этих самолётов есть специальный сигнал, который предупреждает противовоздушную оборону, что он не враг, не опасен. Выходит, что этот сигнал кто-то отключил? На все эти вопросы должна дать ответ специально созданная в Тегеране комиссия с участием международных специалистов. Её работа (обещают) будет открытой, публичной, с представлением узнанных фактов общественности.

Мощнейшее извержение вулкана Тааль на Филиппинах. При его взрыве в столбе пепла сверкали молнии, вырывавшиеся из жерла. Потрясающей красоты и мощи зрелище, но сколько в нём просто мистической жути: чёрные клубы поднимаются на сотни метров вверх и внутри них, как дерево, с вскинутыми к небу ветвями, раскрашенные голубым, блещут разряды вырвавшейся наружу глубинной энергии Земли.

## **15 января Варнавино**

В районной библиотеке прочитали в журнале «Наш современник» мою статью «Гость нового века» (к 80-летию Ю.А. Адрианова) и попросили В.В. Гринько («Я два дня вас разыскиваю») пригласить меня для встречи с читателями. Я хоть и согласился, да попытался оттянуть поездку под разными предлогами. Но накануне Вера Владимировна была настойчива, и я сдался.

В семь утра за мной заехал Н.В. Чугунов, и долгую трёхчасовую дорогу мы говорили о его тесте, замечательном мастере резьбы по кости, народном художнике РФ П.П. Черниковиче. При знакомстве Николай Владимирович (историк по образованию, но в новые времена предприниматель, 1959 г. рождения) первым делом подарил мне небольшой альбом с работами Парфена Парфеновича — и я действительно залюбовался изделиями высокого стиля: кубками, вазами, шкатулками, лотками, сейчас бережно хранящимися в главных музеях страны. И ведь опять загадка — откуда это ощущение пропорции, художественное чутьё появилось у родившегося в 1920 году в семье крестьянина из Белоруссии (умер в Нижнем Новгороде в 90-летнем возрасте).

В краеведческом музее Варнавина сейчас экспонируется фотовыставка работ Черниковича, подготовленная Чугуновым. С её осмотра мы и начали встречу в посёлке. В зале под фотографиями в витринах выставлены изделия из кости других косторезов: гребни, кулоны, вязальные крючки, украшения, мелкая сувенирная продукция... но есть и две большие шкатулки. Это (в сравнении) даёт некоторое представление о действительном творческом масштабе Парфена Парфеновича, который азы ремесла постигал в Ломоносовской школе художественной резьбы по кости в Архангельской области (как единоличникам семье пришлось из Белоруссии отправиться в добровольную ссылку на Север).

В библиотеке, что на втором этаже кирпичного дома за территорией бывшего монастыря, в зале собралось много народа. Подавляющее большинство из которого — пенсионерки. Говорил я больше часа вообще о



русской литературе и о нижегородской в частности. Задавали вопросы. Особенно один мужчина (он и фотографировал всё происходящее), который в итоге расстроился, узнав, что Колька, герой одноимённой моей повести, — персонаж сочинённый, а не взят из реальной жизни. На встречу пришёл и в заключение выступил глава района Смирнов.

В Москве, в Манеже В.В. Путин выступил с посланием к федеральному собранию, после которого правительство во главе с председателем Д.А. Медведевым ушло в отставку.

### **16 января**

Весь день главные новости вертятся вокруг социальных инициатив президента и утверждения на пост нового главы правительства РФ Михаила Мишустина — руководителя налоговой службы страны. Кандидатуру предложил В.В. Путин, Государственная Дума проголосовала «за» практически единогласно (коммунисты 41 голосом воздержались), и президент подписал указ о назначении нового премьера.

Надумал и сразу же подготовил бумаги на выдвижение «Собрания сочинений в 3-х томах» А.М. Коломийца на областную премию им. М. Горького. Алексей Маркович отвёз книги и документы в комиссию.

Сообщение «Гидрометцентра»: в Москве за весь декабрь только 8 часов светило солнце. В Нижнем Новгороде, вероятнее всего, ещё меньше. И не думаю, что итоги января окажутся более радостными. Хмарь, лужи, плюсовая температура.

### **17 января**

В прессе и особенно на телевидении, всё продолжают обсуждать инициативы президента России о мерах по изменению демографической ситуации в стране. Главный принцип, заложенный в этих инициативах: финансово стимулировать семьи к рождению детей. На первый взгляд, есть в этом решении что-то примитивное. Ну как можно соотносить появление на свет бессмертной души с выплатой четырёхсот тысяч рублей. Но нельзя не видеть и того, что появление ребёнка в семье (для подавляющего большинства их) становится тяжёлым материальным бременем. С первых дней появления на свет он требует от родителей серьёзных финансовых затрат: обустройство быта ребёнка, одежда для него, лечение, немного дальше — обучение в школе (тут уже затраты становятся и вовсе значимыми — нужен компьютер, смартфон, отдых и путешествия, желательно за границей, — всё, чтобы не выглядел он хуже других). При сегодняшней «жизни молодого поколения», дети рано начинают требовать от родителей всего вышеперечисленного, при этом в их сознание не вложено понятие собственной ответственности, того, что они должны нести какие-то обязанности перед обществом вообще и перед родителями в частности. Тут ювенальная юстиция, которая всякими праведными и неправедными путями внедряется и в Российской Федерации в отношения между детьми и родителями, имеет своё, на мой взгляд, довольно пагубное влияние.

Но давайте зададимся и таким вопросом — а для чего нынешним родителям нужен ребёнок? Обязанность тех, кто дал ему жизнь, заключается в том, чтобы до совершеннолетия материально содержать своё чадо. Контролирующие органы за всем этим следят, и в первую очередь, за тем, чтобы семья не имела самого определяющего влияния на его воспитание и формирование личности. Приветствуется (во всяком случае, в западном мире это уже давно так), чтобы после окончания школы дети начали жить самостоятельной жизнью. Значит, они не должны становиться опорой своих родителей в старости. Последние это понимают, и потому невольно отказываются от рождения ребёнка. И остаётся только одно — Божий инстинкт, который позволяет совершаться тому чуду, которое мы называем «рождением человека». Чуду появления на свет новой бессмертной души.

## 19 января

«Таланты и поклонники» А.Н. Островского. Учебный театр Нижегородского театрального училища, художественные руководители курса А.В. Мюрисеп и Л.А. Чигин. Александр Васильевич много при мне размышлял над постановкой, потому и смотреть эту работу было вдвойне интересно. К тому же, когда знаешь, в каких непростых взаимоотношениях она создавалась.

Мне нравятся пьесы Островского, написанные хорошим, чистым языком, с ясными характерами героев, с повествовательным сюжетом. Тут кажется всё просто, но именно «простота» даёт режиссёру самые широкие возможности в разработке нюансов образов действующих лиц: и Мюрисеп этим пользуется в полной мере, заставляя молодых актёров в раскрытии характеров своих героев быть полифоничнее, многограннее. Конечно, в постижении им не хватает элементарного житейского опыта — это чувствуется. Влюблённость Великатова (К. Горшков) и муки Негиной (М. Каддо) в выборе чести или служения театру, подлость Дублетова (Л. Арустамов) и интриганство, впрочем — совсем не злое Смельской (Е. Авдишина), пьянство Громилова (И. Тарасов) и преданная дружба ему молодого купчика Васи (Н. Васин): всё это для них ещё как бы понарошку. Хотя и тут есть безусловные удачи: Домна Пантелеевна (М. Степанова), Нароков (Д. Белоглазов) — роли сыграны с пониманием, с проживанием, с погружением в образ.

Но я особо обратил внимание на Матрёну, девчонку в доме Негиной. Рыженькая, худенькая, небольшого ростика — у актрисы во всей постановке два-три слова. Преданная, жизнью забытая, для всех незаметная (она словно не существует в пространстве) — тут не отличишь: это играет роль или на сцене живёт своей обыденной жизнью человек. Ведь вот даже в программке её единственную не отметили «галочкой» против фамилии исполнителя. Я так и не знаю — то ли это М. Гаранина, то ли А. Порхачёва.

## 22 января

И дня не проходит без сообщения о случающихся в мире террористических актах. Создаётся впечатление, что это особенность именно нашего времени. Но так ли это? В упоминаемой уже мною монографии «Людвиг ван Бетховен. Очерк жизни и творчества» есть такая сноска, уточнение А.Альшванга, автора книги: «Мы уже называли Коцебу в качестве издателя газеты — реакционного берлинского органа, травившего лучших немецких людей, в том числе Гёте и Бетховена. Коцебу был шпионом русского правительства. В 1819 г., по заданию тайного революционного комитета, студент Занд ударом кинжала убил Коцебу».

Как видим, написано с неким презрением к журналисту и драматургу (Альшванг в своём труде называет его «ловкий драмодел») и одновременно с полным сочувствием к убийце. А ведь вся вина Коцебу заключалась в том, что его писания не устраивали участников «тайного революционного комитета», вообразивших, что именно они обладают знаниями истинной справедливости.

Ну и что изменилось хотя бы за два прошедших века «научно-технического и гуманитарного прогресса»? Разве писателя Олеся Бузину на Украине убили не за то же самое?

Человек становится страшен, когда не допускает в своё сердце сомнение.

## 25 января

Пришло письмо от Николая Офитова из Москвы. Вернее, два в одном конверте. По штемпелям проверил его движение: Москва 11.01.2020 — Нижний Новгород 18.01.2020, в мой почтовый ящик послание попало сегодня. Так ужасно стала работать «Почта России». Я это вижу и по

корреспонденции в Союз писателей, где письмо из Кремля (нижегородского), что в трёхстах метрах от нас, идёт до адресата около месяца.

Николай Викторович переживает по поводу смерти В.С. Бушина, почитателем творчества которого являлся многие годы: читал статьи Владимира Сергеевича, посвящал публицисту свои стихи. «Как много всего он знал, и поведал нам непостижимо много. Просто удивительно!» Но меня больше согрели воспоминания Офитова о детстве: «И хочется снова вбежать в своё незабываемое детство, несмотря на злые военные годы... Не забуду, как с морозной улицы, где снега по колени, спешил к бабушке на печку и смотрел, как у божницы плясали язычками свечки в сумрачный, долгий вечер. А за стеной выл и бушевал хулиганистый ветер».

Это Николай Викторович о деревне, в которой вырос, многое пережил, но которой больше нет. Сохранить своё прошлое, чувство, пережитое в нём, дано человеку с помощью слова. Какая же беда может ожидать общество, если к слову в нём будут относиться столь пренебрежительно, как мы сейчас.

Да ещё почта работает вопиюще отвратительно.

## 26 января

Китайская народная республика. Две недели назад из этой страны поступили сообщения о новом заболевании мутирующим вирусом (коронавирус), которое протекает как простуда, но стремительно, с большим количеством летальных исходов. О том, что положение не шуточное, говорит такой факт: два города (Ухань и Хуангар — центральная часть КНР, провинция Хубэй) с окрестностями полностью закрыты на карантин (из них нельзя выехать, в них въехать) — заблокированы аэропорт, вокзал, автомобильные трассы, жителей просят не выходить на улицу. Население этих городов более 30 млн человек; вблизи для заражённых в аварийном порядке строится большая инфекционная больница — десятки экскаваторов одновременно готовят площадку для её возведения; улицы из специальных машин обрабатывают обеззараживающим раствором.

За прошедшее время с первого выявленного случая коронавируса поразил более 2000 человек, 57 из которых скончались. Телевизионные кадры, как больные в судорогах падают на пол в общественных местах, на асфальт на улицах (записи камер видеонаблюдения) смотреть жутковато. Заражённых подбирают люди, одетые в защитные белые костюмы, напоминающие скафандры космонавтов, укладывают в герметические блоки и грузят в машины. Есть заражённые и в других странах, жители которых прибыли из Китая: Япония, Таиланд, Австралия, Сингапур, США, Франция, Филиппины, Южная Корея, Непал, Саудовская Аравия...

Другая новость: крупная компания (у неё длинное английское название) провела исследования, приуроченные к Всемирному экономическому форуму в Давосе. Из него следует, что большинство людей считают — капитализм в современной форме приносит больше вреда, чем пользы. Были опрошены 34 тысячи человек в 28 странах. Результат 56%.

## 29 января

Вот как смерть Людвиг ван Бетховена описывает в своей последней книге о композиторе Р. Роллан (глава опубликована в журнале «Советская музыка», 1947, № 3): «Тяжёлые глыбы облаков скопились на небе... Между четырьмя и пятью часами надвинулись такие тучи, что в комнате стало совсем темно. Внезапно разразилась страшная гроза со снежной метелью и градом... Удар грома потряс комнату, освещённую зловещим отблеском молнии на снегу. Бетховен открыл глаза, угрожающим жестом протянул к небу правую руку со сжатым кулаком. Выражение его лица было страшно...»

Не знаю, насколько тут много авторского вымысла (хотя по воспоминаниям знавших композитора, это было в его характере), возмож-

но всё-таки он опирался на рассказ Гютенбреннера, который остался при умирающем от водянки больном, в то время как «усталые» друзья Брейнинг и Шиндлер, дежурившие при больном днём и ночью, пошли договариваться о месте на кладбище» (из книги А. Альшванга), но меня в этом эпизоде интересует другое: верю ли я, что Бетховен именно в этот момент что-то увидел, понял, открыл для себя? Да, я в это верю. А значит, связующая нить жизни и смерти в душе человека не прерывается с момента его физической смерти. Нечто высшее с ним (с его душой) продолжает общение, и человек до конца в этом общении (эмоционально, интеллектуально) остаётся свободен.

### **30 января**

Две серьёзные потери в американских ВВС.

27 января в Афганистане (провинция Газни) разбился самолёт, который использовался в качестве воздушного узла связи (всего у США их было четыре единицы) стоимостью 1 миллиард долларов. Ответственность за это взяла на себя организация Талибан. Хотя американские военные объясняют крушение техническими неполадками в двигателе. (Ракета переносного зенитного комплекса, как известно, именно в двигатель попадает — если самолёт летит не выше пяти тысяч метров).

29 января в Ираке разбился американский военно-транспортный самолёт (провинция Анбар). О жертвах командование не сообщает. Но в прессе появились сообщения, что на борту первого находился высокопоставленный сотрудник ЦРУ, организовавший убийство иранского генерала Сулеймани.

Возможно, правду мы узнаем несколько позже. Ведь вот пришлось теперь президенту Трампу подтвердить о десятках раненых во время иранского ракетного удара по американским базам в Ираке — в том числе и тяжело. Кто знает, что ещё откроется.

### **31 января**

Недавно мне передали стопку газет «Завтра», номера за сентябрь — декабрь 2019 года. Не все номера, но достаточно много. Выбрал из них те, где опубликованы статьи В.С. Бушина. Материалы, традиционно для этого писателя, большие: полосные или около этого. Несколько лет назад я перестал читать тексты Владимира Сергеевича, ничего нового в них для себя не находил. Стиль изложения утомлял нестройностью: о чём хочу, о том и пишу. Но теперь дело другое — это последние произведения писателя, и потому все их прочитал: «Антисоветский лай» (№ 44), «Будённый и Шойгу» (№ 46), «В поисках эпитафии» (№ 48), «Отлитый в граните» (№ 51 — вышла в день кончины автора), «Фейерверк от первого лица» (№ 1, 2020 — посмертная публикация последней написанной Бушиным статьи). Впечатление прежнее. Приведены, например, факты, которых я не знал: в 1937 году на Международной выставке в Париже павильон СССР получил 270 наград, в том числе 95 Гран-При (паровоз ИС, трактор «Сталинец», станция метро «Сокольники», дворец культуры в Ленинграде, фильм «Чапаев», скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» и так далее). Кроме этого, 70 золотых медалей, 40 серебряных, 6 бронзовых, 50 почётных дипломов.

Конечно, это говорит о невероятном промышленном и духовном подъёме в СССР, которые не могли не оценить организаторы выставки. Для сравнения — павильон гитлеровской Германии стоял напротив павильона СССР и был удостоен только одного Гран-При.

Или вот полная цитата из В.И. Ленина («Удержат ли большевики государственную власть?», 1917. ПСС, т. 34, с. 305): «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управ-

лать государством, вести будничную ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления начато было немедленно, т.е. чтобы к этому обучению немедленно начали привлекать трудящихся, бедноту». Цитата приводится писателем для опровержения расхожего как бы высказывания Ленина, что управлять государством сможет любая кухарка.

Всё это интересно, поучительно.

Екатерина Глушик в статье «Он жил во времена Советов» описывает последние дни Владимира Сергеевича. Он непрестанно работал, писал. Даже смерть его застала за окончанием последней статьи: «Работал за компьютером, собирався на дачу. Татьяна (супруга — В.С.) спрашивала, когда вызывать машину. Он, мол, сейчас закончу. Она ушла в комнату, через некоторое время идёт к нему в кабинет, там его нет. Он на кухне на диване сидит откинувшись...»

Незадолго до этого Бушин с температурой попал в больницу. Глушик принесла ему блокноты, и через два дня половина их была исписана.

Вчера в Союз писателей приходил И.К. Кузьмичёв, и не смог написать или продиктовать ни одного предложения (по моей просьбе), а они с Владимиром Сергеевичем ровесники. Из одного этого факта можно сделать определённый вывод.

Наиболее интересная бушинская статья из этой последней подборки — «Отлитый в граните. Черты к монументу Гранина». Для меня до сих пор загадка — как практически на пустом месте создают литературных классиков (без единого классического произведения), объявляют их «совестью нации» (хотя в живых ещё множество людей, которые являются свидетелями их бессовестных поступков), писателями-фронтвиками (при живых подлинных писателях-сталинградцах), несмотря на достаточное количество их высказываний, порочащих Красную Армию. Владимир Сергеевич приводит многие факты из жизни бывшего ленинградского комсомольского вождя районного масштаба. Абсурдность такой ситуации вызывает недоумение, раздражение. Однако, именно такие «перевёртыши» чаще всего понятны и поддерживаемы властью. Именно здесь сокрыта главная тайна. Ведь не может быть такого, чтобы властвующие не знали истинной цены тому, кого прославляют. А если не знают? От этого ещё горше... и страшнее.

## **1 февраля**

Вчерашний день закончил в театре драмы на премьере спектакля «Пряничная леди» Н. Саймона (перевод с английского И. Головни). Главную роль Эви Меарье исполняет заслуженная артистка РФ Елена Суroidейкина. В постановке (режиссёр Дмитрий Бурханкин) заняты Алексей Хореняк, Рустам Абдрахимов, Маргарита Баголей, Юлия Муранова.

Два с половиной часа актёры пытаются перед зрителями разыграть чужую (американскую) жизнь, которую не знают и ничего в ней не понимают. Бесконечно утомляющие разговоры, разговоры и ещё раз разговоры в конце концов становятся невыносимы. Изобилие грязных слов раздражает. Подражание манере произношения монологов стилем торговки с Канавинского рынка говорит о том, что войти в «трагедию лиших людей» (несостоявшихся звёзд сцены — певицы, киноактрисы, актёра массовки) они не в состоянии. В итоге на сцене полная бессмыслица. Жаль. Предыдущая постановка в нашем театре этого режиссёра была удачной («Продавец дождя» Ричарда Нэша).

В прошедшую полночь Великобритания официально вышла из Евросоюза. Не окажется ли этот пример заразительным для других стран — посмотрим. Британская экономика была второй по значимости на континенте, в значительной мере за её счёт формировался бюджет Евросоюза. Теперь неизбежно придётся сокращать дотации странам Восточной Европы и Балтики. Встаёт вопрос — как тем выживать с их убы-

точной экономикой? Требовать денег от Германии? Выдержат ли немцы такую финансовую нагрузку.

### 3 февраля

В интернете, отвечая на вопросы корреспондента, адвокат из Киева Татьяна Монтян поделилась впечатлениями о поездке на Донбасс — в Донецк и Луганск. Вообще Татьяна Николаевна довольно жёсткий комментатор каких-либо событий, циничный, но тут увиденное привело её в доброе расположение духа. Но на этот раз меня задело одно замечание правозащитницы по теме, над которой я и сам много думал: со стороны украинской армии наиболее жестокие, безжалостные, «отмороженные» бойцы — это добровольцы из центральных областей Украины (Киевской, Харьковской, Криворожской и т.д.). В 2014 году, когда бои на Донбассе приобрели наиболее безжалостный, человеконенавистнический характер, я на сайтах много смотрел сюжетов о боевых действиях, снятых с обеих воюющих сторон. И никогда в них (этих окопных сюжетах) не слышал среди людей в униформе украинской речи — только русскую.

Я уже вспоминал в своих записях, как во время службы в армии, в «учебке», что находилась в городе Ельце Липецкой области, впервые столкнулся с национализмом. Надо особенно отметить, что в старинной двухэтажной казарме собрали нас тогда несколько сот ребят из разных республик СССР. Соответственно и национальностей разных: от таджиков и узбеков, почти не говорящих на русском языке, до «экзотических» греков и венгров. Все жили мирно друг с другом, проявляя искренний интерес к чужим языкам, традициям, нравам, и только «русские украинцы» из восточных областей УССР, с берегов Азовского моря бесконечно вступали в споры относительно того, что их республика всех кормит, что она самая главная, а русские (из России) — это холопы. (В 2014 году, когда к этому определению добавилось «ватники» и «колорады», в РФ было воспринято как некое «негативное новшество» в межнациональных отношениях, доселе невиданное и не слыханное. Не знаю — я подобное слышал ещё в 1975 году.)

Вся история нашего народа пронизана одним удивительным фактом: мы довольно терпимы, снисходительны, жалостливы к чужим народам и вопиюще безжалостны к собственному. Это, как может показаться на первый взгляд, не преувеличение. Вспомните войны русской армии с захватчиками, как она терпима и добра была к побеждённым (поход Суворова в Европу, уничтожение армии Наполеона и вхождение русского солдата в Париж, да, наконец, наше поведение в странах поверженной фашистской коалиции во время Второй Мировой войны — какие грозные приказы издавало командование о поведении наших солдат на европейских землях). А теперь напомним о бунте Емельяна Пугачёва, о крестьянских восстаниях, о русской революции начала XX века 1901-1917 гг., о Гражданской войне, о репрессиях и лагерях... Безжалостными потоками лилась русская братская кровь.

Необъяснимо, но русские всегда яростнее всего убивали друг друга.

Подтверждение моих слов — унижение и изгнание нашего народа во времена крушения СССР из республик Закавказья, Средней Азии с потерей имущества, с ограблением, с многими убийствами и насилиями, лишение всех прав в Прибалтийских республиках. Даже в автономных республиках России русских притесняли, лишали должностей, заставляли униженно работать на новых национальных хозяев. И разве хоть где-то наш народ встал на свою защиту, разве он хоть раз взялся за оружие? Всё стерпел тогда. Продолжает терпеть и сейчас. Тридцать лет назад это можно было списать на растерянность (хотя удивительно — в целом ряде республик русское население составляло подавляющее большинство, там стояли воинские части, в основе своей укомплектованные русскими офицерами и солдатами), потому как разрушение великой страны пошло именно из Москвы, из России. Но теперь-то что мешает

почувствовать себя сильным народом, способным защитить свою честь, своё достоинство?

Нет, ничего не меняется. Продолжаем терпеть унижение от тех, чья экономика без нашей помощи давно бы рухнула, кого, практически, содержим, несмотря на то, что они с нами поступили подло, принесли горе и страдания нашим соотечественникам, разрушили и уничтожили построенные за счёт русского народа фабрики, заводы, продолжают использовать созданные нами электростанции, газопроводы и нефтепроводы, железные дороги...

Всё это можно было бы отнести на счёт беспредельной широты русской боголюбивой, некорыстной души, не помнящей зла, прощающей обидчиков своих. Только куда же всё девается, когда появляется возможность русским с невероятной озлобленностью броситься друг на друга, начать убивать друг друга, истязать соплеменников своих?

Это для меня было и остаётся великой загадкой.

## **7 февраля**

Пришли (впервые в эту зиму) хоть и небольшие, но морозы — температура опустилась ближе к десяти градусам. Предваряя их, выпал снег, и теперь Ока, схваченная некрепким ледком, первозданна бела. Только на самой стремнине чернеет донной глубиной, жутковатым провалом неровная полынья.

Солнце оттеняет снежные перемёты легкой голубизной, словно это не лёд на замёрзшей реке, а перистые облака опрокинутого вниз неба.

Новостной kaleйдоскоп сегодняшнего дня.

Продолжаются тревоги в мире по поводу эпидемии коронавируса в Китае. Уже 720 человек скончались. Меньше чем за двадцать дней в стране построили две огромные больницы, оснатив их самым новейшим оборудованием, для изоляции заболевших. Не утихают споры — природное появление этого вируса, или лабораторное. В передаче «Большая игра» на Первом канале ТВ (от 1.02.2020 г.) специалист из России утверждал, что сам вирус так межвидово (летучие мыши-змеи-человек, к тому же заражённый СПИДом — такова цепочка ДНК новой заразы) мутировать не мог. Но в этой же передаче политолог из США Дмитрий Саймс поставил другой вопрос: в его стране в день из огнестрельного оружия убивают и наносят ранения (и это без учёта самоубийств) более чем тысяче человек. В год от этого оружия погибает 36000 человек, но это не превращается в большой национальный кризис, приносящий огромные экономические убытки, как это случилось с вирусом в Китае. Почему?

Вот и началось, о чём я предупреждал ещё в 2000 году. В Великобритании объявлено — все богатые люди из бывших республик СССР, имеющие большие состояния в их стране, должны доказать законность их происхождения. В противном случае они будут конфискованы в доход бюджета. Это касается недвижимости и банковских счетов. Первый подобный процесс уже начался.

Вечером возвращаюсь домой. В сумерках снег на Оке, если смотреть с моста, приобрёл глубокий, размытый серый цвет, словно что-то затаивший в себе. Высокие трубы котельных парят в небо, будто чёрным огнём горят гигантские факелы (так размывает их след в вышине ветер) на фоне оранжевого просвета затухающего дня между тёмно-синими облаками и слабым свечением скрывшегося за горизонтом солнца.

## **8 февраля**

Таиланд. Сержант местной армии завладел большим количеством оружия, убил двух офицеров и устроил бойню в торговом центре. Убито 26 человек, 50 ранено. Полиция стрелка ликвидировала.

Казахстан. Межнациональная драка с погромом (сожжены десятки домов, много автомобилей) в сёлах на юге республики между казахами и дунганями. Убито 10 человек, много пострадавших.

Сирия. Израильские самолёты вновь нанесли ракетный удар по территории этой страны, скрываясь за пассажирским самолётом иранской авиалинии, выполнявшим рейс в Дамаск. Сирийские ПВО открыли ответный огонь по вражеским истребителям, при этом, чуть не сбив гражданский лайнер, который диспетчерам с трудом удалось увести и посадить на российской военной базе Хмеймим. Подобная тактика еврейских лётчиков стала постоянной. В связи с этим приходит на память то, как немцы во время Великой Отечественной войны на нашей территории гнали впереди себя на минные поля пленных и мирных жителей русских деревень (в большинстве своём женщин и детей), чтобы их тела расчистить себе дорогу.

Ничто не ново в этой жизни. Всё повторяется.

## 9 февраля

В продолжение записи от 3 февраля...

Словно желая ещё более растревожить занывшую, зазудевшую проснувшейся болью рану, содрать с неё коросту, закрывшую воспалённую плоть, взялся перечитывать «Железный поток» А.С. Серафимовича. Вот уж где славянская нелюбовь, ненависть к соплеменникам расплескалась, разлилась во всю ширь и какую только возможно вообразить глубину! А ведь всё люди православные, крещёные, любящие плоть свою от плоти (замечательно выписан эпизод, когда в ночи мать пытается накормить грудью кроху-сынка, а тот не слушается, и только рядом с отцом, под его боком успокаивается), и одновременно неистово истребляющие друг друга (поутру, когда казаки ворвались в станицу).

*«Заревели быками казаки, кинулись с говяжьими глазами в кулаки, и весь сад задохся сивушным духом. Точно охваченные заразой, выскочили солдаты и пошли работать кулаками, о винтовках помину нет, — как не было их.*

*Ох, и дрались же!.. В морду, в переносье, в кадык, в челюсть, с выдохом, с хрустом, с гаком — и нестерпимый, неслыханный дотоле матерный рёв над ворочавшейся живой кучей».*

И ведь не упрекнёшь автора, будто выдумал невесть что. Сам Александр Серафимович родился в 1863 году и жил (с перерывом) в станице Войска Донского, а значит, прекрасно знает народ, о котором пишет, к которому принадлежал по праву появления своего на белый свет. Да и сына Анатолия потерял — сгинул тот в боях Гражданской войны. Один из походов этой войны и отобразил писатель в романе «Железный поток», вышедшем по горячим следам произошедших событий в 1924 году.

Так как можно не верить его перу.

*«— Дуже дивчину мучили, ой, як мурдовали. Козаки, цила сотня... один за одним сгнушались над ней, так и умерла пид ими. Сестрой у наших у госпитали була, стрижена, як хлопец, босиком все бигала, работница с заводу; конопата та ризва така. Не схотила тикать от раненых: никому присмотреть, никому воды подать. У тифу богато лежало. Всих порубили — тысяч с двадцать. Со второго этажа кидали на мостовую. Ахвицеры, козаки с шашками по всиму городу шукалы, всих до одного умертвили. Богато залило увись город.*

.....  
*Опять темь, и над тьмой звёзды, и он спокойно рассказывает, и все опять чувствуют то, о чём молчит: двенадцатилетнему сыну прикладом размозжили голову; старуху-мать засекали плетьюми; жену насиловали, сколько хотели, потом вздёрнули петлёй на колодезный журавель, а двое маленьких неведомо куда пропали, — молчит, но все это откуда-то знают».*

Прочитаешь такое с пониманием, что это всего лишь художественный текст, но и он обожжёт какую-то часть души до угольности, потому как действительность во время похода Красной Таманской Армии, да и во всё время братоубийственной гражданской войны (известно из доку-



ментальных источников, воспоминаний очевидцев) была ещё страшнее. Оттого содрогнёшься, сам себе не в силах объяснить этого явленного тебе неведомого чувства, которое скрыто потаённым страхом в глубинах всё той же души, человеческого естества, ибо раз кем-то испытанное, всем нам оно передаётся на веки вечные.

Нет, что-то ужасное сокрыто в глубинах человеческой природы. И если эту тёмную силу, этот ядовитый жизненный опыт не пресекать, не обуздывать в нём — в человеке (верой в Бога, культурой, страхом наказания), то невозможно даже представить разрушительные результаты её владычества.

## 19 февраля

Читаю сборник рассказов А.С. Серафимовича и невольно наполняюсь ощущением ненужности жизни, её бессмысленностью. Несмотря на то, что самое любимое слово у автора — «огромный». Из рассказа в рассказ он его использует: «огромное окно», «огромные железные ворота», «огромные дома»... Всё нематериальное для него не просто большое, а огромное, в то время как человек (в своих духовных поисках) мал, ничтожен.

В Санкт-Петербурге к памятнику бывшему мэру города Анатолию Собчаку президент РФ В.В. Путин возложил цветы. При этом встал на одно колено.

Всё-таки Владимир Владимирович бесконечно предан тем, кто ввёл его в политику, во власть: Ельцину, Собчаку, Гранину (этот писатель, имея довольно большое влияние в Северной столице, видимо, тоже серьёзно его поддерживал в нужный момент — иначе как объяснить возведение президентом страны автора нескольких посредственных романов, справедливо уже забытых читателями, в классику). Преданность, благодарность — замечательная черта характера всякого человека. Только в нашем случае должна ли она приводить к установлению своим благодетелям памятников, на которые они (будем объективными) ну никак не «тянут». Действительно — что такого выдающегося для имперского города сделал Анатолий Собчак? Ничего! Потому-то его после первого же срока правления жители и переизбрали, убедившись в его полной некомпетентности, неспособности руководить городским хозяйством. Витиевато разглагольствовать с трибуны съезда народных депутатов — это одно, а устраивать сносную жизнь петербуржцам — совсем другое. Да и мало кто сейчас помнит о когда-то жившем любителе «правильных речей», при правлении которого было так много униженных и ограбленных. Правильнее было бы дать времени всё расставить по своим местам, а уж потом приступать к возведению монументов.

Продолжается атака на память о победе СССР во Второй Мировой войне. Сегодня эстонский парламент принял документ, в котором обвиняется Советский Союз в развязывании этой войны. Наше Министерство иностранных дел выразило протест. А чего протестовать, если главнокомандующему войсками-победителями до сих пор в России нет ни одного памятника, его имя (в официальных выступлениях) не произносится. В отличие от «героев-командующих» Польши, Украины, Эстонии... А раз так, раз России есть что скрывать, раз у неё нет своего героя-главнокомандующего, то и должна она нести за развязывание мировой бойни ответственность наравне с фашистской Германией.

Когда же история научит правителей России достойно относиться к памяти вверенного им в управление государства, и, вместо придуманным кумирам, начнут воздвигать памятники тем, кто оставил свой вечный след в существовании государства. Всякому можно предъявить счёт (безгрешных людей не бывает), только, как нам самим с этим счётом жить — вот в чём вопрос, от которого невозможно отмахнуться.

В противном случае всё становится бессмысленно, как в рассказах А.С. Серафимовича.

## 20 февраля

В Германии в городе Ханау банковский служащий застрелил 9 человек, нескольких ранил. Убийство совершено по «идеологическим» соображениям, как месть мигрантам-мусульманам. Об этом говорится в видеообращении и большом тексте, оставленном взбунтовавшимся клерком. Убив свою старушку-мать, он застрелился в собственном доме.

Продолжаются волнения в мире по поводу нового вируса. Число погибших от него составляет уже 2130 человек. Подсчёт ведётся тщательно, результаты его объявляются ежедневно.

Вот, наконец, и Украина вывезла своих граждан из охваченного эпидемией китайского Уханя — последняя из стран, или что-то около этого. И вновь отличилась... Прилетевший самолёт, сделал 35 кругов над Харьковым, вынужден был отправиться в Киев для дозаправки. Затем ему всё-таки дали разрешение сесть в Харькове, где пассажиров дожидалось несколько автобусов, чтобы отвезти их на карантинный срок в какой-то санаторий. Но дороги оказались перекрыты протестующими. В нескольких городах поднялись бунты против того, чтобы по их дорогам (которые они перекрыли баррикадами) проехали «заражённые», тем более, чтоб они на их земле проходили карантин. Только к ночи, благодаря военным с бронетранспортёрами и отрядам милиции, через многие часы противостояния, бедолаг провезли сквозь кордоны возмущённых людей, которые всё-таки забросали автобусы камнями. Съёмки изнутри тёмного салона: звон разбитых окон, женский визг от страха.

А ведь в автобусах не заражённые коронавирусом (это подтверждается проверкой анализов ещё в Китае, иначе бы бедолаг не выпустили из страны), а соотечественники и несколько иностранцев из Швеции, Норвегии, Белоруссии, которых какое-то время будут наблюдать в условиях изоляции — на всякий случай.

Вот какой бесчеловечной, безжалостной может быть толпа. Да и бывает ли она другой?

## 21 февраля Горбатовка

Сажу в зале ожидания, жду объявления посадки на электричку. Внимание отвлекает громкое и настойчивое чириканье воробья. Отрываюсь от книги и поднимаю глаза. С потолочной решётки, где прячутся лампы дневного света, спархивает на отполированный бетонный пол серо-коричневый комочек.

Зал небольшой, всего два ряда кресел, между которыми довольно свободное пространство для прохода пассажиров на платформу и к кассам. Воробей по очереди пропрыгал сначала вдоль нашего ряда (останавливаясь напротив каждого пассажира, глядя на него громко, призывно чирикнув), затем тоже проделал у противоположного ряда. Люди сочувственно смотрели на пичугу, но угостить её было нечем. Лишь один старик сидел и ел большую булку с варёной сосиской внутри. Около него воробей задержался дольше других, но старик с ним крошкой хлеба не поделился. Воробей вспорхнул и гордо скрылся внутри потолочной решётки.

«Правильно, воробушек, — подумал я, — пусть ест свою булку, а тебя накормят другие люди».

В эту зиму мы с Ириной покупали семечки для подкармливания синичек в большом сетевом магазине. Но там дорого. И вот она договорилась с мелким азиатским лавочником, что продаёт овощи, фрукты, зелень недалеко от нашего дома. Тот за небольшую плату привёз нам половину мешка семечек подсолнуха, и теперь всякий день я наблюдаю, как пируют мелкие птицы у нашего окна. Слетают с берёзы, клюют семечко в прорезях, сделанных мною в пластиковой бутылке, что висит на верёвочке, улетают, чтобы к вечеру вновь вернуться. Как же за этим радостно, интересно наблюдать.

Вот бы позвать воробушка, чтобы и он прилетел!

## 24 февраля

А.М. Коломиец позвонил сразу после того, как ему, в свою очередь, позвонил Станислав Куняев с вопросом: почему в готовящемся специальном номере журнала «Наш современник», посвящённом геологам, нет материала Алексея Марковича?

— С Валерием Викторовичем Сдобняковым мы это уже обсуждали, — ответил Коломиец.

— А он где?

— Мы давно дружим, многие годы.

— Передавайте ему огромный привет. Он в писательском сообществе один из немногих достойных, крепких людей, нестибаемых.

Записываю не ради собственного тщеславия этот отзыв Станислава Юрьевича. Со временем всё в нашей жизни меняется, в том числе и оценки поведения друг друга. Может быть, эти слова мне придётся когда-нибудь вспомнить — в особенный случай.

## 26 февраля

Невольно памятью вернулся к прочитанным рассказам Серафимовича. Как-то уж совсем однозначно я о них отозвался в записи десять дней назад. Последние рассказы в сборнике («Чиби́с», «У обрыва», «Зарева») и особенно повесть «Галина», уже живые, тёплые, с пробудившимися у героев человеческими чувствами. Но главное в них, мне кажется, другое — тяжесть окружающего быта не закрывает разность человеческих характеров, переживаний. Это, безусловно, идёт от опыта высокой русской литературы. В первых рассказах книги всё внимание автора сосредоточено (кроме социального обличения) на сюжете, на его, если можно так выразиться, занимательности («На льдине», «Стрелочник», «В камышах», «Прогулка...») или очерковой достоверности («На Пресне», «Снег и кровь»). В последних рассказах образы главных героев более сложны, их поступки менее предсказуемы, переживаемые чувства — полифоничнее, размышления — философичнее. Потому они и врезаются в память читателей: старик, не убоившийся грозных вооружённых казаков («У обрыва») и в итоге научивший их уму-разуму; или рыбак Афиногеныч (тоже старик, на образе которого держится рассказ «Зарева»), положивший душу за други своя, перевернувший лодку на реке и утонувший вместе с другими казаками, преследовавшими «революционера». Но как же тяжела и почти невыносима жизнь русского мужика, отражённая нашей литературой на протяжении всей её истории. Особенно в произведениях XIX-XX веков.

## 27 февраля

Который год с необъяснимой личностной горечью воспринимаю гибель чужих детей: будь то две девочки, что, скатываясь с высокого берега Оки на надувном круге, разбились о дерево; или другая, уже почти взрослая девушка, что ушла от друзей из тёплого дачного домика и замёрзла, заблудившись в лесу; или вот гибель в Сочи на берегу Чёрного моря двух мальчиков-подростков...

Высокие пятиметровые волны бьют о каменистый берег, а двое мальчишек далеко от парашюта набережной ходят по узкой полоске суши (от неё до набережной тоже вода, которую нанесло прибоем), наклоняются и что-то подбирают (их на телефон снимает случайный прохожий) — ракушки, камешки. В какой-то момент доходят до русла небольшой, с невидимым течением, речки, и начинают её переходить. Сначала один скрывается под водой, затем второй, вернее всего, бросившийся первому на выручку. Я знаю, с какой невероятной силой море втягивает в себя штормовую волну, унося от берега.

Чужое горе... А я понимаю, что эта боль уже никогда не покинет моего сердца. Хотел бы, да не могу от неё избавиться. Сколько подобного хранит память. И как вспомнится — точно кипятком кто окатит. Все

Люди связаны друг с другом чем-то единым, неосознанным, вечным. Души наши связаны, ощущающие боль, страдания, вдохновенный творческий порыв. А кто не чувствует, про того и говорят, что у него душа зачерствела. Тут уж беда...

## 29 февраля

Всегда с большим интересом слушаю рассуждения об американской политике, вообще об этой стране, профессора Александра Домрина. Много лет там проработавший в различных университетах, более 60 раз приезжавший туда, доктор юридических наук, он раскрывает перед слушателями настоящие США — с их «глубинным» народом. На этот раз Александр Николаевич привёл такое высказывание Марка Твена: «Америка многим обязана России. Она состоит должником России во всех отношениях. И в особенности за неизменную дружбу в години испытаний. С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаюсь, что благодарность России и её государю живёт и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе — предумышленно, несправедливым словом или поступком». Затем в сети я нашёл: это послание классик американской литературы 26 августа 1867 года направил (находясь в числе туристов, посетивших Ялту) российскому императору. Ещё одно доказательство непредсказуемости и быстрой изменчивости мира. Но человеку дано его ощущать, видеть, понимать лишь таким, каким он его воспринимает в момент своей жизни. Именно таким он нам кажется вечным и неизменным. Даже известные исторические факты почти не влияют на это осознание. Тут кроется огромная загадка нашего существования, его ограниченности в постижении исторического пространства.

В столице Катара Дохе состоялось подписание мирного соглашения между США и движением Талибан, договорённость о котором велась два года. Теперь, после 19 лет войны (потеряв убитыми 2500 человек, ранеными 22 000 человек), на которую было затрачено два триллиона долларов, американцы, так и не победив талибов, в 2021 году должны вывести свои войска из Афганистана.

Я помню, как после десятилетней войны янки убегали из Вьетнама. Но тогда северовьетнамцам помогли СССР (оружием и специалистами) и Китай (продовольствием). Теперь афганскому движению (в России оно считается террористическим) на государственном уровне никто не помогал, а США вошли в страну вместе с коалицией стран НАТО и другими сочувствующими им, тем не менее, результат тот же. Поучительный урок тем, кто легко рассуждает о войне, которую всегда легко начать, но как закончить...

## 2 марта

Прогон спектакля «Великий забытый». Фантазмагория в 2-х действиях. Авторская работа режиссёра и драматурга Родиона Овчинникова. Полупустой зрительный зал, свет лампы на рабочем столике постановщика, автора всего действия, создают домашнюю обстановку. Жаль, что теперь в нашем театре драмы прогоны случаются редко. А ведь это самая доверительная атмосфера перед премьерным показом готовой работы широкому зрителю.

Продолжительность спектакля пугающая — три с половиной часа с одним антрактом. Актёры работают, что называется, на износ. Тут явно сказывается настойчивость и убеждённость режиссёра, который знает, что хочет сказать. Жаль, что далеко не всё окажется понятым зрителями. Уж слишком запутан сюжет. Молодой популярный современный юморист попадает в психбольницу, где встречается с бывшим популярным «шутком» прошлого века, народным артистом СССР. Вскоре к ним присоединяется механизатор-алкоголик. И вот тут настоящее

перемешивается с прошлым, действительно с бредом нездорового, воспалённого сознания, политические общественные оценки с оценками собственной прожитой жизни. Всё на нерве, недосказанности, на недопонятости. Вроде бы сумбурно, но за этим сумбуром сокрыта глубоко переживаемая жизнь. Старый шут (С. Блохин) в своих оценках серьёзнее и рассудительнее. Молодой шут энергичнее и порывистее. Действие не цельно, разбито на отдельные смысловые и сюжетные сцены: знакомство, общение с главврачом (А. Сучков), рыбака, свадьба, кочегарка... Какие-то из них, на мой взгляд, безболезненно можно было бы сократить или вообще убрать. Иначе зрительская утомлённость (событийная перегруженность) приводит к тому, что, кроме эмоциональной взвинченности, вытесняет из восприятия смысловую нагрузку. Но вот удивительно — смотреть спектакль (при всех этих недочётах) интересно, даже увлекательно. Может быть, подсознательно каждый из нас переживал что-то своё, поднимавшееся из глубины памяти, души, то, что только и можно воспринять, как фантазмагорию.

## **9 марта**

В мире продолжает твориться что-то невообразимое в связи с опасением заражения коронавирусом. В Румынии с 11 марта закрываются все школы и детские сады. В Греции церемония зажжения олимпийского огня пройдёт без зрителей. Без них же проходят мировые соревнования по биатлону, прыжкам с трамплина на лыжах, матчи Лиги Европы по футболу... Невероятно сократилось число авиарейсов, количество прилетающих туристов в Азии и Европе. Израиль ввёл двухнедельный карантин для всех прибывающих в страну. В Италии число умерших от вируса приближается к пятистам человекам. Ситуация начинает походить на некий (специально кем-то раскручиваемый) психоз.

В России пока довольно спокойно, но и у наших властей, того и гляди, нервы сдадут и начнётся чехарда. Пока только закрыли (лучше сказать, значительно ограничили) сообщения с КНР и Ираном.

## **11 — 17 марта Санкт-Петербург**

Медленный пассажирский поезд Самара — Санкт-Петербург, полупустой вагон. До глубокой ночи мы с А.М. Коломийцем в купе одни. Говорим хорошо, никем не стеснённые. Выпиваем немного. Только ночью, вернее всего в Ярославле, к нам подселился парень, который так и проспал до Питера.

**12.03.** Северная столица встретила дождём, ненастным ветром. Алексей Маркович сговорился с частником, который отвёз нас на Васильевский остров. Гостиница Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского произвела самое доброе впечатление. Номера подстать дорогушим сетевым отелям — просторные, в две жилые комнаты, одна из которых отдельная спальня.

Повёл меня Алексей Маркович знакомить с институтом (это несколько больших корпусов: современно обустроенных, с хорошими интерьерами, выполненными с дизайнерским вкусом, наполненных новейшим высокотехнологичным исследовательским научным оборудованием), а его всё останавливают знакомые, расспрашивают, просят зайти в их отделы. В приёмной директора Олега Владимировича Петрова обращают на себя внимание три глыбы с отполированной частью поверхности, на трёх отдельных столиках: одна искристо-голубая, другая коричневая с замысловатыми разводами. Красивое зрелище, без лишних слов объясняющее «куда попал» зашедший в это довольно просторное, с высоченными потолками помещение.

Встреча с О.В. Петровым — членом-корреспондентом РАН, дважды доктором наук (геолого-минералогических и экономических) — короткая, но доброжелательная. Договариваемся завтра записать беседу. Тема?

— Ну, как получится, так и получится, — как бы облегчая взаимную задачу, бросает реплику хозяин кабинета.

Выходим в коридор. В мощи стен, в высоте окон, в просторности парадной лестницы чувствуется основательность, с прицелом на века. Это здание «Геолкома» было построено правительством Российской империи ещё в конце XIX века. В нём разместился Геологический комитет, созданный в 1882 указом государя Александра III. Пока Коломиец встречался с коллегами, я успел внимательно рассмотреть большие портреты, выполненные хорошим художником, первых руководителей Комитета: Григория Петровича Гельмерсена (1803-1885), Василия Гавриловича Ерофеева (1822-1884), Александра Петровича Карпинского (1846-1936)...

После обеда поднялись в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный музей имени академика Ф.Н. Чернышова. Обширнейшая, просто необъятная экспозиция. Только чтобы обойти её, что-то поверхностно разглядывая, потребовалось более двух с половиной часов. Вечером отправились с Алексеем Марковичем к Неве... Там приходится наглухо, под подбородок застёгивать куртки. Но прошли довольно далеко, до Благовещенского моста. Останавливались у памятной стелы, где выбита надпись: «С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки». Как же многое помнят гранитные плиты этой набережной.

Ночью за гостиничным окном завывал недобрый ветер, барабанил по подоконнику частой капелью дождь.

**13.03.** Основательная полуторачасовая беседа (под диктофон) с генеральным директором института. Невольно испытываешь удовлетворение от общения со специалистом высочайшей категории. Открывается иной взгляд на окружающий мир, и воистину начинаешь осознавать его глубину и многообразие.

Уважение к Алексею Марковичу здесь такое, что нам для развозов выделяют хорошую машину. Первым делом отправляемся на Смоленское кладбище к могиле Ксении Петербургской. Постояли в часовне, где непрерывно идёт служба. Гробница из белого мрамора, к которой и я преклонился, прося у святой защиты для своих близких.

Вокруг обходят часовню, дотрагиваясь руками до её стен, женщины. Тоже ждут помощи своим надеждам. Страшно представить, что это святое место в прошлом веке подвергалось жестокому осквернению. Но разве народ (любой) может существовать без своих святынь? На стене, со стороны, за которой гробница блаженной, прикреплена плита из белого мрамора, на которой выбиты слова: «Кто меня знал, помянет мою душу для спасения своей души». Под неё, в металлический ящик, заполненный чистым песком, я и поставил свои свечи.

Конференция Международной академии экологии, безопасности человека и природы проходила в зале администрации Адмиралтейского района. Пока шли доклады, я успел прочитать в газете «Родина и экология», что: *Российские предприятия — переработчики вторсырья стали покупать больше пластиковых отходов за рубежом. В прошлом году импорт составил более \$ 20 млн — на 32 % больше, чем годом ранее, свидетельствуют данные таможенной статистики, которые изучил РБК... Согласно данным ФТС, в 2019 году Россия закупила за границей пластиковые отходы на \$ 20.3 млн (категория «отходы, обрезки и скрап из пластмасс»). В 2017 году импорт составлял \$ 15.4 млн, в 2016-м — \$ 16.3 млн.*

Согласно статистике лидерами по продажам в Россию пластиковых отходов выступают Турция (\$ 6.25 млн за 2018 г.), Белоруссия (3.1 млн) и Япония (2.8 млн)...

*Кроме того, в минувшем году Россия покупала пластиковые отходы у Германии (\$ 1.5 млн), Объединённых Арабских Эмиратов, Казахстана, Украины (по \$ 1 млн) и ещё у 18 стран, среди которых США (\$496 тыс.).*

Не менее интересны сведения, но только уже с акцентом в другую сторону, сообщается о макулатуре.

*Макулатура — главная статья российского экспорта среди вторсырья (без учёта лома и отходов чёрных и цветных металлов). Объём экспорта макулатуры в 2019 году составил почти \$ 72 млн (368 тыс. т). Более половины этой суммы приходится на сделки с Украиной (\$ 38.3 млн). На втором месте по закупкам целлюлозных отходов из России — Белоруссия (\$ 8.3 млн), затем идут Узбекистан (\$ 5.4 млн), Германия (\$ 4.8 млн), Финляндия (\$ 4.5 млн). Экспорт макулатуры растёт год от года. Если в 2016 году Россия поставляла за рубеж это вторсырье на \$ 31.5 млн, то годом позже уже на \$ 61.6 млн. В мировом экспорте макулатуры Россия, согласно международной торговой статистике, занимает 19-е место. Лидируют США, которые продали в прошлом году это вторсырье на \$ 3.3 млрд. В основном собираемая сейчас макулатура перерабатывается внутри страны, на экспорт идёт не более 10%, сообщил РБК исполнительный директор СРО ассоциации «Лига переработчиков макулатуры» Алексей Сергеев. В прошлом году было собрано порядка 3.9 млн т макулатуры (преимущественно в коммерческом секторе: ретейл, типографии, производство, коммерческая недвижимость), а переработано внутри страны 3.6 млн т.*

Не знаю, как для кого, а для меня такая информация — полная неожиданность.

Вечером перекусить пошли в грузинский ресторанчик «Хачапури», что на Средном проспекте. Алексей Маркович тут уже бывал, потому и выбор блюд был за ним. Взяли всё национальное. И уж после, прогуливаясь, обошли вокруг комплекса зданий ВСЕГЕИ, постояли на 20-й линии у памятника А.П. Карпинскому. Бюст установлен на пьедестале из красного гранита. Голову учёного подпирает его ладонь. Получился образ размышляющего человека. Скульптор Наталья Александровна Карпова, архитектор Виктор Борисович Мартиров.

Взял в дорогу книгу М.А. Булгакова с двумя романами. Том издан в Баку в 1988 году. Куплен (согласно моей пометке карандашом) там же 26 октября 1989 года. Каким предупреждением о грядущих событиях (в том числе в Азербайджане, в Баку) должна была бы послужить «Белая гвардия». Но нет, никто этому произведению не внял, в роман не вчитался. Не услышали его предупреждения и в XXI веке в Киеве, на Украине. А уж не им ли этот роман Михаила Афанасьевича держать за настольную книгу. Однако решили всё повторить сызнова. И заслуженно, пройдя уж не раз всё тем же путём, поплатились: разрухой, кровью, ненавистью, погромами, братоубийственной дракой с «москалями».

**14.03.** Мысль во время утреннего чтения «Белой гвардии»: истинную человеческую правду о годах испытаний (революции, гражданской и Великой Отечественной войнах) мы узнаём не из трудов многочисленных учёных-историков (из написанных ими монографий, исследований, составленных энциклопедий), а из художественных произведений М. Шолохова, А. Фадеева, А. Серафимовича, М. Булгакова (20-е годы создания), а ещё Ю. Бондарева, В. Курочкина, К. Воробьёва, Е. Носова, В. Астафьева (последнее поколение писателей). Только через переживание человеческого сердца, его страдания передаётся следующим поколениям высший смысл произошедшего. В этом отношении до сих пор остаётся неосмысленным литературой, не пережитым ею период последнего государственного переворота, русской смуты конца XX века, принесшей стране невероятные для мирного времени страдания и потери. Это тоже своего рода необъяснимый феномен. Ни одного достойного романа, повести — передающих состояние народа. Были попытки (ради справедливости стоит это отметить), но какие-то поверхностные, робкие. Их даже не хочется перечислять, потому что это всё «проходящая литература». Разве что стоит упомянуть серию военно-политико-социальных романов Александра Проханова.

Небо чистое. Солнце, но холод зимний — лужи на асфальте замёрзли. Встреча с автором журнала, доктором технических наук, профессором и поэтом Львом Капитоновичем Горшковым. Во время прогулки с удивлением узнал, что памятник Анатолию Собчаку, совсем недавно посещаемый В.В. Путиным, находится рядом на Большом проспекте. Пройдя через небольшой и довольно запущенный сквер (тут возвышается интересный памятник Н.К. Рериху — монументальный, классический, установленный в ноябре 2010 года, вырубленный из карельского гранита скульптором В.В. Зайко (архитектор Ю.Ф. Кожин) и, отклонившись немного вправо, мы вышли к этому, довольно нелепому по содержанию сооружению. Всё в нём какая-то бессмыслица. Отмечаю это не потому, что плохо отношусь к сему персонажу. Мне кажется, я вполне объективен. На невысоком постаменте бронзовая фигура Анатолия Александровича в пояс. Он в мантии почётного доктора или академика какого-то университета. На лицевой стороне постамента бронзовыми буквами надпись: «Первому мэру Санкт-Петербурга». Ниже ещё одна: «Анатолию Александровичу Собчаку (1937-2000), возвратившему имя городу». (То же утверждение и на его кладбищенском памятнике. Видимо, других достижений у мэра не было.) Но текст на левой стороне постамента опровергает то, что написано на лицевой: «Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: вернуть городу Ленинграду его историческое название Санкт-Петербург. Москва. Дом советов РСФСР 6 сентября 1991». Спрашивается: и причём здесь Собчак, особенно, если вспомнить, что постановление было принято после проведения в городе по этому вопросу референдума?

На правой стороне постамента выбиты строчки из стихов И.Бродского (без указания его авторства, отчего можно подумать, что их сочинил сам Собчак): «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать...» Но разве Анатолий Александрович умер в Санкт-Петербурге? Опять нелепая, непонятная придуманность, не соответствующая действительности и папахивающая плагиатом. Ну и последнее: раз этот памятник поставлен бывшему мэру (в 2006 году, на четыре года раньше, чем Н. Рериху, после шести лет смерти отставного главы города, которого горожане после первого провального срока не переизбрали), то причём здесь мантия почётного доктора? Ведь не учёному водружён сей монумент, а обыкновенному (к тому же неудачливому) чиновнику. Несуразностью, хаотичностью «мысли», этот памятник прекрасная иллюстрация всему тому, что творится в головах у «демократов и либералов». Разве из этого хаоса могло что-то путное, достойное произойти в стране, в которой они захватили власть?

После обеда в ресторанчике «Европейский» (а по сути армянский), совершил продолжительную прогулку по Питеру. По Большому проспекту дошёл до Дворцового Моста, перешёл к Исакиевскому собору, прогулялся вдоль Мойки, вернулся на Васильевский остров и уже в сумерках по Среднему проспекту вернулся на 19 линию.

За обедом в ресторане и во время прогулки со Львом Горшковым и его другом обсудили вопрос о создании представительства «Вертикали. XXI век» в Санкт-Петербурге. Достигнуто полное взаимопонимание.

Вечером дочитал «Белую гвардию» М.А. Булгакова. В конце романа есть замечательный по духовной силе эпизод, когда Елена Турбина молит Богородицу о чуде исцеления умирающего старшего брата Алексея: «День исчез в квадратах окон, исчез и белый сокол, неслышным прошёл плещущий гавот в три часа дня, и совершенно неслышным пришёл тот, к кому через заступничество смуглой девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленями. Огонёк



разбук, тёмное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены всё новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и ещё раз возникло видение — стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-жёлтые песчаные губы, маслячные деревья, чёрной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор...» Когда читал это, то где-то в глубине сознания возникала мысль — не в этот ли миг, во время написания этих строк, пришла Михаилу Афанасьевичу мысль написать «Мастера и Маргариту»? Не явился ли этот эпизод первым толчком, творческой зацепкой, духовным пробуждением для написания будущего романа?

**15.03.** Утром холодный воздух, пронизанный ярким солнцем, пахнет морем. Ветер с залива ровен, спокоен, с сокрытым внутри себя лёгким морозцем. Едем с А.М. Коломойцевым в концертный зал Мариинского театра на оперу Вольфганга Амадея Моцарта «Волшебная флейта», поставленную Аленом Маратром на этой сцене ещё в 2007 году. Дирижёр Заурбек Туткаев... Весь день жил под впечатлением от увиденного, услышанного, пережитого. И когда не торопясь шли с Алексеем Марковичем в обратный путь на 19 линию Васильевского острова через Благовещенский мост, по набережной Лейтенанта Шмидта, и когда обедали наконец-то в ресторанчике с русской кухней, и когда разговаривал по телефону с Николаем Офитовым, отвечая на его поздний, но как всегда обрадовавший меня звонок.

**16.03.** Ничего не могу с собой поделать — когда смотрю на маленьких детей, то кроме чувства умиления, задаю себе ещё и такой вопрос: когда вырастет этот карапуз, то кем станет, как сложится его или её жизнь в невероятно изменившемся (по сравнению с теперешним) мире? И вдруг непонятное смущение тихим, осторожно проникающим чувством, закрадётся в сердце. Может, будет добрым, талантливым человеком, а может, и... ведь откуда-то появляются в нашем мире негодяи, злые люди, убийцы, клеветники...

Давно хотелось побывать в Кронштадте. Директор ВСЕГЕИ О.В. Петров выделил нам для поездки автомашину. Город встретил хмурым небом, сильным холодным ветром. На соборной площади обошли вокруг памятника адмиралу Макарову. Прославленный флотоводец стоит на гранитной скале, а у ног его плещут бронзовые волны. Так получилось, что раньше изображение этого памятника я не видел даже в репродукциях. По граниту идут бронзовые барельефы: арктическое плавание ледокола «Ермак» (нос у белого медведя затёрт до зеркального блеска), торпедная атака, гибель «Петропавловска» (скульптор Л.В. Шервуд).

Отогревались в величественном Морском соборе. Это сооружение не может не восхищать своими размерами. В какой-то момент в огромном пространстве оказалось всего четыре человека — я с Алексеем Марковичем и два охранника. И стало отчётливо слышно завывание ветра в невероятной высоте купола. То ли где-то была приоткрыта какая-то щёлка, то ли это было сопротивление золотого креста под порывами ветра — я не знаю. Но дальней необъяснимой тоской отозвался этот звук в моём сердце.

Доехали до Петровского парка. На набережную только вышли — и назад. Ветер, ветер пронизывающий. Можно было позавидовать морякам, что укрылись от него в небольших военных катерах, пришвартованных у пирса. А у памятника Петру I двое немолодых мужчин в капитанских фуражках, не обращая внимание на непогоду, разложили что-то на лавочке и, не спеша разговаривая, выпивают, закусывают.

Проехали в Репино. Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты». Вход оказался открыт, но у музея выходной — так объяснил рабочий, что широкой лопатой очищал дорожки от выпавшего ночью снега. Прошли по парку. Поклонились могиле художника. Удивило плачевное состояние башни. Лестница к ней и она сама оказались практически разрушены, сгнили. Всё это нетронутым осталось на давних моих фотографиях. Про-

щаясь с нами, работник сказал, что всё будут восстанавливать — деньги нашлись.

В Санкт-Петербурге с Московского вокзала отправляемся всё на том же поезде в Нижний Новгород. Каким же окружным путём идёт он.

**17.03.** От Ярославля до Иванова, и ещё дальше до Коврова железнодорожное полотно однопутное. Впечатление — едем (медленно, созерцательно) сквозь лес. Всё близко от окна, рядом: ёлочки, овражки, разлившиеся речушки, туннели для них под железнодорожную насыпь, завалы валежника...

Стало известно, что сегодня умер писатель Эдуард Лимонов (Савенко), написавший множество книг, создававший свою партию, готовивший «государственный переворот», влюблявшийся в женщин, скандаливший... Яркий человек, всё больше описывавший собственную жизнь. Значит, было что описывать.

На обратном пути читаю «Жизнь господина де Мольера» М.А. Булгакова. Всё больше стою в коридоре у окна, напротив нашего купе. Не очень удобно — когда кто-то проходит, приходится прерываться, прижимать книгу к груди, сторониться — но у окна светлее. В какой-то момент Колюнец окликает меня и прочитывает такое четверостишие:

*Отбросив всех забот вериги,  
Задумчив, тих, читает книги.  
Мне нравится, когда таков  
Мой друг — Валерий Сдобняков*

Поезд С-Петербург — Самара. 16.03.20 г. 9-00

Вот только с датой в конце стихотворения Алексей Маркович немного напутал.

## **21 — 22 марта**

Нельзя не отметить продолжающиеся события, связанные с эпидемией коронавируса. Репортажи из европейских столиц демонстрируют пустые улицы, проспекты и площади Рима, Венеции, Берлина, Парижа, Брюсселя... Нью-Йорк закрывается на карантин. Теперь больше всего среди заболевших смертных случаев в Италии, США, Испании, ФРГ... Итальянцы умирают по 700 человек в день. В связи с этим возникает множество проблем, вплоть до вывоза трупов из квартир (где продолжают жить их родственники), что на карантине. За выход из квартиры штраф. Патрули проверяют прохожих на разрешение появления на улице. Аэропорты обезлюдели. У крупнейшей авиакомпании ФРГ из 760 бортов 700 самолётов не используются, стоят на взлётном поле.

Не проводятся спортивные, культурные, научные и прочие массовые мероприятия. Остановлены все чемпионаты всех уровней по всем видам спорта — от мировых до местных. Такого в истории человечества ещё не было. Закрыли свою работу музеи (от крупнейших европейских, включая российские, до местных — краеведческий), театры, кинофестивали и прочее. В Евросоюзе страны закрывают национальные границы (забыв о шенгенской зоне), отгораживаясь друг от друга. О помощи соседям не идёт и речи — каждый сам за себя. Лишь Китай и Россия направили в Италию (запросившую помощь — там умерло от коронавируса уже больше, чем в КНР) своих специалистов, оборудование, технику. РФ — 15 самолётов Ил — 76. Сможет ли после всего пережитого мир остаться прежним — вот в чём главный вопрос.

В Нижнем Новгороде — как и везде: прекращена учёба в школах и ВУЗах, закрыты театры и так далее. Намеченная художественная выставка Международной академии Культуры и искусства, к которой и я некоторым образом причастен, переносится на неопределённое время. Всё в нашей жизни меняется и становится неопределённым. Но что это, по сравнению с тем, что даже проведение летних олимпийских игр в Японии в этом году отменили, а Великобритания полностью закрылась от всего остального мира на карантин.

И последнее замечание общего порядка. Меня всегда удивляла уверенность наших политиков, политологов и обозревателей-журналистов, что в случае военного конфликта, связанного с каким-либо из стран НАТО, все члены альянса как один, исходя из трансатлантической солидарности бросятся её защищать. Я убеждён, что ничего не последует — об этом говорит всем история Европы последних веков. Слишком эгоистичны, эгоцентричны страны, находящиеся на территории континента. В спорах это утверждал множество раз. И вот пандемия явилась моим словам полным подтверждением. Какая война, какая жертвенность за «друзья своя». Все бросились спасать только себя, бросив бедную Италию вымирать. И вот премьер-министр в аэропорту, не переставая благодарить Россию, клянясь, что его страна никогда этого не забудет, как спасителей встречает военных — вирусологов из враждебной для НАТО России. Вот так всё легко и сразу проверяется.

В завершение приведу справку из газеты «Коммерсант»: *Так, в 1920 году на Олимпиаду в Антверпене не получили приглашения потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия и ее союзники — Австрия, Болгария, Венгрия и Турция. Спустя четыре года немцев снова не пригласили на Игры в Париже. После Второй мировой войны история повторилась. Две подряд Олимпиады — лондонскую 1948 года и хельсинкскую 1952-го — пропустили Германия и Япония. Первый бойкот Олимпийских игр зарегистрирован в 1956 году. В Мельбурн не приехали спортсмены из семи стран. Египет, Ирак и Ливан проигнорировали Олимпиаду из-за Суэцкого кризиса, Голландия, Испания и Швейцария — из-за советского вторжения в Венгрию, а Китай — протестуя против участия в ней Тайваня. Олимпиада 1964 года в Токио обошлась без Индонезии и Северной Кореи, дисквалифицированных за участие в так называемых Играх новых сил, позиционировавшихся в качестве олимпийской альтернативы. ЮАР запретили участие в ней из-за политики апартеида. МОК снял санкции с южноафриканцев только в 1992 году. Первый массовый бойкот Олимпиады произошел в 1976 году. Привело к нему выступление новозеландской регбийной команды в туре по исключенной из олимпийского движения Южной Африке. Не добившись наказания для Новой Зеландии, Танзания инициировала бойкот монреальской Олимпиады, к которому присоединилась еще 21 африканская страна. Единственный случай бойкота зимней Олимпиады зафиксирован в 1980 году. Тайвань отказался соревноваться в Лейк-Плэсиде под названием Китайский Тайбэй, желая официально именоваться Республикой Китай. Еще больше пострадала из-за политических противоречий московская Олимпиада 1980 года. Бойкот был инициирован президентом США Джимми Картером в связи с вводом советских войск в Афганистан, а в общей сложности в нем участвовали 62 страны. Отсутствие в первую очередь спортсменов из США, ФРГ и Японии серьезно снизило уровень соревнований. Ответом Советского Союза был бойкот Олимпиады 1984 года в Лос-Анджелесе. К нему присоединились 13 стран. Восточный блок в Америке представляла только Румыния. Уровень Олимпийских игр в Лос-Анджелесе пострадал, пожалуй, еще сильнее, чем тех, что состоялись в Москве. Ведь из-за бойкота они потеряли не одну, как за четыре года до этого, спортивную супердержаву (тогда ею были США), а сразу две — СССР и ГДР. Последний олимпийский бойкот зафиксирован в 1988 году, когда Олимпиаду принимал Сеул. КНДР хотела провести ее совместно с Южной Кореей, но договориться о формате сотрудничества не удалось. В итоге солидарность с северными корейцами, отказавшимися участвовать в соревнованиях, проявили Куба, Никарагуа и Эфиопия. Главной жертвой бойкота оказался боксерский турнир: кубинцы в то время доминировали в любительском боксе.*

Кроме бойкотов и отстранений по политическим причинам Олимпийские игры страдали от терактов. Самый известный из них произошел 5 сентября 1972 года во время летней Олимпиады в Мюнхене.

Тогда восемь вооруженных боевиков из палестинской террористической организации «Черный сентябрь» ворвались в расположенную в олимпийской деревне, захватили заложников и потребовали освобождения из израильских и европейских тюрем более 200 палестинцев. На следующий день немецкая полиция провела операцию по освобождению заложников, которая окончилась трагически. В итоге жертвами теракта стали 17 человек — 11 членов израильской олимпийской сборной (четыре тренера, пять участников соревнований и двое судей), один западногерманский полицейский, а также пять из восьми террористов. Несмотря на трагедию, Олимпийские игры не прерывались и завершились 11 сентября.

Еще один теракт произошел 28 июля 1996 года в Атланте. Мощный взрыв прогремел в олимпийском парке неподалеку от олимпийской деревни, в результате которого два человека погибли, 111 получили ранения. Организатор взрыва Эрик Рудольф в июле 2005 года был приговорен к пожизненному тюремному заключению без права досрочного освобождения. Как и в Мюнхене, Игры было решено продолжить.

## **24 марта**

В Москве на Манежной площади заменяют памятник Георгию Жукову. Прежний, созданный скульптором Вячеславом Клыковым, уже сняли с постамента. Его критиковали и за изображение движения коня, и за не совсем понятный жест маршала — открытая ладонь выставлена вперёд на уровне головы коня. Это вроде бы какой-то успокаивающий, умиротворяющий жест.

Новый памятник иной. На нём военачальник не привстал на стременах (как было прежде), а плотно сидит в седле, отдавая честь (как я понимаю) войскам, которые в парадном строю будут входить на Красную площадь. Наверное, с «идеологической» стороны это тоже правильно. Но что-то по сердцу корябает в связи с этой сменой. Словно «правильный» редактор начинает исправлять, «причёсывать» пусть не совсем в стилистическом смысле гладкую, но в искренности своей правдивую рукопись. Она становится красивой, но не живой, мёртвой. К тому же не забудем, в какое время для России появился памятник Клыкова — 8 мая 1995 года. Страшные были времена — предательства, позора. Тогда Жуков на коне был явлен народу как символ будущего возрождения Родины. Возможно ли с символом поступать, как с ординарным произведением монументального искусства?

## **27 марта**

С завтрашнего дня Россия полностью останавливает транспортное сообщение с другими странами. Исключение — вывоз соотечественников из-за рубежа специальными рейсами. На неделю по всей территории вводится карантин. В.В. Путин обратился к соотечественникам в специальном телевизионном послании — не выходить на работу, оставаться в своих домах. Зарплата будет сохранена.

В столице закрывается почти всё — от крупных торговых центров до парикмахерских. В Питере губернатор запретил даже посещение церквей. Ну и далее подобное по всем городам и весям. Насколько это выполнимо — сказать трудно. У меня складывается впечатление, что дело не в вирусе, а в глобальной перестройке, переформатировании действующих правил экономических взаимоотношений в мире. Пользуясь объявленной эпидемией, производится тотальная остановка всей экономической деятельности. Остановка, чтобы переформатировать и вновь запустить, только уже на совершенно новых подходах, принципах, условиях.

При этом в РФ всего 840 человек заражено коронавирусом, двое из которых (очень пожилые люди) скончались.

Умер Юрий Васильевич Бондарев. Последний великий русский писатель советской эпохи. Ему шёл 97 год. Всю мою литературную жизнь это писательское имя являлось недостижимым маяком. И вот свет этого маяка погас. Оттого в моём сердце глубинная, сопряжённая непостижимым отношением с собственной жизнью, горечь.

Всё творчество Юрия Васильевича было по-человечески честным, по-христиански совестливым.

В молодости я и мечтать не мог, читая его романы «Берег» и «Выбор» в журнале «Наш современник», повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы», миниатюры «Мгновения», что судьба когда-то сведёт нас вместе, что я смогу пожать ему руку, что по его приглашению побываю в гостях у писателя и на его даче в Ватугинках, и в московской квартире, что мы будем подолгу, часами разговаривать, записывать интервью, хлебосольно обедать, очень тепло прощаться.

У меня в библиотеке семь подаренных Бондаревым книг (плюс собрание сочинений в девять томов) с самыми разными, но неизменно доброжелательными, дружескими надписями автора, от: «Дорогому Валерию — чистосердечно» и «Валерию Сдобнякову — от глубоко уважающего Вас! Ю. Бондарев» до «Дорогому Валерию Сдобнякову — с наилучшими чувствами и чистосердечными пожеланиями всех и всяческих удач Вашему таланту...»

Мы говорили о многом и откровенно: о природе творчества, о вере, о русской судьбе и будущей жизни всего человечества. Что касается веры, то, кроме высказываний писателя, что сохранились в опубликованном тексте нашей беседы, мне бы хотелось сейчас добавить ещё один эпизод.

Перед празднованием Дня Победы мы как-то в Москве собрались небольшим коллективом, и тогда за столом, когда опять заговорили о вере, Юрий Васильевич воскликнул: «Я знаю, что во время войны меня оберегал Ангел-Хранитель!» И рассказал один из эпизодов, когда чудом остался жив. Случившееся, действительно, иначе, как чудо, не назовёшь. Я не стану его пересказывать, это не моя тайна, но прошу поверить мне на слово.

Прочитав несколько номеров журнала «Вертикаль. XXI век», Бондарев без колебаний согласился войти в состав общественно-редакционно-го совета, и мне теперь трудно представить, что готовящийся к печати номер должен будет выйти со скорбным сообщением о кончине великого писателя, что его имя будет обведено траурной рамкой.

Только два дня назад я прочитал повесть Юрия Бондарева «Родственники» (долго всё откладывал и откладывал) — одно из немногих «незначительных» его произведений, почти забытого и критиками и читателями. Забытого несправедливо, ибо затрагивает оно вопрос вечный в жизни любого человека: можно ли идти на компромисс со своей совестью, пусть даже если сам себе объяснишь необходимостью и благом для близких. Грех предательства, иудин грех будет преследовать человека всю оставшуюся жизнь и в итоге принесёт горе, страдание семье, общественное презрение.

Повесть написана по-бондаревски с глубоким психологизмом, выверенностью характеров, страстно и бескомпромиссно.

В конце 80-х годов, когда грех предательства просто накрыл страну, что называется, с головой, Юрий Васильевич один из немногих (а на таком уровне, с высокой партийной трибуны КПСС — единственный) нашёл в себе мужество назвать вещи своими именами, обличить и предупредить власть о грядущей катастрофе, сравнив «перестройку» с самолётом, который взлетел, а куда приземляться, не знает.

В моём диктофоне есть запись нашего разговора с писателем (что называется — «на кухне») в его московской квартире, которую, видимо, пришло время обнародовать. А Юрию Васильевичу Бондареву вечная и благодарная память.

Сегодня патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал паству Русской Православной Церкви воздержаться от посещения храмов. Службы в них будут продолжаться, но теперь, во время карантина, без прихожан.

### **30 марта**

Моя Татьяна прислала из Норвегии ссылку на материал (в интернете) и перевод его с английского языка. Шведское издание сообщает о решении правительства страны в связи с мировой эпидемией коронавируса: «В связи с невозможностью оказать медицинскую помощь всем пациентам, шведское здравоохранение объявляет о введении следующих «этических норм»: В реанимацию будут приниматься только те больные, у кого есть шансы на выздоровление. Между больными с одинаковыми шансами на выздоровление будет делаться выбор в пользу того, кто в случае выздоровления сможет прожить дольше. Тем больным, кто уже выработал свой жизненный ресурс, либо чем-то ещё страдают, помощь оказываться не будет. Так же те, чьи шансы на выздоровление в реанимации будут уменьшаться, будут отключаться от аппаратов в пользу тех, у кого шансы выше».

Татьяна в письме продолжает: «Норвегия примерно то же самое заявила ещё в середине марта перед введением карантина. В интернет-группах обсуждали, что глава Техаса предложил старикам пожертвовать собой ради молодых, то есть не занимать место в больнице и не вызывать врачей, а просто остаться (умирать) дома. Но этого заявления я не видела в прессе, поэтому точно сказать, что так и было, не могу».

Как дико для нас, «рождённых в СССР», всё это звучит. Слава Богу, в России подобных решений не принимается. Напротив — от главы государства до медиков призывают беречь старшее поколение. В этом и заключается наше отличие от Запада — в человеколюбии и отсутствии «механического» рационализма.

### **31 марта**

В столице и некоторых других городах (видимо, дойдёт и до нас) карантин по самоизоляции граждан продлён до середины апреля. Улицы городов заметно опустели: нет прохожих, совсем мало машин. Я вот тоже не выхожу из дома — читаю, пытаюсь писать для журнала, закрываю долги по предисловиям. Этот текст для альбома передвжной художественной выставки «Планета Русь», которая должна открыться у нас в Нижнем Новгороде. Трудные дни закончатся и жизнь продолжится. Хотя опыт тотального контроля над людьми (за выход из дома вводится наказание, для этого отрабатывается электронный контроль за каждым) вряд ли уже уйдёт из нашей жизни.

*Что делает большое сообщество людей единой нацией? Общая история и общая культура. Именно эти два понятия на непостижимом мистическом уровне сплачивают, казалось бы, разных по крови, вероисповеданию, мироощущению народы в нечто неразрывное, мощное, цельное.*

*В природе существует чрезвычайно крепкая, плотная горная порода, называемая песчаником. Когда-то бывшие мелкими и разрозненными частицы разных минералов, за миллионы лет сцементировались, образовали единый монолит. Так из песчинок возник один из самых крепких, стойких к непогоде и разрушению материалов.*

*Нечто подобное происходит и в человеческой жизни. Нас скрепляет в единую нацию время. А цементирующей основой для этого процесса служит культура. Только при таких условиях возникает история всякого государства. И Россия здесь не исключение.*

*Именно об этом напоминает нам замечательная художественная выставка «Планета Русь» (живопись, графика, скульптура). Экспозиция*

подготовлена к 800-летию юбилею Нижнего Новгорода Международной академией культуры и искусства (президент — народный художник РФ, академик Российской академии художеств П.Т. Стронский), совместно с РОО «Нижегородское землячество в столице» (председатель правления — Почётный гражданин Нижегородской области В.А. Карпочев) и при финансовой поддержке Правительства Нижегородской области.

Я уверен — ни один из зрителей, кто посетит экспозицию в Нижегородском государственном выставочном зале, не останется равнодушным. Жизнь в веках огромной страны предстанет их взору, запечатлённая на холстах и графических листах, в бронзе и дереве. Неповторимый дух русского очарования в пейзажах и портретах, в натюрмортах и батальных сценах, наша современность и образы далёких предков, холодный север и жаркий юг, исторически значимые события и сценки сугубо личного «семейного счастья», озарённые внутренним теплом бесконечной любви, — этим запомнится выставка всякому равнодушному сердцу, даст ему почувствовать величие и бесконечность временного пространства нашего общего для всех Отечества.

Выдающиеся мастера, народные художники СССР и России, академики РАХ и МАКИ представили на суд нижегородцев (а далее и жителей многих других городов и весей — ведь выставка передвижная) не просто свои работы, но думы, искренние переживания, философские размышления. Окунаясь в эту неповторимую творчески-историческую атмосферу, как не воскликнуть в глубине обрадованного сердца: как же велик духом, талантлив и вечен народ, скрепивший в единый непоколебимый монолит великую Россию!

*Да, это воистину планета, особое и неповторимое мироздание.*

Ближе к вечеру одна из прихожанок о. Евгения Юшкова привезла его к моему дому. После шестнадцатиградусного тепла температура резко ушла за ноль, замело снегом, поднялся знобкий ветер. Выхожу из подъезда — батюшка стоит у дверей, в руках прозрачные полиэтиленовые файлы с рукописями. У самого голос с хрипотцой — накануне напился берёзового сока из холодильника («ледяной»), теперь опасается войти в квартиру: в сегодняшней обстановке как бы не навредить. А глаза (чёрная камилавка надвинута на самые брови) весёлые: «Я-то знаю, отчего захрипел. Сам виноват».

Рукопись очередных заметок подготовлена для публикации в 64-м номере «Вертикали. XXI век». «Там много горького. Да чего поделаешь, так всё складывается».

Прощаемся.

— Ладно, обниматься не будем, карантин, — улыбаясь, говорит о. Евгений.

Я смеюсь и крепко прижимаю его к себе. Эпидемия эпидемией, да как-то не верится, что нас она коснётся.

Дома, при свете настольной лампы прочитал рукопись.

«Нищий духом — это человек, не гордящийся своими чем-то... а признающий и относящий всё: жизнь, и таланты, и благополучие, и скорби, происходящие с ним — всё Богу — Творцу... Тогда лицо становится другим. В нём будут просматриваться тихий (может быть, почти незаметный) отблеск Божественного света...»

Тихое принятие случившегося, того или иного, обстоятельства. Без внутреннего бунта. С благоразумным смирением».

А ведь действительно — лица гордых (завистливых) людей всегда настаивают сокрытым внутри глаз каменным эгоизмом.

## **2 апреля**

Вновь обращение к нации В.В. Путина. Я подумал, что президент объявит ещё на одну неделю продление общего карантина в стране, но ошибся. Карантин (и в более жёстких рамках) продлевается до конца

апреля — на целый месяц. Чтобы удержать людей по домам, в Москве вводятся для нарушителей штрафы в 4 тысячи рублей (в первый раз — на следующий раз 5 тысяч рублей). Остаётся одно — сидеть за столом и писать. Расшифровал диктофонную запись беседы с И.К. Кузьмичёвым (черновик). Ранее записал наш разговор по телефону. Качество звука плохое. Микрофон диктофона уловил непонятное гудение, которое при разговоре слышно не было, оттого какие-то слова Ивана Кирилловича разобрать не удалось, пришлось пропустить целые фразы, но в целом интервью получилось. Не очень содержательным, однако, хоть так профессор сумел высказаться, дать оценки прочитанным моим книгам.

Я его спросил про книгу «Когда душа плачет».

— В этом сборнике есть раздел «В мире слепых сердец. Ответы недругам». Его содержание вас не корябнуло? Не возмутила моя полемика с некоторыми литераторами?

— Напротив. Как вам сказать — вызвала восторг. Отличная полемика. Потом — это же правда. Это всё в контексте времени.

— Мне всегда казалось, что литератор обязан отвечать на те поступки, высказывания коллег, с которыми он не согласен, которые считает бесчестными. Это вопрос совести. Ты должен высказать своё мнение, а не прятаться по кустам, за углом. Исходя из такого принципа, были мною написаны те статьи, что вошли в раздел.

— Потрясающая прямота! Принципиальная критика. Притом людей, которые коллеги. Это здорово! Это хорошо. Одним словом — отображение действительно истерзанного времени.

Ну и о других книгах разговор шёл примерно в таком же ключе.

### **3 апреля**

С улицы время от времени раздаётся предупреждение, усиленное невероятной мощности динамиками, чтобы все оставались дома, не выходили на улицу. Ещё в прошлом году, пугая горожан, местная служба МЧС установила и проверила работу громкой связи оповещения, которая сейчас пригодилась. Случайное совпадение, или подготовка к чему-то подобному, как объявленный карантин, шла заранее? Этого, я думаю, мы не узнаем никогда.

Во времена невиданной дотоле мировой самоизоляции (сотни миллионов, если не миллиард, людей закрыты в своих домах и квартирах на всех заселённых континентах планеты), читаю произведения Оноре Бальзака из того собрания сочинений (в 24-х томах), что уже много лет назад подарил мне нижегородский поэт, литератор Юрий Андреевич Адрианов (об этом я писал в своих воспоминаниях о нём). И вот в романе «Модеста Миньон» (перевод О.В. Моисеенко) прочитал такое авторское отступление: «Попробуйте-ка остаться неузнанными... попробуйте затеять самый пустяшный роман, когда цивилизация отмечает на площадях час отъезда и прибытия фиакра, пересчитывает и дважды штемпелует письма: при их поступлении на почту и при их разноске; когда она нумерует дома, заносит в реестр налогообложения даже этажи зданий, предварительно пересчитав все их ходы и выходы; когда ей скоро будет подвластна вся территория, изображённая до мельчайших подробностей на огромных листах кадастра, — этого гигантского произведения, выполненного по воле гиганта!»

Узнать бы Бальзаку о том невероятном психологическом эксперименте, в котором находимся мы сейчас: какой уровень слежки ожидает человечество впереди (роман писался автором, судя по данным «Примечания», в 1844 году), насколько личная жизнь каждого жителя планеты станет прозрачной, зависимой от кого-то неведомого, но невероятно могущественного. Только дух (и это, видимо, будет до конца времён) останется в человеке не поработённым, принадлежащим только ему. Как распорядиться этим богатством — будет зависеть только от индивидуума.

Есть, есть тут над чем задуматься.



#### **4 апреля**

Позвонил И.А. Соловьёву по поводу прочитанной рукописи его повести «Яд для Сальери», которая на меня произвела самое доброе впечатление. Текст хорошо выстроен. Автор профессионально (уже без всякой натяжки) владеет литературным языком, без «провисаний» и лишних отступлений выстраивает довольно запутанный, но убедительный сюжет, где рисует запоминающиеся образы героев. Очень хорош, убедителен в поступках у него Сальери — талантлив, добр, чадолюбив, скромен, бесконечно предан музыке...

Повесть написана от лица талантливого, но не достигшего неподражаемых исполнительских высот музыканта (скрипача), обуреваемого чувством зависти как к Моцарту, так и к Сальери (несмотря на то, что оба они по-доброму к нему относятся, помогают именно в профессиональном отношении) и потому решившего отравить одного и «подставить» другого. Но Моцарт умирает своей смертью, и тогда для уничтожения (морального) другого композитора неблагодарный неудачник, хитро всё продумав и подстроив, запускает слух о причастности к уходу из жизни одного композитора — другого.

Поздравив Игоря Александровича с творческой удачей, предложил опубликовать повесть не только в готовящейся к печати его книге прозы, но и в журнале «Вертикаль. XXI век». Понятно, что тема вечная, но в своём предложении я исходил не из этого. Теперь уже редко приходится читать «интеллигентные» тексты, где автор с пониманием рассуждает о классической музыке, точен в психологии поступков изображаемых им героев, с истинным уважением к ним относится — как к существующим рядом — и значит, жизнь и творчество в его тексте неразрывны.

Я рад, что именно в сотрудничестве с «Вертикалью» вырос такой автор.

#### **5 апреля**

Каждое утро в окно светит солнце. К вечеру ветер наносит плотные тучи, крупчатый снег расчёркивает свет под фонарями, растаивая, покрывает жирным блеском асфальт.

Выхожу поздним вечером на получасовую прогулку. Не скажу, что улицы безлюдны, но всё-таки прохожих значительно меньше обычного. И как мне кажется, все мы ощущаем друг друга некими заговорщиками-нарушителями распорядения не покидать свои квартиры. Но находиться всё время дома становится невозможным, сродни заточению, потому-то вот уже второй раз я нарушаю карантин, хотя и стараюсь соблюдать предписанные меры предосторожности — не сближаться со встречными до двух метров. Впрочем, это выполнить не так сложно. Только выгуливающие собак образуют тесные сообщества на нашем бульваре.

Редкая снежная крупа, волглый ветер прекращаются как раз тогда, когда я возвращаюсь к родному подъезду. За спиной закрывается дверь. Ощущение законопослушности возвращается ко мне.

К ночи небо совершенно очистилось. Пока не ложусь спать, всё слежу за движением по нему самой главной и яркой звезды. Почти только её одну и видно. Остальные робко пробиваются сквозь искусственное свечение большого города, в котором, как оказывается, так легко в одночасье запереть в крохотных квартирках сотни тысяч безропотно послушных людей, испуганно оберегающих свои жизни.

#### **7 апреля**

Два больших интервью, над текстами которых сегодня работал. Первое прислал С.И. Рогожкин — с Героем Советского Союза Д.А. Аристарховым, второе записал я в 2018 году в Москве — с коммерческим директором мастерской «Хризолит» И.В. Буянковой.

Аристархов в беседе с Рогожкиным большей частью вспоминает события Великой Отечественной войны. И вот что в его словах меня бук-

важно резануло по сердцу, хотя сам Дмитрий Арамович этот эпизод вспоминает с добродушной снисходительностью. Шёл ноябрь 1945 года. Молодой советский офицер живёт в квартире у побеждённых немцев. Топит печку. И хозяйка его «критикует», чтобы он это делал осторожно: «У них печка была кафелем обложена, так что, когда я сильно топил, он трескался. «Нихт гут! — говорит, — если будете топить сильно, коменданту заявлю!»

Вот это подобострастие русского мужика перед другими народами для меня всегда было непонятным. Я не знаю, где, на каких фронтах родные, знакомые, соседи, земляки этой немки воевали, но стоило бы её спросить: сколько они русских печей, вместе с женщинами, стариками и детьми разрушили, когда поджигали в России, в Белоруссии, на Украине целые деревни и города? Но нашему офицеру это на ум не приходит. Он мужа этой немки напаивает ликёром, который Аристархову выдавался в виде привилегии, как Герою Советского Союза. Не солдат-соотечественников он этим дорогостоящим ликёром угощал, а хозяина квартиры (чтобы расположить немца к себе), да так щедро, что тот на следующий день не смог работать в своей пекарне.

Так стоит ли удивляться, что по прошествии десятков лет именно русских солдат те же немцы, поляки и прочие начали обвинять (помня проявленную к ним мягкотелость) в жестокости, насилии, варварстве... Сейчас оправдываясь, доказывая несуразность обвинений, в РФ стали открывать архивные материалы, из которых узнаётся, что сразу после освобождения Польши сотни тысяч тонн зерна было туда безвозмездно передано. Это зерно выращено в голоде и непосильным трудом русскими бабами, ребятишками да немощными стариками, распахивающими поля вместо тракторов запряжёнными в плуг измученными коровами, которые ещё больше десяти лет после войны не ели хлеба вдосталь. (О пережитом голоде в деревне, когда был мальчишкой, мне рассказывал отец.) Но это же свои бабы, свои дети — пусть дохнут, если сил нет! Такая их доля — победителей. А просвещённая Европа (хоть и принесли её войска на нашу землю неисчислимые жертвы) голодать не должна. Ведь они же не мы — лапотники. Это страшное чувство неполноценности уже сколько веков отравой пронизывает наше национальное самосознание, культивируя (в обратную сторону) в европейцах ничем не подкреплённое высокомерие, чувство превосходства, убеждённости, что все иные должны преклониться перед ними, неся свои дары к их ногам.

Наверное, эти размышления отравили бы мне сегодняшний день, если бы голос в диктофоне Ирины Владимировны Буянковой не напомнил о той потрясающей красоте, которую создают ювелиры мастерской «Хризолит», исходя из древних традиций русских мастеров, работающих со сканью, эмалью, творящих миниатюрную живопись, ростовскую финифть...

Многое замечательное способны сотворить русский дух, русское умение, незлобивое русское сердце. Но сотворить внутри своего пространства — духовного, земного. Мы способны учиться, что-то перенимать у других народов. Однако, не пора ли и другие народы научить уважению к нам. Не всё же их ликёрами опаивать за то, что они измучили и убили многие миллионы наших соотечественников, разграбили и сожгли наши музеи, архивы, библиотеки, как скот угоняли на рабский труд на германские заводы русских людей.

Иногда не грех за все за это и спросить — да построже, чтобы память вперёд на века осталась.

## 10 апреля

Благодарные за освобождение их советскими войсками от немецкой оккупации чехи снесли памятник маршалу Ивану Степановичу Коневу, в своё время установленный в центре Праги в начале 1980-х годов. Министр обороны РФ С.К. Шойгу обратился к чешской стороне, чтобы отдали памятник России, но получил отказ. В мае 1945 года, чтобы не

разрушать памятники архитектуры чехословацкой столицы, маршал приказал штурмовать город, не применяя тяжёлой артиллерии, тем самым погубив тысячи лишних жизней русских мужиков. Теперь одновременно властями района принято решение о сооружении памятника власовцам.

Продолжается вестись точнейшая статистика (как на важнейших спортивных соревнованиях — невольно возникает такое сравнение) заражённых коронавирусом. Результаты удручающие. В мире на сегодняшний день заражено 1 601 018 человек. Число вылечившихся за всё время — 354 972 человека. Умерло — 95 718. Публикуются данные по странам, а в России и по городам. Тяжелее всего обстановка в США. Как передало американское телевидение, из-за неподготовленности властей захоронение трупов, которые до этого складывали в автомобильные рефрижераторы, припаркованные около больниц (госпиталей) Нью-Йорка, происходит в братских могилах.

Но человечество потихоньку отходит от первоначального страха. Всё чаще люди начинают покидать свои дома, возобновляют работу предприятия, магазины. Потери в мировой экономике огромны. В США за две недели за пособием по безработице обратилось 10 млн человек — абсолютный антирекорд. Корпорация «Боинг» закрывает основные производства. Потому хочешь или не хочешь, а трудиться надо начинать. Но есть в этом скрупулёзном подсчёте жертв что-то неестественное, бесчеловечное, некое математическое начало, исключаящее сочувствие, сопереживание... душу. В какой-то момент мне подумалось, что это, возможно, пугает больше, чем сам смертоносный вирус.

Начитавшись романов Бальзака, принялся за пропущенное у И.С. Тургенева. Начал с романа «Новь». И сразу другой уровень разговора у главных героев — не может русский человек (и выразитель его чаяний писатель), чтобы не мечтать о переустройстве всего мира. Но я уже вижу, за что тогдашнее российское «передовое либеральное» общество ополчилось против этого произведения (в своих художественных достоинствах почти неуязвимо) Ивана Сергеевича. Хотя... столько об этом уже всего написано.

Позвонил А.В. Мюрисеп и с искренним добродушием отозвался о рассказе «Танин камень». Мне дорога эта оценка тем, что и у Александра Васильевича две дочери, а значит, и он нечто подобное моему пережил в их детстве, взрослении. Я не погрешил против истины, раз сердце опытного актёра отозвалось неравнодушным сопереживанием.

## **12 апреля**

Впервые в истории президент США объявил режим масштабного бедствия (эпидемия коронавируса) сразу во всех пятидесяти штатах.

## **13 апреля**

А ведь забил, незаслуженно забил роман «Отцы и дети» — «Новь», хотя много провидческого для будущего России предсказал в своём последнем романе И.С. Тургенев. Конечно, что-то и в уродливо-сатирическом (допускаю, что неосознанно, а в силу искреннего мягкого душевного порыва) виде высмеял Иван Сергеевич, изображая деятелей «революционного движения», стремящихся разрушить «застой» (ох, уж этот застой — всегда-то в России им именуется что-то устоявшееся, прочное, которое непременно, ради неведомых призрачных мечтаний, следует разрушить) — так ведь поделом. Пусть невольно так у автора вышло — а всё равно поделом!

Ф.М. Достоевский ранее подобную тему в романе «Бесы» уже развил куда жёстче (в философском, нравственном отношении), страшнее. Но в главных предчувствиях оба писателя не ошиблись.

«Да, наш народ спит... Но мне сдаётся, если что его разбудит — это будет не то, что мы думаем...» Так заканчивает своё предсмертное пись-

мо (прежде, чем застрелится) не закончивший курс университета, запутавшийся студент Алексей Нежданов своему другу, Силину. Как тут не понять, что чувствовал Тургенев ещё в далёком 1876 году, что не всеобщим освобождением и счастьем, а кровопролитием 1917 года закончатся мечтания «революционеров», для которых ведь всё сводилось к чему? «Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать стал или упираться — пулю ему в лоб! Тут разбираться нечего. Кто не с нами, то права жить не имеет...» — вот размышления зачинателя неудавшегося крестьянского бунта неприспособленного к ведению хозяйства мелкого землевладельца Маркелова, когда стоял он перед губернатором на допросе.

Тургенев точно почувствовал (и отразил это в созданных им образах) недоброе брожение в общественном сознании России. Его симпатии к тем, кто стремится к «преображению» жизни, бесспорны. Но лучше бы они происходили последовательно, разумно, как об этом рассуждает Соломин (механик на купеческой фабрике), а не путём стихийного бунта, который способен принести лишь смерти да разрушения.

Но ведь для нас сегодняшних главное в том, что были нам предупреждения в далёком прошлом, которые и по сию пору не потеряли своей актуальности. А ещё вновь хочется обратиться к русским патриотам, которые винят большевиков в крушении русской монархии — мол, пришли и всё разрушили. А до того был в империи рай земной — всеобщие любовь и понимание. В таком случае, куда нам девать книги И.С. Тургенева, других авторов? Впрочем, это вопрос риторический, да и патриоты от него с лёгкостью отмахнутся. Для них время с удивительной простотой разделено до и после... И не указ им слова П.В. Анненкова (из письма М.М. Стасюлевичу 17 ноября 1876 г): «...но при чтении «Нови» почти на всякой странице как будто загораются слова: быть большому трусу, потопу и колебанию в русской земле».

## 15 апреля

Удивительно как хорошо, достоверно описывает Ю.В. Бондарев зиму. И видно, что делает это с удовольствием. Потому и начинает свои романы «Горячий снег», «Тишина» или вот «Юность командиров», который сейчас читаю, именно с мороза, снега. Давно таких «вкусных», настоящих зим в России не бывало. Как знать — может, на страницах бондаревских книг они только и останутся.

Не переставая, в эти дни всё вспоминаю и вспоминаю Юрия Васильевича — его голос, жесты... То ли с печалью, то ли с тоской по самому себе.

Впервые с 28 марта приехал в Союз писателей. Привёз тираж книжки стихов «Соловьи Большого Болдина», собранной Н.А. Бондаренко; забрал из компьютера файлы для окончания вёрстки № 64 журнала «Вертикаль. XXI век». Эти тексты дома тут же подготовил и отправил Стариченкову. Ну, и запустил в печать книгу «За тайной гранью».

Помню, как в молодости часто слышал — вы счастливое поколение, войны не знали. Это точно, великой войны мы не знали. Но кто мог тогда предположить, что именно на нашу долю выпадет пережить крушение страны с многими гражданскими войнами по окраинам бывшего СССР, а потом и в России — в Северной Осетии, Чечне; изменение политического строя и смену экономических отношений; невиданное моральное унижение и финансовое ограбление. Следом невероятные катастрофы, безумие на Украине, мировые глобальные экономические кризисы... Всего не перечислить. В «мирное» время страна потеряла миллионы человеческих жизней, производство обвалилось ниже того уровня, который был в 1941–1945 годах. Но потихоньку, на карачках, с в кровь разбитой мордой и пустыми вывернутыми карманами наше поколение только начало поднимать голову, вылезать из зловонной ямы нищеты и унижения, как новая напасть обрушилась на мир — неведомый вирус. Так была ли счастливая жизнь у нашего поколения, не изведавшего «тягот войны»?

На Украине не первую неделю не могут потушить пожар в закрытой зоне Чернобыльской аварии. К началу этой недели фронт огня дошёл до заброшенного города рабочих атомной электростанции Припять, «вплотную приблизился к хранилищам с высокоактивными радиационными отходами и продолжил движение — как сообщает РИА Новости, — в сторону АЭС».

## **16 апреля**

Не могу не записать о той, буквально детективной истории, которая происходит вокруг памятника маршалу Г.К. Жукову на Манежной площади. Как выяснили журналисты «Московского комсомольца», никаких официальных документов за замену памятника одним на другой нет. Новый памятник у Исторического музея простоял недолго, и тоже был демонтирован (вроде бы он оказался тяжелее первого, и постамент не выдержал его тяжести, начал рассыпаться). Один из фотографов нашёл оба монумента, разделённых на фрагменты, в какой-то литейной мастерской в Химках. Публикация об этом сопровождается доказывающими факт вандализма фотографиями. До сих пор ответственность за произошедшее на себя так никто и не взял. Всё это выглядит совершенно невероятно.

Координатор телевизионного проекта «Прогулки по Москве» (который готовит замечательные передачи по краеведению и истории столицы) Александр Усолцев заметил: «Приехали краны, рабочие, в самом центре Москвы у Красной площади, то есть там, где штатив-то не поставишь без того, чтобы к тебе не подошли и не поинтересовались, что ты тут делаешь». Уже раздаются оценки, что произошедшее — продуманная провокация. Я не разделяю этого мнения. Больше похоже на русскую расхлябанность и бесшабашность.

Вечером ходил на запретную прогулку. После прошедшего дождя похолодало. На асфальте в лужах размокшие тополиные серёжки, раздавленные на обветренных местах. Влажный воздух насыщен горьким запахом и вкусом.

И последнее на сегодня: В.В. Путин объявил в связи с карантином об отмене празднования 75-летия Победы; патриарх Кирилл призвал православных не приходить в церкви на празднование Пасхи. То, что ещё недавно казалось невозможным никогда — происходит на наших глазах. Разумного объяснения всему этому не находжу.

В Нижегородской области с населением 3.5 млн человек за полтора месяца выявлены носители вируса 400 человек. 4 женщины в возрасте старше 80 лет скончались. И из-за этого останавливается вся экономическая, общественная, культурная жизнь региона? Фантастика!..

## **18 апреля Пасха!**

Целый день то светит яркое весеннее солнце, то ветер натягивает непроглядным фронтом тучи, становится сумрачно, начинает выть осенний ветер и по окну стучат дробинки обледенелого снега.

Я читаю в своей комнате. За стеной на кухне Ирина готовит праздничную трапезу: лепит пельмени, варит куриные яйца в луковой шелухе — самый мой любимый цвет для пасхальных яиц. Там у неё на стене под потолком работает телевизор, и до моего слуха время от времени в рекламных паузах доносятся призывы наших нижегородских священников не приходить прихожанам в церкви Нижегородской епархии — они всё равно будут закрыты, службы пройдут без православного народа, без общей радости при возгласе «Христос Воскресе!»

Не знаю, было ли что-то подобное в истории Православной Церкви? Всё это кажется невероятным, но это есть. НТВ транслирует из Иерусалима схождение Благодатного огня. Перед храмом пустая площадь. Пуст и храм внутри. Немногочисленные священники с марлевыми масками на лицах. Траурно в тишине звучит колокол. Небольшая группа арабской мо-

лодѣжи 5 человек (традиционно) поёт псалмы с большими пучками свечей в руках, украшенных цветными лентами. Патриарх Иерусалимский входит в храм Гроба Господнего. Все сопровождающие его священники с масками, закрывающими нос и рот. И лишь кавасы с красными турецкими фесками на голове, стуча серебряными посохами по каменной мостовой, охраняя патриарха, идут не опасаясь коварного вируса.

Переодетый патриарх входит в Кувуклию, сопровождаемый служителями армянской церкви без масок. Он нарушает огромную восковую печать, на которой оставили свои прямоугольные штампы представители всех конфессий, в том числе и мусульман, осмотревшие место погребения Христа и удостоверившиеся, что огня в часовне нет. Опять же все они в масках. Впервые за десять веков это происходит в пустом храме без многочисленных паломников, потому всё можно довольно подробно рассмотреть. Стоящие (охраняющие) дверь Кувуклии священники армянской и греческой церковей в масках, на руках резиновые перчатки.

С таким маловерием мы подходим к самому удивительному и чудесному событию в мире. Хотим чуда, а сами не верим, что в метре от этого чуда может быть побеждён вирус — так хочется жизни земной, а не вечной. Здесь её хочется уберечь, сохранить, побольше ей попользоваться, а что там, за гробовой доской — Бог весть. Вот о чём говорят эти «меры предосторожности» у самого сакрального места, которое только может быть у верующего христианина. Да простит мне Господь эти мысли и сомнения в столь великий день.

Позвонил отцу Евгению Юшкову, попросил его помянуть нас во время службы.

— Да я всех вас в каждую службу поминаю.

И стало мне от этих слов (хоть и раньше знал, что это так — поминает) хорошо, покойно на душе.

— Вы хотели приехать к нам?

— Я бы просто полетел, да нет никакой возможности, — ответил отец Евгений. — Завтра буду ждать вашего звонка — похристосоваться.

В ночь трансляция богослужения из пустого Храма Христа Спасителя. С патриархом Кириллом служат человек двадцать священников и дьяконов. Крестный ход проводится внутри собора — по галерее. Закрытые ворота — это внутрихрамовые ажурные ворота. В огромном пустом пространстве мелькают редкие фигуры штатских в чёрных костюмах, похожи на охранников или особо приближённых служащих, несколько монахинь стоят смиренно. Случалось ли подобное на Руси за тысячу лет? Неужели сегодняшнее «бедствие» страшнее, чем те, что были попущены нашим предкам за столь большой срок?

## 19 апреля

В романе Юрия Бондарева «Юность командиров» разбивавший случай предательства среди курсантов капитан Мельниченко произносит с горечью такие слова: «Дело идёт об утрате самого ценного в людях — чести и самоуважения. А если это потеряно, потеряно главное, если не всё».

Роман написан Юрием Васильевичем в 1952-1955 годах. И, судя по поступкам писателя, далее, вплоть до конца жизни, он исповедывал это убеждение как религию, как основную ценность человеческого бытия. Это питало его мужеством при совершении поступков немислимой смелости для подавляющего большинства не только обывателей, но и творческой интеллигенции, которая в итоге эту смелость в отстаивании чести и справедливости писателю не простила, напомнила ему «нестандартность поведения» и начала мстить — с конца 80-х годов прошлого века до самого его ухода из жизни в 2020 году — чтобы как-то оправдать свою трусость «во времена застоя». И он это поругание, забвение его заслуг перед народом и государством принял как должное с пониманием, что это та цена, которую необходимо заплатить, чтобы не «потерять главное, если не всё» в самом себе.

Испытать тот уровень прижизненной славы, которую он испытал в советское время, и поставить на кон всё ради отстаивания высшей справедливости в Отечестве — такое мог позволить себе человек только высокого духа.

Батюшка Евгений Юшков служил в своём крохотном сельском храме. Только причастников у него было пятьдесят человек. На следующей неделе, даст Бог, заедет ко мне.

Наконец-то нашёл подтверждение тому, что после войны артиллеристы получили деньги за подбитые немецкие танки. Впервые эта тема (как для меня, так и для читателей) Ю.В. Бондаревым была затронута в нашей беседе, и многие этим словом писателя не поверили. Но вот в романе «Юность командиров» всё тот же Юрий Васильевич пишет (так думает один из главных героев — Алексей Дмитриев): «...а он, мысленно ругая себя за медвежью услугу, готовый сказать, что его фронтовых денег, полученных за подбитые танки, хватит на десять пар туфель...» (Собрание сочинений в восьми томах. Том восьмой (I). Стр. 224. Москва, «Голос», 1996.)

Сколько ещё нового мы будем открывать для себя о тех годах!

## **20 апреля**

Из передачи «За углом» с участием Андрея Угланова (еженедельник «Аргументы недели») и Сергея Карачанова: В США в сезон 2017-2018 гг. заболели гриппом 96 млн человек, из которых 78 тысяч скончались.

Позвонил о. Сергей Муратов. Ему пришлось проводить Пасхальную службу в пустом храме. Приезжали сотрудники милиции, проверяли условия соблюдения объявленного карантина. Ощущения непривычные. Но сегодня, по приглашению одного из директоров завода, служил в цеху с теми, кто захотел прийти (много людей собралось), и это так вдохновило отца Сергия, «что слёзы накатывались, когда на возглас «Христос Воскресе!» под производственными сводами гремело «Воистину Воскресе!». Вот и мне он позвонил, чтобы похристосоваться и, как я понял, поделиться душевной радостью. Спасибо за это батюшке — мне его рассказ согрел сердце.

А позвонивший отец Владимир Чугунов рассказал, как поступил иначе — провёл службу в семь часов утра воскресенья. В его моленную комнату приехало сорок человек. Он совершил утреннюю литургию, и никто не помешал.

Сейчас много можно гадать — что же такое объявленный карантин, отчего «разогнанный» СМИ страх легко захватил целый мир. Но об истории и последствиях происшедшего мы узнаем (если узнаем) спустя значительное время позже. Тогда обязательно откроется много всего неожиданного и удивительного.

## **23 апреля**

Решил вернуться к письмам В.П. Астафьева «Нет мне ответа...». Не уходит у меня из памяти эта книга. В ней анатомия и человеческой, и писательской жизни. Приславший мне её В.Я. Курбатов (я попросил прислать книгу их переписки, а Валентин Яковлевич вот какой подарил — сделал) сопроводил том вот какой запиской (хорошо, что я догадался вклеить её перед титулом): «Псков. 16 февраля 2011. Какое же Вам предстоит чтение, Валерий Викторович! Сколько счастья, смущения, досады, восхищения, раздражения. Зато это жизнь, а не нынешнее при творство, когда с виду всё будто живое, а на деле ветер и пустота.

В «приложение» примите диск моего литературного вечера в Иркутске, который мы проводили с издателем «Нет мне ответа...»

Ваш В. Курбатов».

И ведь точнее, чем сделал это наш замечательный критик (а как сам он в своих размышлениях зачастую парадоксален, свободен от догм, интеллектуально свободен) книгу и не представишь. Потому вновь пойду по пись-

мам и что-то из них для себя выпишу. Когда ещё в них так сосредоточенно можно вчитаться, как не в дни вынужденного домашнего заточения.

Сколько же я всего наотмечал на полях этого фолианта (осторожненько, слабеньким карандашным следом), где каждое высказывание Виктора Петровича можно развить чуть ли не в отдельную статью. Да вот хотя бы это замечание из письма Ю.Т. Грибову (1979 г.): «Но сколько читателей — столько и вкусов! Вот послушайте доподлинное высказывание одного, уже покойного, редактора журнала: «Я терпеть не могу Паустовского и Казакова, но у моего журнала 120 тысяч подписчиков, стало быть, миллионов пять читателей, и половина из них обожают этих писателей, так почему же я не должен считаться с этой половиной?..» Эти слова принадлежат покойному Панфёрову, человеку категоричному в жизни и гибкому в «редакторском деле».

Вот этой «гибкости» чаще всего не понимают те, кто начинает со мной спорить по поводу публикации того или иного произведения. И категоричность их суждений чаще всего идёт от бесспорного (для них) убеждения, что то или иное произведение им не нравится, а значит, оно и никому другому понравиться не может. Вообще, любая категоричность уже сразу заключает в себе определённую ущербность видения какого-либо предмета. Виктор Петрович здесь не исключение (к тому же он человек эмоциональный), если обратить внимание на его оценки творчества и деятельности Владимира Солоухина: «Читал я всю полемику с Солоухиным. Я и по его книгам, очень талантливым, убедился, что он бессовестный человек, а теперь это моё мнение подтвердилось дискуссией. Мало того, он не просто бессовестный, он заигравшийся, беспардонный демагог, которому ради красного словца не жаль матери-отца». Это из письма А.М. Борщаговскому (1964 г.).

На следующий год, в письме к другому критику А.Н. Макарову Астафьев продолжает затронутую тему: «Читал вчера Вашу статью в «Литературке» («Художник — искусство — время» — поясняет составитель книги писем.) Меня как-то очень покоробили ваши слова «и пусть автор не обижается...» Чего уж вы с поклоном критикуете Вл.Солоухина? Он и без того избалован вконец и обнаглел от этого, судя по демагогии, разведённой в «Литературке» насчёт обрядов. Людям жрать нечего, они, крестьяне наши, пребывают в равнодушии и запустении, а Солоухин хлопочет насчёт обрядов и пишет сельские идиаллы. Хитрец он, очень талантливый и оттого ещё более вредный хитрец — демагог».

Но ведь огромное количество советских людей (нынешние, российские, допускаю, такого писателя вовсе не знают) книги Солоухина читали, что называется, «взахлёб», через них открывали многовековую историю России, её культуру, веру, жизнь.

На этом примере вывод — редакторская гибкость во все времена нужна.

## 24 апреля

Удалось Татьяне Антиповой передать черновики трёх расшифрованных интервью. Она их набрала на компьютере, чем невероятно облегчила мне дальнейшую работу по редактуре текста, прежде чем их отослать на утверждение в Санкт-Петербург, Ростов Великий и Нижний Новгород. Но и появление текстов в таком виде — это уже гора с плеч.

Дополнил довольно большим отрывком текст прощания с Ю.В. Бондаревым. Жаль, что в № 64, который уже отправил в типографию, публикуется прежний, не расширенный текст. Зато отправил его С.Т. Прохорову в Красноярский край для альманаха «Истоки».

О Бондареве же говорил позвонивший мне И.К. Кузьмичёв — с искренним сожалением, высочайше оценивая его, как писателя.

— Вам надо о нём написать, вы были знакомы, вон какие беседы сделали... Больше-то кто напишет? Из нижегородцев уж точно некому. Никого не видно. А вы писатель — это просто что-то невероятное.



Иван Кириллович ещё долго говорил в таких оценках, сожалел об уходе Бондарева, и вдруг произнёс:

— Ведь молодой ещё. Мог бы пожить.

Первоначально я даже онемел, подумав, что старый критик немного запутался, имеет в виду другого писателя, но нет, Кузьмичёв продолжил.

— Он ведь с 1924 года...

Только тут до меня дошло: сам Кузьмичёв с 1923, отсюда и такая оценка. Я, конечно, улыбнулся про себя, но вообще в его словах о молодости коллеги есть свой смысл.

Не полностью, случайно попадающими в номерах журнала «Наш современник» отрывками читаю книгу Александра Белоненко (объявлено, что он «директор Свиридовского института») «Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений». В публикации № 1 за 2019 год в начале текста натолкнулся на упоминание о 10-й симфонии Д.Д. Шостаковича, которая в 40-х годах (да и позже) подверглась критике музыковедов. Нашёл это произведение в интернете (исполнение фестивальным оркестром Вербье, дирижёр Юрий Темирканов), прослушал, и оно в душе моей что-то по-особенному тронуло. Невольно подумалось: как эта симфония созвучна теперь нами переживаемому времени своей глубинной затаённой печалью (вначале). Затем постепенно во второй части музыка по мере развития композиторского замысла наполняется тревогой, напряжением (то нарастающим до какой-то невероятной остроты, то спадающим), чтобы наконец в завершении 3-ей части и в 4-ой прийти к умиротворению, углублённому обращению: в себя, в свою душу. Нет, действительно, истинное осмысление, отображение переживаемых ныне нами дней — по сути своей в истории человечества ещё не случавшихся, не происходивших... Или всякое время наполнено, как атмосфера кислородом, печалью, надеждой и в то же время как бы пониманием бессмысленности (перед вечностью) всего этого?

Вечером продолжил чтение опубликованной главы, и вот какую цитату Тихона Хренникова в ней нашёл (из его доклада как генерального секретаря Союза советских композиторов на Втором съезде этой организации). «Оптимизм трагедийного произведения утверждается не благополучной концовкой, а полным раскрытием личности героя в его действии, раскрытием одухотворяющих его идей во всей жизнерадостности их проявлений. Мне кажется, что в этом смысле замысел Десятой симфонии Д. Шостаковича недостаточно определён, в ней нет подлинной конфликтности, глубины светотеней».

Хренников хотел почувствовать в симфонии поверхностный, социальный конфликт. А Дмитрий Дмитриевич разговаривал со слушателем на уровне души, на сопряжении чувств и переживаний высшего порядка. Потому Тихон Николаевич и не принял его музыки.

## 25 апреля

Интерфакс распространил сообщение: памятник маршалу Жукову В.М. Клыкова вернули на Манежную площадь. Неужели всё закончилось с мытарствами этой работы скульптора?

Из доклада Московского научно-исследовательского онкологического института им. П.А. Герцена, который, как отмечают специалисты, один из лучших этого профиля не только в РФ, но и в мире: «Около 625 тысяч новых случаев заболевания раком зарегистрировано в России за 2018 год. Прирост по сравнению с 2017 годом составил 1.2% и на 23.1% выше уровня 2008 года».

В Сибири жара спровоцировала большие пожары. Уже сгорели некоторые деревни. На Урале холода, выпал снег. У нас дожди и около 5 градусов. После тёплой, практически бесснежной зимы ожидаемое раннее лето всё никак не наступает.

В недавнем разговоре сказал профессору Кузьмичёву: зачем я столько написал (имея в виду «Искры потухающих костров» и «За тайной гра-

нью»), всё равно никто читать не станет, да и в будущем не прочтёт. А сам всё чаще думаю (под стук дождевых капель) о своём деревенском доме и литературной работе в нём. Есть в этом желании писать что-то вроде бы неестественное, с практической точки зрения неоправданное, необъяснимое, нерациональное. Ну, какая от этого польза и мне, и обществу? Но убери это из жизни, и она одномоментно потеряет всякий смысл, всякое разумное значение моего существования. Хотя со стороны для подавляющего большинства людей это пустое и ничемное времяпрепровождение.

## **28 апреля**

Коронавирус собирает свою «дань» с Русской Православной Церкви. Как объявлено: за прошедший месяц в Киево-Печерской Лавре зарегистрировано около 200 случаев заражения, трое насельников скончались. Обитель закрыта на карантин, так как на сегодня больны все священники. Также заболели преподаватели и студенты Киевской духовной академии, — сообщил глава информационно-просветительского управления УПЦ МП митрополит Климент. — 12 апреля был госпитализирован и настоятель Лавры митрополит Павел. От этой же болезни скончались настоятель Богоявленского (Елоховского) собора в Москве протоиерей Александр Агейкин и епископ Железногорский и Львовский Вениамин (Курская область). В Серафимо-Дивеевском женском монастыре выявлен коронавирус у 76 человек — сообщило правительство Нижегородской области, хотя с 15 апреля службы в монастыре проходят без прихожан, а с 25 апреля ещё и ограничен въезд в само село.

Сегодня вновь обратился к нации президент РФ В.В. Путин. Домашняя самоизоляция продлевается (как минимум) до середины мая. Начиная со своего первого подобного выступления, прямая трансляция ведётся из загородной подмосковной резиденции. Я понимаю, что это Владимиру Владимировичу удобно, так безопаснее. Но есть времена, когда важны даже символы, показывающие, что ты со своим народом, «на боевом посту». Такой пост в России — Кремль. Жаль, что лидер страны этого не чувствует, не понимает.

## **29 апреля**

Короткометражный художественный фильм (название не успел записать), в котором рассказывается, как специалист по слежению с целью безопасности (станции метро или какого-то подобного подземного помещения, через которое проходит людской поток) по компьютерным мониторам одновременно обучает этой операции программу, которая в итоге вот-вот станет лучше его, быстрее и эффективнее работать. Предстоящий итог обучения для специалиста — потеря рабочего места. Что же делать? Со своей партнёршей по службе они случайно обнаруживают, что программа начинает допускать сбои, если люди ведут себя нестандартно: танцуют, делают акробатические упражнения, собираются толпой в виде каких-то фигур, кружатся, сажая друг друга на плечи — одним словом (в обиходном выражении) дурачатся. Как итог — программа съедётся, сбивается, «сходит с ума».

В этой хитрой концовке фильма заключен большой позитивный смысл. Мы, люди, придумаем, как обмануть умные машины, хитрые электронные устройства, которыми всё больше и больше нас окружают правительства и спецслужбы разных стран (фильм, кстати, не российского производства), лишая индивидуальной свободы, неподконтрольного для их слежки личного пространства.

Честное слово — я даже как-то развеселился, поняв это. Особенно на фоне теперешних беспрецедентных мер отслеживания передвижения горожан (в том числе и на личных машинах) в Москве.

Сейчас всё чаще начали публиковать статистику по разным вирусным заболеваниям в России (агентство РИА Новости). Туберкулёзом в

год заболевает 117-120 тыс. человек. Умирает до 25 тысяч. Гепатитом В и С более 8 млн человек.

Взрыв в сирийском городе Африн. Известно о 40 погибших, включая 11 детей. Террористы подорвали цистерну, начинённую взрывчаткой, в людном месте.

### **30 апреля**

Уже несколько раз видел этот новостной сюжет, завораживающий своей ужасающей простотой, снятый в США квадрокоптером с высоты птичьего полёта. На небольшом острове Нью-Йорка (там ещё остались старые здания начала прошлого века) хоронят бездомных и неопознанных погибших, чьи тела не забрали родственники. В земле прорыта глубокая траншея. Ширина её равна длине гроба. Вернее, прямоугольного ящика, в который укладывается умерший. Таких ящиков-гробов много. Их ставят в траншею друг на друга (не в один ряд) и заваливают землёй. Жуткая, не поверхностная, не фасадная действительность мегаполиса. Но сегодня всё оттуда же подоспела ещё одна похожая новость. В Нью-Йорке продолжается переполненность моргов (в стране более 60 тысяч человек скончалось от коронавируса). Похоронная контора, не успевающая справляться с поступлением мёртвых, наняла два фургона для перевозки мебели и в них сложила более 60 трупов.

— Из фургонов сочилась кровь, шёл страшный запах, — рассказывает корреспонденту один из очевидцев, вызвавших к месту происшествия полицию.

По последним данным правительства США в стране зарегистрировано более 30 млн безработных.

А вечером стало известно уже из наших новостных программ: вирус обнаружен у премьер-министра РФ М.В. Мишустина. Михаил Владимирович отправился на самоизоляцию. В.В. Путин назначил исполняющим обязанности главы кабинета министров А.Р. Белоусова. В интернете тут же появились комментарии, что эта рокировка связана вовсе не с болезнью первого, а с обострением борьбы внутри правительства России. Многие важнейшие экономические, финансовые распоряжения Президента экономическим блоком министров и банками не выполняются, тормозятся. Андрей Рэмович вроде бы должен пробить эту блокаду.

### **1 мая**

— Да, да, он сейчас придёт, — слышу сквозь сон взволнованный голос Ирины, говорящей с кем-то по телефону.

И уже мне:

— У О... умер муж. Упал на кухне лицом вниз. Она не может его вернуть. Иди, помоги...

Раннее утро. С соседом по этажу идём в соседний подъезд. В квартире дожидается ещё один мужчина. Итак — нас трое. На небольшой кухонке на кафельном полу лицом вниз, в трусах лежит тучный человек. У головы сгустки крови. Вдвоём берём тело за руки, третий за ноги. С трудом, волоком, протаскиваем в комнату. Очень тяжело — все члены безжизненно обмякли. Да и тесно, не развернуться.

В лицо покойнику не смотрю, только с боку замечаю, что оно тёмное, с серо-пепельным отливом. С трудом укладываем тело на кровать, но как-то неловко, у боковой стенки. Живому человеку так лежать было бы неудобно.

— Нет, давайте его нормально повернём, — предлагаю я.

Укладываем на спину, как спящего. В лицо умершего так и не посмотрел — что-то невольно сдерживало, не допускало. До этого раза никогда в своей жизни не дотрагивался до мёртвого тела. И вроде бы что-то теперь во мне самом изменилось, появился иной жизненный опыт. Отныне ладони будут помнить выскальзывающее от своей тяжести ещё не совсем остывшее, но уже покинутое душой тело.

Я немного был знаком с этим человеком. Чуть ли не всю жизнь (во всяком случае, большую её часть) он преподавал историю в нашем Речном училище имени И.П. Кулибина. Одно время оттуда приносил мне номера журнала «Речной транспорт» с публикацией моих очерков и рассказов. Говорят, что был доброжелательным, в домашнем хозяйстве рукастым. Одна беда — много курил, и это спровоцировало какую-то страшную болезнь лёгких (не рак) — он почти не мог ходить (даже по квартире), задыхался, пользовался специальным аппаратом для подачи воздуха через трубки, прикрепляющиеся к носу.

Так с этими трубками, чуть слышно шипящими, мы его и поднимали.

#### 4 мая

С 27 марта (38 дней) не ходил пешком через Канавинский мост в Союз писателей. Подумав об этом — и удивился, и ужаснулся. Как долго нас позакрывали в квартирах, как легко всё это оказалось с нами сделать, как послушно и безропотно мы подчинились. А впереди обещают ужесточение карантинных мер: обязательная электронная регистрация при необходимости выйти из дома в магазин, аптеку, выбросить мусор (отлучка не должна продолжаться более часа), ношение медицинской маски на лице. При выезде за город обязательно иметь при себе документы, удостоверяющие, что есть собственность в садовом товариществе или в деревне. В противном случае штраф.

Но вот я иду в нарушение всех запретов, с ощущением протеста в душе, потому что никаких разумных доводов во всех этих мерах не вижу. И главное — понимаю, что их используют впервые, но в следующий раз это будет восприниматься как естественная необходимость. Население, имея в подсознании опыт памяти уже раз испытанного, легко этой новой «необходимости» подчинится. Есть что-то страшноватое (какое-то предчувствие этой страшноватости) в проводимом над нами массовом эксперименте. Почти общемировом (в странах Африки и Южной Америки спокойнее — судя по сообщениям информационных агентств).

Но почему я заговорил именно о Канавинском мосте. Потому что с него увидел: на улице Черниговской около Метромоста начали разрушать высокоченную башню элеватора у бывшей «Паровой мельницы на реке Оке М. Башкирова, близь Ромадановского вокзала» — так писали на фотографиях ещё дореволюционных времён. Старинное здание самого мукомольного завода (высокое, мощное, сложенное из красного кирпича, интересной промышленной архитектуры) пока стоит нетронутым. Но жаль — если и его судьба предрешена, чтобы на этом престижном месте воздвигнуть очередной безвкусный торговый или развлекательный центр, которыми и без того город изобилует.

Всё больше и больше город становится для меня чужим. Исчезают дома, улицы, исчезает память, что связала меня с ними с раннего детства. И от этого отчего-то невыносимо горько. Неужели невозможно хоть что-то сохранить из прежнего Нижнего Новгорода — Горького? Хоть какую-то память в камне, архитектуре, топонимике... Воистину, обидно это осознавать, но — всё-таки есть в нас что-то варварское, беспамятное.

Горит над письменным столом лампочка, прикреплённая к стойке стеллажа. С улицы доносятся особенные звуки ночного города: отдалённый, по-отдельности неразличимый, неясный, слабый гул и шипение. Изредка прошуршит шинами, потрескивая редкими камушками на асфальте, запоздалая машина. А моя память невольно вдруг подхватила и понесла в дальние дали давно прожитого, пережитого. Да так быстро, что и не заснуть.

Оказывается, ничего из меня не ушло, всё сохранено. Где? Это вечная загадка.

## 5 мая

В чтении собрания сочинений И.С. Тургенева дошёл до «Литературных и житейских воспоминаний», «Биографических очерков и некрологов» (том 11). Это удивительно, сколько уничижительного, небрежного сказано Иваном Сергеевичем в отношении способности русских образованных людей создавать нечто стоящее, самостоятельное в производственной и гуманитарной сферах. Минуло с тех пор чуть меньше двухсот лет, а что изменилось? Во взглядах либеральной части населения России, так истово влюблённых во всё западное, — ничего. Всё то же неверие в возможность коренного народа сотворить что-то достойное для общечеловеческого восприятия, развития... Эта вечная мука, вечная неудовлетворённость людей подобного интеллектуального настроения — рационально необъяснима. И тогда, и сейчас. Живя за счёт средств, получаемых в России, они из Европы стенают о нашей неразвитости, неполноценности, бескультурии.

«Я сказал: поэт. Да: он был им несомненно, вполне, всем существом своим; он был рождён поэтом, а это в наше время везде — и пуще всего в России — большая редкость». (Из «Письма к редактору по поводу смерти гр. А.К. Толстого». Буживаль (возле Парижа), 5 октября 1875 г.).

«Но самый печальный пример отсутствия истинной свободы, протекающего из отсутствия истинного знания, представляет нам последнее произведение графа Л.Н. Толстого («Война и мир»)... Нет! Без правдивости, без образования, без свободы в обширнейшем смысле — в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории — немислим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя» («По поводу «Отцов и детей». Баден-Баден. 1868-1869).

Кто найдёт определяющее отличие от обвинений русских патриотов теперешними «русскими эмигрантами», поселившимися во Франции или Англии? Все прошедшие столетия наша доморощенная либеральная общественность мучилась одним и тем же синдромом: им и в России плохо, и на Западе спокойно не живётся. Хотят на покинутой Родине что-то изменить под себя. Ну кажется — плохо тебе среди «необразованных и несвободных» соотечественников, так живи и наслаждайся образованностью и свободой тех людей, среди которых живёшь сейчас в Лондоне или Париже. Так ведь нет — непременно хочется нас под свои взгляды переделать.

А вот ещё эпизод, характерный и для сегодняшнего времени. На сей раз из очерка «Наши послали» (1874 г.).

«Кто вас знает, вы, может быть, русский агент — и у вас в карманах золото, предназначенное к тому, чтобы дать пищу нашим междуособицам!» Я предложил ему осмотреть мои карманы... Но это ещё более его рассердило. Русское золото, русские агенты всюду мерещились тогда, вместе с многими другими небывальщинами и нелепостями, всем этим возбуждённым, сбитым с толку, потерянным головам... Повторяю: страшное, томительное было время!»

Текст повествует о событиях (бунте) в Париже в июне 1848 года, «которые, — по словам всё того же И.С. Тургенева, — такими кровавыми чертами вписаны на скрижалях французской истории...» Ну а теперь давайте вспомним обвинения нашей страны к принадлежности всяких смут в мире от США и Венесуэлы до Англии и Украины. Что изменилось с XIX века? Ничего. Как и то — посмей тронуть «либерала» в России; и шум поднимется немислимый, в то время как в просвещённой Европе они сами готовы вывернуть свои карманы перед любым босяком.

Однако, вернусь к основному вопросу затеянной мною записи. Да, это какое-то несчастное «политическое заболевание» существует в отечественной творческой среде, которое мучает (легко ли с осознанием всего этого прожить большую часть своей жизни) как высоко талантливых её представителей, так и бездарных или мало одарённых в равной степени.

Интересно, есть ли нечто подобное среди других народов (в столь обобщённой форме) или это опять же исключительно наша национальная особенность?

## 9 мая День Победы

С улицы всё разносится и разносится призыв не выходить из домов. Усилитель находится где-то в отдалении (и это спасительно для моих ушей), потому голос диктора то вполне отчётливо, то его уносит порывами ветра, и тогда он превращается в невнятное бормотание. Дождливо. Позвонивший Е.И. Юсов предлагает собраться нашей группой в мастерской у А.Д. Данилина в пять часов вечера. Соглашаюсь. Кошунственно совсем не отметить столь святой для России праздник. Для большой России — со всеми народами Средней Азии, Кавказа и Закавказья, Севера и Юга, Прибалтийских территорий и Дальнего Востока...

Шёл под зонтом. Дождь почти незаметный. Несколько раз складывал зонт, и тут же на лице ощущал прикосновение мелких капель. Прошёл Канавинский мост, никого не встретив. Дороги тоже почти без машин. Обезлюдел город. Пройдя до площади Лядова, увидел человек 30-40 — не больше. От этого сильнее ощущается запах цветущей черёмухи — издалека, через улицу. Ветер утих. Вывешенные трёхцветные флаги обвисли. Флаги, я знаю, выданы домоуправляющими компаниями. Кто-то из прикрепил на балконах, кто-то прибил к стенам старых домов, чтобы их наличием отметить те жилища, где жили фронтовики. Хорошая задумка, а выполнена, как всегда, по административному бездушно и непродуманно.

Телевизионные комментаторы с возмущением отмечают, что в такой праздничный день Фейсбук блокирует в интернете и удаляет все перепосты знаменитой фотографии, на которой запечатлено, как советские солдаты водружают Красное знамя над Рейхстагом в поверженном Берлине. Только стоит ли этому удивляться, когда мы сами в святой день стыдимся своей святыни. Не под трёхцветным флагом шли в бой, на смерть те солдаты, а под красным с серпом и молотом. Триколор в то время (увы, но это исторический факт) был символом армии предателя генерала Власова.

Всё мы смешали, извратили, перепутали в оценках и отображении собственного исторического пути. Невероятно горько это осознавать. Но тогда стоит ли удивляться тем жутким высказываниям, тем несправедливым оценкам, которые в честь 75-летия Победы позволили себе американцы, утверждая, что СССР наравне с Германией ответственен за развязывание Второй Мировой войны.

«Мы должны помнить, что причина, из-за которой началась эта война, непосредственно связана с природой этих режимов, с природой нацизма в Германии, и с природой сталинского режима в СССР» (Курт Волкер, постоянный представитель США в НАТО с 2008 по 2011 гг.). Этим речам вторят руководители Польши, Украины, хуторских Эстонии, Латвии, Литвы... Это всё эхо конца 80-х — 90-х годов XX столетия, когда именно в Российских СМИ подобные идеи продвигали доморожденные депутаты и журналисты «демократического» направления. Теперь пожинаем урожай «свободы и плюрализма» в отношении собственной истории.

Президент США Трамп в честь знаменательной даты записал видеопоздравление к нации. Оно по-американски короткое, не многословное: «75 лет с момента окончания Второй Мировой войны в Европе. И отношения с Европой имеют такое мощное развитие как никогда ранее. В этот день в 1945 году Америка и Соединённое Королевство одержали победу над нацистами! Празднуя День победы, мы всегда будем помнить наше великое поколение. Дух Америки всегда побеждает. В конце концов так и происходит».

Вот, собственно, и всё. Ну, а президент Украины Зеленский и вовсе умудрился наговорить нечто несуразное: будто «7 млн украинцев в

составе антигитлеровской коалиции противодействовали нацизму... на разных континентах планеты». И тоже ни слова об участии СССР в разгроме Германии.

Дорога до мастерских художников не близкая — о чём только не передумаешь. А вот встретились друг с другом с большой душевностью. Первую стопку подняли за погибшего на войне отца Е.И. Юсова. Не успели они друг друга увидеть. После вспоминали свою армейскую жизнь. Евгений с Альбертом Данилиным по четыре года отслужили на флоте. Я два в радиотехнических войсках. Мы с Альбертом Дмитриевичем своё отсидели на гауптвахтах. Ну какая служба у вольного художника без солдатской тюрьмы.

Традиционно с большим запозданием пришёл В.К. Тырданов. Но и здесь между Данилиным и Виктором Константиновичем обошлось без громких политических и исторических споров.

— Вот вроде бы жалко было годы, потраченные на службу в армии, к тому же меня забрали во время учёбы в художественном училище, — весело заметил Альберт, — зато сейчас как хорошо о них вспоминать. Нет, не напрасно они были тогда прожиты.

Евгений Иванович принёс показать своих новые четыре работы — портреты жены (в молодости), дочери, одной из своих учениц, автопортрет. Замечательные картины.

— Всё, хватит вас уговаривать. К осени приеду и сам увезу ваши картины для выставки в Союзе писателей, — убеждённо подвёл я итог этому просмотру.

Расстались на высокой душевной волне — так были рады прошедшему общению, так тепло и вольно было нашим душам.

Ещё долго шли вместе с Тырдановым. Расстались только на автобусной остановке на Малой Покровской. Уж дальше я отправился один. На мосту услышал разрывы частного одиночного салюта и обернулся. Над Гребешком яркими шарами и блёстками озарялось тёмное поздневечернее небо. Вокруг пустынно. Здание гостиницы на площади В.И. Ленина стоит с потушенными окнами (оно без жильцов в дни карантина) и только изображающие гигантскую цифру «75» матово светятся, в чём-то напоминая плакат советской эпохи.

Перед сном в компьютере смотрел парад, прошедший в Минске. Множество людей на улице, трибунах. В Белоруссии карантин не объявлялся.

### **11 мая**

В.В. Путин объявил о начале работы промышленных предприятий страны и постепенном снятии карантинных ограничений с 12 мая. Окончательное решение за руководителями областей и республик — в зависимости от обстановки на местах.

Нижегородская митрополия оставили в силе распоряжение о продолжении закрытия храмов для мирян до 31 мая 2020 года. Во всех соборах, церквях и монастырях богослужения проведут при участии «клира, сотрудников и волонтеров, присутствие которых необходимо». Присутствие иных молящихся «необходимым» не является — так следует из объявления, размещённого на сайте митрополии.

### **14 мая**

Ещё одно достижение отечественной техники, которое необходимо отметить. 8 мая глубоководный беспилотный аппарат «Витязь-Д» впервые погрузился на дно Марианской впадины (в этом месте датчики отметили глубину 10 028 метров), установил там вымпел в честь 75-летия нашей победы в Великой Отечественной войне, изучил среду самого глубокого места в Тихом океане, провёл картографирование морского дна, фото и видеосъёмку.

Форма «Витязя» напоминает малую подводную лодку или гигантскую авиационную бомбу, вытянутую по форме, окрашенную в оранжевый

цвет. Аппарат спущен с буксирного судна «Фотий Крылов». По сообщению Министрства обороны РФ, за несколько лет «Витязь-Д» был создан Центральным конструкторским бюро «Рубин», «которому, — как отмечает ТВ «Звезда», — удалось в 1957 году определить максимальную глубину Марианского желоба — 11022 метра». В состав комплекса «Витязь» входят автономный необитаемый аппарат, глубоководная донная станция и аппаратура пункта управления. Корабельное оборудование комплекса обеспечивало информационный обмен судна-носителя с подводным аппаратом и донной станцией в режиме реального времени по гидроакустическому каналу. В отличие от японского и американского аппаратов, «Витязь-Д» работал полностью автономно. «Он мог самостоятельно обходить встречающиеся по курсу препятствия, находить выход из ограниченного пространства и решать другие интеллектуальные задачи».

Как я понимаю — это ещё одно доказательство, что заявленные способности беспилотной ударной подводной лодки «Посейдон» самостоятельно и автономно патрулировать в водах Мирового океана, нашли своё очередное подтверждение, посрамив утверждения скептиков.

## 15 мая

Сразу несколько сегодняшних звонков будто целенаправленно подтолкнули меня задуматься о написании ещё одного рассказа из «деревенского цикла» — даже набросал нечто наподобие плана и название придумал (рабочее): «Разорённое гнездо». Сюжет его будет о том, как на моих глазах крепкий дом, налаженное хозяйство, дружная семья в течение нескольких лет подошли к краю пропасти, к краху. Горькая история. Хотя вполне житейская, множество раз случавшаяся с разными людьми. Наши дети дружили, подрастали вместе. Хозяин дома был рукаст, добродушен. Хозяйка у него работающая — огород ухожен, приведён в идеальный порядок. Но одно событие в одночасье всё изменило. И семья эта перестала ездить в уютный деревенский дом. Огороды заросли дурной травой, одичали и весь семейный уклад порушился. В общем, нерадостная история, но отчего-то просится на бумагу.

А звонки, что разбудили мою память, были вот такие: А.В. Мюрисеп сказал, что для сайта театра (так как все представления из-за карантина отменены, дирекция решила попросить актёров сделать видеозаписи небольших своих творческих работ, дабы зрители не чувствовали себя брошенными, оставленными без театральной сцены) он хочет записать в своём исполнении мой рассказ «Танин камень»; Н.А. Адрианова поделилась тем, что закончила книгу воспоминаний о своём муже, поэте Юрии Адрианове. Главу пришлёт мне для прочтения. В тексте рассказывает, как осенью она одна жила недалеко от Большого Болдина в деревне Львовка.

Я же сразу вспомнил нашу деревенскую жизнь в Кунавине, и почти тут же записал для себя одно из предложений возможного будущего рассказа: «Первым, с кем мы подружились в деревне, был Слава, мой сосед — его дом стоял в одиночестве прямо за моим, в небольшом проулке, ведущем к заболоченному овражку и неширокой тихой речке...» Я тогда весной приехал обживать купленный прошлой осенью дом. Многое предстояло сделать, но в первую очередь поднять дальний правый угол, который несколько осел в грунт. Никаких подручных инструментов у меня не было, включая домкрат. И тут пришёл на помощь Слава. Он сам вызвался принести домкрат, используемый в ремонте грузовиков марки «ЗиЛ». Возился вместе со мной у угла (оставив свои домашние дела, за что супруга его неодобрительно поглядывала в мою сторону, и наконец, не выдержав, вслух высказала подобающие упреки в адрес мужа), после старался что-то подсказать со стороны, видя, что самостоятельно у меня ничего путного не выходит.

Помню и как под накапывающим дождём, вроде бы наскоро, делали мы с ним калитку у палисадника моего дома. Слава тогда тоже проходил



мимо, и не мог не ввязаться в работу, видя, что нужна его помощь. Эта «временная» калитка прослужила ровно тридцать лет и была мною переделана (на прежней основе) только в прошлом году.

А потом на моих глазах началась горькая деградация, пока в прошлом году не узнал, что Слава умер. В последние года жизни он совсем опустился, спился — это со слов его брата, который во внешнем облике своём полная противоположность Славы.

В общем — надо бы с сочувствием и уважением описать эту историю деревенской жизни городских «дачников».

### **16 мая**

Всё — башни элеватора больше не существует, как и ряды самих гигантских бетонных бочек для хранения зерна. Уничтожена ещё одна историческая заметка города. Отчего так давит на душу эта потеря? Может быть, потому, что уничтожаются следы прежней моей жизни?

Наталья Адрианова прислала свои воспоминания. Прочитал с большим интересом и даже удовольствием. Возможно, из-за того, что многое в её поступке и переживаниях во время его (поехала в деревню Львовка, что называется, наобум, с житейской стороны не подготовленное действие) созвучно моему характеру, моим ощущениям во время встречи с неизведанным. Пейзажи, деревенская обстановка, портреты людей Натальей переданы художественно достоверно, зрелым писательским пером.

И всё-таки какое удивительное время было ещё совсем недавно — с брошенными свободными деревенскими домами, в которых мог жить всякий, кто захочет. В то же время оно ещё соединяло нас с совершенно другой, прошлой Россией, от которой теряются, заносятся временем последние следы. Знаменитая мельница М. Башкирова в их числе.

Написал Наталье, что если она решит, я готов «Осень во Львовке» опубликовать в следующем выпуске «Вертикали. XXI век».

Стали известны страшные итоги нападения в Кабуле 12 мая на родильное отделение медицинского центра. Неизвестные ворвались и открыли беспорядочную стрельбу. Итог: 24 человека погибло. Жертвами стали женщины и дети, в том числе новорожденные. 16 человек получили ранения.

### **18 мая**

В дни карантина о. Евгений Юшков приезжает ко мне не в Союз писателей, а домой. Вот и сегодня сидим в моей рабочей комнате рядышком на диване, и он вслух читает новые свои заметки: частью для задуманной мною беседы (я наговорил о. Евгению вопросы, на некоторые из них он письменно ответил), частью для цикла, публикуемого в «Вертикали. XXI век». Тепло вспоминает отца (священника, в глубокой старости, как вместе с ним одно время служил), своё житьё в Кинешме... И вдруг: «Какие бы события, происходящие в мире, или простые бытовые обсуждения вокруг нас не происходили, внутри у меня таится мысль о смерти. Как это будет? Каким я предстану?» Я тут же ловлю себя на мысли, что и сам всё происходящее вокруг и со мной воспринимаю с такой же точки зрения. Слешком мало времени осталось впереди. И тратить бы его надо более рационально — а не получается. Только есть ясное осознание, что множество сил, «жизненных ресурсов» израсходовано впустую, на вещи, события малозначимые. В итоге глубокая неудовлетворённость в конце пути. словно дали тебе в руки когда-то великую драгоценность, но не объяснили, как правильно её использовать. И потратил всё принадлежащее тебе богатство на пустые забавы и безделушки, не осознавая, что у этого богатства существует предел. Теперь от этой драгоценности остались мелкие крохи. Их бы попусту не растерять.

Как же человек свободен во всём... И как безжалостно одинок. Но кто сказал, что одиночество — это зло? За полтора месяца карантина

мне удалось написать вступительную статью к альбому предстоящей художественной выставки и заметки в связи с кончиной Ю.В. Бондарева; расшифровать и отредактировать три больших интервью (И.К. Кузьмичёв, И.В. Буянкова, О.В. Петров); подготовить и издать книги: свою «За тайной гранью», «Соловьи Большого Болдина» (составитель Н.А. Бондаренко), «Родительская суббота» (Т.В. Антипова), «Яд для Сальери» (И.А. Соловьёв), 64-й выпуск журнала «Вертикаль. XXI век»; продолжал писать заметки для дневника, вторую уже часть из которого набрала Т.Антипова, а я оформил и распечатал более тридцати страниц... Наконец, продолжил работу над материалами для 65-го выпуска «Вертикали», прочитал романы И.С. Тургенева, Ю.В. Бондарева, М.Ю. Лермонтова, посмотрел в интернете отложенные до времени фильмы. Но разве всё это главное?

Осознание конечности жизни предполагает постижение чего-то самого-самого главного. А этого постижения нет. И ни от кого не слышал, ни у кого не читал о нём. Одно ясно — на многие бытовые вещи начинаешь смотреть иначе, иначе их оценивать. Политические дразги, заполонившие информационное пространство, приобретают иной окрас. Что всё это по сравнению с конечностью твоего земного пути — прах.

Если только земной путь действительно конечен и не имеет некое, скрытое от нас, продолжение.

### **21 мая — 27 мая Кунавино**

Вот и открыт новый сезон в деревне. По прогнозу погоду на неделю вперёд обещают дождливую, холодную, но я всё-таки решил уехать из города, не дожидаясь тепла. Знаю — подгадать все обстоятельства в свою пользу практически невозможно, а время будет упущено.

В нашей половине деревни все дома обитаемы дачниками, только мой до сегодняшнего дня сиротливо смотрел на пошедшую в рост траву, набирающую зелёной сочности, закрытыми на зиму окнами. Потому первым делом и снял с них щиты. Только после этого наносил воды из родника, к которому, кроме меня, больше никто и не ходит, у всех во дворах пробиты скважины, вскипятил на плитке, и мы с Наташей стали чаёвничать, усевшись за столом на веранде. Солнышко весело светит, отодвигая время обещанной непогоды ближе к вечеру.

Перед самым выходом из квартиры позвонила мне директор библиотеки имени Декабристов, напомнила о нашем с А.В. Мюрисепом выступлении у них и попросила прислать видео-поздравление в честь праздника библиотекарей. Тут же на улице Наташа его записала (как-то быстро и коротко у меня всё сложилось) и отправила по присланному электронному адресу. Потому никакими внешними обязательствами мы с ней не обременены — от проставления оценок по проектам, представленным в издательский совет, я ещё вчера отказался. Чего уж — карантин, так карантин. Вон с улицы которую неделю доносятся призывы не выходить из квартир. Монотонный голос, усиленный динамиками, бьёт и бьёт по сознанию, раздражённому непонятностью происходящего. В деревне же за окном только пение птиц да крики гуляющих соседских детей.

Наташа, нарвав букет цветов, уехала на работу в Нижний Новгород. Я один. В комнатах холодно — нужно прогонять из них застоявшуюся зимнюю влажность. Затапливаю обе печи. Они радостно загудели, пожирая огнём расколотые поленья и распиленные толстые корявые сучья погибших старых яблонь. Те стволы антоновки, что ещё живут, цветут бело-розовым цветом, как бы утверждая, что борются со временем. Мне это радостно, я их жалею. Обязательно в этот раз их обкопаю, удобрю золой.

Пока печки прогорают, занялся любимым делом — перебираю книги на стеллажах. Надо бы кое-что перечитать — обязательно. Перелистывая страницы, нашёл цитату из выступления на мартовском секретариате

Правления Союза писателей РСФСР 1987 года Ю.В. Бондарева: «Лжедемократы от литературы зажгли над краем пропасти украденный у справедливости и правды фонарь гласности. Эта украденная гласность предоставлена нашими средствами информации и печати только одной стороне — наступающей, разрушительной, широко открывающей ворота для серости, честолюбцев, фальшивых якобинцев... Дело может кончиться тем, что национальные ценности и всё, что является духовной гордостью народа, будут опрокинуты в пропасть». И опрокинули. Вот подобных пророчеств Юрию Васильевичу и не простили. Потому что о том, что в нашей стране от «оппозиции» придётся защищать даже Победу в Великой Отечественной войне, писатель предупреждал более 30 лет назад.

А за окном всё сумеречнее и сумеречнее. Перед тем, как совсем стемнеет, ходил слушать пение вечерних птиц. Сказочно красиво это для нашего слуха, не избалованного «голосом природы».

Звонок Николая Офитова. Ровно два месяца он не выходил из своей квартиры, жил в одной комнате и кухне. На ослабление режима изоляции столичное руководство идёт неохотно, с большими оговорками, которые не касаются таких пенсионеров, как Николай Викторович. Должно быть, ему так тяжело.

Засыпал под дальнее (в овражке, у речки, в зарослях ольхи и черёмухи) нескончаемое пение соловьёв. Во всём остальном — глубокая, ровная, нетревожимая тишина.

**22.05.** Ночью прошедший день нагнал дождик. Утром вышел — вся трава в водных шариках с свинцовой глубиной внутри, вобравших в себя цвет пасмурного неба. С удовольствием возился на улице по всяким хозяйственным мелочам: колол дрова, срезал засохшие веточки с молодой яблоньки, отпиливал погибшие сучья с черёмухи у крыльца.

Любопытный звонок одного знакомого всё на ту же тему коронавируса. Два дня у его взрослой дочери держится температура. Обратился в поликлинику, чтобы сдать анализ на пугающую теперь всех болезнь. Отказали: «Нам для этого нужно разрешение администрации. Идите, делайте анализ самостоятельно». Отец стал узнавать — стоимость одной пробы шесть тысяч рублей. Как разительно действительность отличается от того, что с утра и до ночи нам говорят по телевидению. Стоит только с ней соприкоснуться, и все мифы о государственной заботе всякого (при первых же признаках болезни немедленно обращаться к врачам) рушатся. Но самое горькое — так практически во всём. Мы живём в каком-то иллюзорном мире, где действительность не имеет ничего общего с декларируемыми властью принципами. Видимо, она хочет сделать что-то хорошее, нужное, но от принятия решения до его исполнения на местах «дистанция огромного размера», как ещё в XIX веке писал классик.

В прошлом году, в августе, был здесь же в деревне, и тогда в один из дней перед дождём поднялся сильнейший ветер. Я находился в верхних комнатах, и мне казалось, что крыша не выдержит напора стихии, опрокинется. По шиферу стучали сорванные с деревьев ветки, поднятый с земли мусор, а потом обрушился с небес ливень. Я какое-то время смотрел в окно на разбушевавшуюся непогоду, затем спустился вниз и почему-то вышел во двор. Увиденное там заставило поволноваться: в одном из листов шифера, прямо в ложбинке образовалось небольшое круглое отверстие, и из него, между досок обрешётки, как из открытого крана на хранившиеся во дворе вещи текла дождевая вода. Бросился под этот поток подставить какую-то посуду, но это мало помогало. Вода по доскам обрешётки начинала расходиться вширь и капать в разных местах. Что было делать? И тут будто кто-то мне сказал, чтобы я срезал у росшей около дома рябины молодой побег, и, просунув его в отверстие в шифере, закрыл образовавшуюся дырку. Я быстро срезал ровный, без единого листика прутик, по приставленной лестнице поднялся к крыше и просунул в отверстие рябиновый побег. Течь прекратилась. Вздыхнул

с поблечением. На время проблема решена. Несколькo раз в этот приезд порывался залезть на крышу, закрыть образовавшийся пробой, но дожди шли непрерывно, а рябиновая веточка так надёжно не пропускала влаги, что я решил до поры её не трогать, а в следующий приезд, в хорошую погоду всё устранить.

Но шло время, наступил октябрь, а дожди всё не прекращались. Деревня наша опустела, обезлюдела. Я помнил об отверстии в крыше, и когда всё-таки поехал в свой дом, то был полностью уверен, что ждёт меня во дворе сырость — не могла рябинка так долго сдерживать воду. Однако — сдержала, и как ни в чём не бывало продолжала свешиваться с крыши внутри двора. На этот раз, несмотря на дожди, я всё-таки забрался наверх. Пробитое в шифере отверстие оказалось так неудобно расположено, что подобраться к нему, не рискуя поломать другие листы, почти не было никакой возможности. А впереди ожидалось много ещё ненастья, снега зимы, их таянье весной. Прожив в этот приезд в деревне несколько дней, не единожды поднимался на крышу, прикидывал так и эдак — в итоге решил: если поломаю шифер, беда будет куда значительнее, потому рябиновый прутик не тронул, лишь перекрестил его перед окончательным отъездом до следующей весны.

И вот моя первая поездка в новом году. На этот раз я не сомневался, что рябиновый прутик выпал из отверстия, готов был увидеть самую безрадостную в своём дворе картину. Но каково же было моё удивление, когда и на этот раз всё, что называется, обошлось. Это казалось невероятным. Так оно, видимо, и есть, если только не помнить тот необъяснимый порыв, когда я растерянный вышел со двора и почему-то срезал этот прутик, который так плотно и стойко хранит мою крышу. Теперь даже вроде бы побаиваюсь его трогать, хотя, как справиться с образовавшейся пробоиной, уже придумал.

**23.05.** В номерах журнала «Наш современник» десятилетней давности разыскал главы книги Сергея Куняева «Ты, жгучий отпрыск Аввакума...» и зачитался, отложив в сторону всякую другую работу — как хозяйственную, так и творческую. Зоркий у Сергея взгляд, свободно, раскрепощённо мыслит, оттого не фальшиво, не отстранённо, а лично чувствует и поэзию Николая Клюева, и время, в которое тому пришлось жить. Размышляя по поводу 1913 года, «последнего спокойного года России», Куняев «акцентирует внимание вроде бы не на таком уж значимом происшествии, случившемся в Третьяковской галерее, когда иконописец-старовер Абрам Балашов с сапожным ножом в руке и с криком: «Довольно крови!!!» бросился к картине Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван», начал резать полотно. В итоге «бунтарь» «был признан психически больным и заключён в «жёлтый дом». Всё это произошло 16 января.

«Задавленная, выключенная из множества сфер жизни, собственные усилиями всплывающая на поверхность вопреки государственной воле, веками мучимая черносошная, стародедовская, народная Русь криком кричала это «Довольно крови!» на протяжении нескольких столетий Её не слышали. Не желали слышать (...) Царский дом последних двух с половиной столетий представлял собой нечто совершенно отъединённое от народного тела, от народной души. И в этом дворе убивали своих же. По лужам крови шли к престолу. И своей — и подданных... Крика не слышат — значит, увидят блеск ножей».

Так размышляет автор, становясь на «позицию» старообрядцев, а, в сущности, ставя диагноз грядущему невиданному кровопролитию в России. И таких точных чувствований в книге Сергея Куняева множество.

В поэзии Николая Клюева (в передаче её, в акцентировании для читателей Сергеем Куняевым) ощущается столько глубинно-природного, вечного, что я и сам на окружающее взглянул другими глазами (читал на веранде — через просторные окна наблюдал за жизнью «Божиего мира»): вот три скворца сели на самой верхушке яблони, растопыри-

ли пёрышки, почистили их клювиками и вспорхнув улетели; вот другая птаха озабоченно пронеслась в сторону овражка, неся в клюве веточки; вот ласточки сели на проводах и начали друг с другом переглядываться, а после одна спустилась в сторону огородов, другая уселась на краю небольшого чердачного окошка в соседнем доме — как на крылечке собственного жилища. Вот так всё вокруг продуманно, разумно, обстоятельно — вечно!

**24.05.** Дождь. Слышу его сквозь сон. Оттого не хочется просыпаться. Ненадолго прищурившись, открываю глаза. За окном всё серым-серо. Вновь пытаюсь заснуть. Вдалеке каркает ворона. Сорока прострекотала над крышей дома и вроде бы села под козырёк. Цепкие коготки её лапок заскользили по металлу, свист рассекаемого крыльями воздуха — улете-ла... Нет, надо вставать.

Принёс дрова, затопил печь. Затрещали в огне сухие веточки ябло-ни, положенные для растопки... и через несколько мгновений загудело. Пламя жадно охватило толстые поленья, объяло их, словно лаская, а на самом деле готовясь пожрать сухую древесину. Насыщая его, подбро-сил в топку ещё три-четыре полена. Так заканчивает свой век старая антоновка, яблоня, доставшаяся мне ещё от прежних хозяев. Участок был заросшим в рост человека крапивой, давно заброшенным. Соседи сказали про старую антоновку — она не плодоносит. Мы собрали, сруби-ли весь сухостой, сожгли его. Весной дерево обкопали, удобрили. С тех пор каждое лето оно давало обильный урожай, пока ствол её не треснул и не начал потихоньку засыхать. Большую часть его я уже перепилил и расколол на дрова. Одна большая ветка только и продолжает жить на другой отколотой части дерева. Зацвела и в эту весну, сопротивляясь всем обрушившимся на неё напастям. Я жалею эту ветку. Пусть пожи-вёт, сколько Бог даст.

Не выходит у меня из головы цитата, приведённая Сергеем Куняе-вым, взятая им из статьи Фёдора Евфимьевича Мельникова. Она до-вольно большая, но я её здесь всё-таки повторю.

*«В августе прошлого года вся Россия торжественно отпраздновала столетний юбилей Отечественной войны. Никто не назовёт главного героя этой войны, Наполеона, другом России. Он был самым страшным и самым опасным врагом её. Однако как его прославляли в юбилейные торжества!.. Всюду были выставлены его бюсты, портреты, автогра-фы. Все подвиги Наполеона, вся жизнь его освещались в самом ярком и блестящем виде. Выходило, как будто вся Россия чувствует память самого Наполеона и преклоняется пред великим и бессмертным его ге-нием. Поставить же св. крест над могилой родного мученика, где-то в заброшенном селе, оказалось невозможным. Министр не разрешил...*

*Русское правительство очень любезно разрешило французской нации воздвигнуть великолепный памятник на Бородинском поле в память погибших здесь французов, сражавшихся с нашей русской армией. Ни-кто, конечно, не скажет, что это были благодетели русского государ-ства. Не одна тысяча русских воинов пала от пуль и штыковых ударов французских солдат. Последние были расстреляны как враги России. Тем не менее над могилою их, под самым сердцем России, дозволено по-ставить памятник. Прибывшая на Бородинские торжества из Фран-ции депутация для почтения памяти павших в 1812 году французских воинов была в России встречена радушно и даже торжественно. Русское правительство было весьма внимательно к французам. Но столбовым русским людям, не раз проливавшим свою кровь за честь и спасение своей родины, то же правительство не разрешило поставить простой христианский крест над могилою великого русского же человека, невин-но казнённого 231 год тому назад по злому наущению коварного и фана-тичного деспота. Это называется национальной политикой!»*

Даже не хочу это вечное раболепство властелинов России перед «об-разованной Европой» комментировать. Просто привожу как ещё один

выразительный факт в подтверждение мною не единожды высказанного суждения.

Меж тем дождь сменился мелкой моросью, и вроде бы даже немного посветлело, хотя из дома всё равно не выйти. Что там, на воле делать в такую непогоду. Удивительно, но совсем в эти дни молчит телефон. И сам я никому не звоню. Одиночество, затворничество меня несколько не томит. Были бы только рядом книги. А их в доме — не пересмотреть и не перечитать. Каждый раз, начав их перебирать, нахожу что-то для себя, что обязательно хотелось бы прочитать или перечитать. Однако всё чаще с затаённой горечью в сердце думаю — успею ли, хватит ли времени. К тому же книги всегда одна тянет за собой другую, та третья, и так до бесконечности. Сергей Куняев описывает столичную жизнь Николая Клюева, и попутно много кого вспоминает, включая поэта и критика Сергея Городецкого. Снимаю с полки том воспоминаний Городецкого: там о Блоке, Есенине, Брюсове. Достаяю их сборники стихов... И тут, пока себя насильно не прервёшь — остановки не будет. Так о каком же одиночестве в этой череде бурь, переживаний, событий можно говорить?

Дождик, кажется, не кончится никогда — так беспроглядно затянуто серо-белёсой облачной хмарью небо. Одедся потеплее, да и пошёл на веранду (там и светлее, и вид на перелесок, что сочной, умытой зеленью светится, и пенье птиц, не убоявшихся ненастья, и бело-розовое цветение яблонь, да кипейно-белое вишень, глаз, хоть и в непогоду, да радуется) писать новый рассказ. Написал две страницы (почерк у меня крупный, размашистый, по объёму это немного), и всё при этом отвлекался: у соседа впереди скворцы в скворечнике хлопочут; у соседки слева ласточки покоя не знают — мечутся туда-сюда под крышу; а уж мимо моих окон кто только не летает и чем только не занимаются — и друг за другом носятся, и с веток что-то собирают, и в укрытии кого-то караулят... Просто птичье столпотворение. Бросил писать, начал за всем этим наблюдать — в городе разве такое увидишь. А тут даже воробей сел передо мной на столбик, посмотрел внимательно, как я умываюсь, и отвернулся будто бы с презрением — мол, нашёл чем заняться в такую-то пору. Посидел, высматривая вокруг какой-то свой особенный интерес, и вдруг вспорхнул, сорвался с места, как оглашённый, и улетел. Мол, тебе-то, ясно, нечем заняться, а у меня дела, заботы, самая горячая пора. И вот всё это вертится, летает, заботится прямо передо мной — в метре-двух. Я для них нечто чужое, инородное, на что и внимание не стоит обращать, не то что бояться.

Одно слово — природа живёт по своим вечным законам, в которые человек очень слабо вписан (если вообще вписан). В нём существует нечто нарушающее общую гармонию, которая сейчас заливается, щебечет, поёт о только ей понятном и ведомом. Как же всё это невероятно красиво, вдохновенно, вечно. Ведь так было и сто, и тысячу лет назад. А что человек, изобретший за эти столетия невиданные предметы убийства себе подобных и машины, устраивающие его собственный «комфорт»? Стал ли он от всех этих нововведений счастливее, свободнее?

Вот только что прилетели птички (я и назвать-то как их — не знаю), сели — одна на вершинку цветущей яблоньки, другая — на ветку второй. Наконец-то выглянул сквозь облака луч закатного солнца, словно специально осветил их.

И в этот миг я пожалел себя.

**25.05.** Необъяснимо грустное настроение. Ничем плодотворным не могу заниматься — только читаю, да и то как-то без азарта. Без принуждения, но и не «взахлёб». Отыскал на стеллажах (пока топил печь в первой комнате) солидный фотоальбом «Ясная Поляна», выпущенный в 1978 году издательством «Советская Россия». «150-летию со дня рождения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого посвящается». Первоначально подумал: «Откуда он у меня? Видимо, Т.Б. Лубяко подарила». А потом отыскал надпись, что Таня и Люся дарят эту книгу «на

память о любимом писателе» своей тётке. Ну конечно, это сёстры Любяко. Листал тяжёлый том с особым чувством, вспоминая свои недавние поездки в эти места, да старушек сестёр тоже. Современные фотографии хорошего качества соседствуют с историческими, которых, пожалуй, большинство, и с иллюстрациями портретов Л.Н. Толстого работы И.Н. Крамского, И.Е. Репина, Л.О. Пастернака. Со временем фотографии и репродукции не поблекли, не выцвели, что говорит о высоком качестве печати (Любяна. Типография ТОЗД Младинска книга) при тираже 50 000 экземпляров. Но цена для тех лет просто фантастически дорогая — 13 рублей. При такой стоимости издание в первую очередь должно было быть рассчитано на иностранных туристов. В конце книги статьи даны на английском, французском, немецком, испанском языках.

Открывается фотоальбом статьёй В.А. Солоухина. Не знаю, другому писателю позволили бы писать о прошлом «старорежимном», «крепостническом» времени в таком ностальгически-любовном ключе:

«Вообще-то говоря, таких помещичьих усадеб, таких имений, как Ясная Поляна, в России были десятки тысяч. С более пышными или более скромными господскими домами, с флигелями и службами, конюшнями и оранжереями, старыми липовыми парками и дубами-старожилами, с обозначенными въездными воротами и тёмными аллеями, с прудами и беседками, с сиреневыми кустами и террасами, выходящими в сад, с портретами предков и библиотеками, с музицированием в лунные вечера и прекрасными романсами, с уединёнными скамейками в глубине парка и хризантемами перед домом, с заготовкой варенья в июле и солкой огурцов по осени, с шуршанием длинных платьев и блеском офицерских эполет, с настойками в графинчиках и тонкими винами, с отдалённым звоном поддужных бубенцов и с вечерним звоном (...). Таких помещичьих усадеб было в России десятки тысяч (Хитрец Владимир Алексеевич прекрасно понимал, что у всякого прочитавшего эти строки тут же возникает вопрос: так где же они, куда делись десятки тысяч усадеб? Этого-то он и добивался. А так как задумавшийся без труда найдёт ответ, и, значит, дело сделано, автор ловко уходит в сторону, чтобы избежать цензурного удара), но Толстой был один».

Вообще, мне кажется, что во всей этой статье отражён симптом того времени, намечающихся изменений в осознании исторического и культурного прошлого страны. Ведь не зря я где-то прочитал, что Солоухин имел потрясающий нюх на то, что вот-вот должно быть разрешено, и буквально на полгода опережал собратьев-писателей, успевая выпустить новую книгу в самый нужный момент.

Появлялась возможность переосмысления «дореволюционного периода». Ведь вот и книги авторов XIX века, имена которых, казалось, напрочь забыты, начали переиздаваться: Е.Э. Дряновского, А.Н. Плещеева, А.Ф. Вельтмана, И.И. Дмитриева, М.П. Погодина, Н.Ф. Павлова, Н.Ф. Глинки, сборник статей А.Н. Афанасьева... Я помню, что тогда ясно ощущал эту робко нарождающуюся тенденцию, покупая книги перечисленных авторов в книжных магазинах.

Как бы осознавая это робкое движение к русскому самосознанию, антинациональные силы в СССР, правопреемника Российской империи (той самой, где были выстроены десятки тысяч упоминаемых Солоухиным усадеб), но главным образом в РСФСР, в Москве, устраивают «перестройку», которая своим разрушительным действием так напоминала революционные события начала века, когда как раз все помещичьи гнёзда и были уничтожены — сожжены, разграблены, стёрты с лица земли. Вот и Сергей Куняев в книге «Ты, жгучий отпрыск Аввакума...» замечает, описывая революционные события 1917 года, справедливо замечает: «...во всей этой истории, по-хорошему говоря, не счесть параллелей с пресловутым «путчем» августа 1991 года!» Того самого августа, когда страна вновь рухнула в катастрофу с неисчислимыми потерями, разрушениями, жертвами.

Как написал Сергей Есенин, оценивая революционные события начала века (сборник 60-х годов выпуска с произведениями поэта у меня тут же под рукой):

*Ещё закон не отвердел,  
Страна шумит, как непогода.  
Хлестнула дерзко за предел  
Нас отравившая свобода.*

(«Ленин», отрывок из поэмы «Гуляй-поле»)

Ходил за водой на родник. Он под кроной старой разросшейся черёмухи. Пока зачерпывал воду, в ведра налетели крохотные белые лепестки её цветов. И так они весело плавали по поверхности прозрачной, немного ещё потревоженной воды, что и мне стало уютнее на душе.

Удивительное создание человек. Самая незначительная, крохотная малость, которая к нему и отношения-то никакого непосредственного не имеет, может всё в нём изменить, задеть самое главное в нём — душу. И тогда все политические катаклизмы в какой-то миг станут ничем, по сравнению с упавшими лепестками цветущей черёмухи в родниковую воду, что ты только что зачерпнул в свои ведра.

Оглянулся вокруг. Быстрая речка ещё не вернулась в берега после весеннего разлива. Она сейчас шире и полноводнее, стремительнее, чем летом. В её коричневатой воде стоят прибрежные деревья. Осока только поднялась в болотистой низинке, и потому собой не скрывает устремлённого в лес потока. Летом в этом месте многое изменится. Тут будет особая, отличная от теперешней красота. Но мне и эта, и ожидаемая впереди — одинаково в радость. Потому что теперь это потаённое от людей место — только моё. Сюда нет тропы, нет никому хода (кто же ползет в осоку, когда скважина у дома). Потому, видимо, и испытываю я у родника необъяснимо-потаённое, волнительное чувство одиночества.

**26.05.** Наконец-то двинулся с мёртвой точки рассказ, и сразу веселее стало жить в деревне. Целый день почти не вставал из-за стола, за семь часов вчерне его почти закончил. Осталась последняя и, похоже, самая сложная главка.

Не будет никакой новости, если скажу, что к вечеру вновь пошёл дождь. Я уж боюсь загадывать — будет ли у нас хоть когда-то относительно сухое лето. По этому году синоптики пугали засухой. Посмотрим. «Гулять» отправился к себе наверх. Открыл окно, начал читать, а тут метрах в двух от меня на черёмуху сел соловей и давай выводить свои ругады. Я и засмотрелся на него и заслушался. Какое уж тут чтение.

Новая находка, теперь уже на стеллажах верхней комнаты — «Отчёт УВД Нижегородской области о состоянии борьбы с преступностью... 1994 год». Хорошо изданный, полноцветный, на мелованной бумаге журнал (указан тираж — 50 000 экз., денег не пожалели). Понятно, что здесь могут быть интересны только статистические данные. Приведу некоторые, на мой взгляд, самые выразительные. Умышленные убийства в Нижегородской области: 1985 г. — 185; 1994 г. — 562. Умышленные тяжкие телесные повреждения: 1985 г. — 470; 1994 г. — 1407. Кражи: 1985 г. — 6202; 1994 г. — 34640. Кражи из квартир: 1985 г. — 1718; 1994 г. — 8221. Кражи транспортных средств: 1985 г. — 292; 1994 г. — 1287. Грабежи: 1985 г. — 684; 1994 г. — 4627. Разбои: 1985 г. — 79; 1994 г. — 477. Вымогательство: 1985 г. — 24; 1994 г. — 421.

Если брать наркоманию, то тут цифры уж совсем ошеломляющие. Лица, допускающие немедицинское потребление наркотиков: 1985 г. — 14; 1994 г. — 683. Изъято наркотиков (кг): 1985 г. — 0.4; 1994 г. — 710.

Общие данные по России за 1994 год. Умышленные убийства — 32286. Тяжкие телесные — 67706. Квартирные кражи — 388168. Грабежи — 148546. Разбои — 37904.

Ну, и ещё множество всяких страшных цифр в этом справочнике. Так принципы свободы и демократии начали своё шествие по простору России, освобождённой от «коммунистического ига». За ними беско-



нечные человеческие трагедии. А ведь мы понимаем, что в те годы бардака и развала одно из десяти преступлений бралось на учёт (в лучшем случае), а подавляющее большинство людей и вовсе не обращались в милицию, не веря в их помощь и защиту. За защитой и решением проблем обращались к «крышам», «браткам», «авторитетам», «ворам в законе...

**27.05.** Всё, с рассказом закончил. Теперь предстоит многое прописать, отредактировать, но общая канва создана. И будто камень свалился с души — вздохнул с облегчением.

Звонок Сергея Ивановича Рогожкина. Поздравляет с высокой наградой. Оказывается, В.В. Путин поощрил мои труды как главного редактора журнала Президентской благодарностью. Об этом сообщили местные информационные агентства. В таких случаях что хочется сказать? Поблагодарить главу страны, однако заметить — не очень-то высоко ценятся мои двадцатилетние труды по изданию «Вертикали. XXI век».

От своей деревни до деревни Покровское (я думаю, это более пяти километров) прошёл пешком. Сначала по просёлочной дороге, затем по асфальту трассы Городец — Кировское шоссе. Только за Покровским мне навстречу подъехала Наташа на своей машине. Обратил внимание, что, хоть сбавив скорость, но тормозила как-то неуверенно.

— Так тебя не видно совсем. Только что-то размытое движется по обочине.

Не поняв её слов, я оглянулся. Низко, прямо над чёрной лентой дороги висел огромный раскалённый шар Солнца. И я шёл в невозможно ярком свете этого шара, совершенно его не замечая, смотря вперёд, на оживший весенний лес, на красоту окружающего мира, на голубизну с редкими белыми облаками открывающегося передо мной небесного простора... Душа моя была наполнена восторгом, неведь от чего...

А в машине подумалось: вот так и весь свой срок мы проходим по жизни — смотря только вперёд, видя заботы, горе, радости, стремясь к каким-то достижениям... А главного, того, что за спиной, что изначально, что даёт нам жизнь и свет, не замечаем, об этом не задумываемся. Свет, который всему основа — Бог.

## **28 мая**

Вот и вернулся в привычный мир новостей — словно вынырнул из некой глубины, где были другие звуки, запахи, другое окружающее пространство.

США. Второй день в городе Миннеаполисе погромы. Полицейский патруль задержал негра, пытавшегося расплатиться фальшивой купюрой достоинством двадцать долларов. Несчастного повалили на дорогу, прижав шею коленом к асфальту. Так держали девять минут, пока задержанный не умер, хотя тот просил убрать колено — он задыхался. Когда видео этой смерти распространилось по сети, полицейских уволили, а город взбунтовался. Начались погромы: горят машины, дома, магазины. У больших торговых центров разбиты стеклянные стены — чернокожие погромщики тащат оттуда дорогую технику, коробки с телевизорами, спиртное, громят полки с товарами. Всё-таки это удивительный американский феномен: «народное возмущение» в этой стране всегда переходит в безудержное воровство. На моих глазах прошла «революция» 1991-1993 гг. в России, ничего подобного в наших городах не случилось.

## **30 мая**

Позвонил Е.И. Галкин. Ему в четверг отнесли книгу «За тайной гранью». За два дня он её (почти шестьсот страниц) прочитал, и вот откликнулся поблагодарить.

— Это, конечно, твоя жизнь... но и моя. Спасибо тебе за сохранённую память.

— Мне дороги твои слова, Евгений Иванович, — ответил ему, — по-

тому что недавно терзал себя мыслью: стоит ли продолжать дневники, нужны ли кому-то эти книги?

— Ты как хочешь, но я жду продолжения.

Не буду лукавить — такой отзыв для меня очень дорог. Значит, следует продолжить работу.

Начал искать дома альбом с фотографиями своего детства, и никак не могу найти. Самый большой, тяжёлый, в семидесятых годах сделанный в местной типографии. Красная коленкоровая обложка, толстенные картонные листы внутри — и вот пропал.

Я не пересматриваю старые фотографии, хотя их достаточно много, обращаюсь к ним только при издательской необходимости. Почему сейчас взялся за поиски... В раннем детстве отправили меня родители, вместе с близкими родственниками, на родину отца в деревню Утка Гагинского района нашей области. Был среди прочих в той компании (состав её по малости лет я почти не запомнил) муж сестры отца Люси — фотограф-любитель Ивановский. Вот тогда он меня и запечатлел: мальчишка лет пяти, кудрявый, как на портретах изображают маленького Володю Ульянова, в том числе на октябрятских звёздочках, сидит на берегу местного пруда. Е.И. Юсов, которого всё мучает нереализованный замысел иллюстрации моей повести «Колька», попросил найти фотографию-образ, от которой бы он мог отталкиваться в изображении главного героя. И тогда я вспомнил про этот давний снимок. Никто меня на нём, конечно же, не узнает, так почему бы не попробовать использовать его для иллюстрации?

Однако альбом с ней как в воду канул — чудеса.

К Евгению Ивановичу в мастерскую я всё-таки ходил, раз обещал (он дописывает большой портрет Петра Стронского), но это была больше встреча с рассуждениями общего плана, а потому почти безрезультатная.

Внезапно на город обрушилась почти тридцатиградусная жара, но завтра вновь обещают похолодание и дожди. Пока же хожу, придерживаясь теневой стороны улицы.

### 31 мая

В США продолжают погромы. Беспорядки охватили десятки городов. Сожжены целые кварталы в центре, полицейские участки, офис телекомпании CNN в Миннеаполисе — туда введена национальная гвардия. Горят машины, дымят патроны со слезоточивым газом, летят камни в полицейских. Гнев неповиновения вырвался на американские улицы. Может быть, и правда, США пришло время «на своей шкуре» почувствовать, что такое социальные бунты, подобие которых с таким самозабвением они поддерживают в других странах по всему миру. Теперь вот у себя пришлось ввести комендантский час в 25 городах.

Узнав, что художник Владимир Ерофеев уехал к себе в деревню на берег Ветлуги, позвонил ему.

— Пишу потихоньку. Дождь... — ответил на моё приветствие Володя, а потом удивил. — Я у себя огород разбил, посадил всё — от картошки до огурцов, зелени и прочего.

Я помню большой участок земли около дома Владимира, ровный, наподобие газона, со скошенной травой, и только кусты малины росли по его краям. Участок по наклонной спускается в сторону реки. И вот на нём хозяин «выкопал озеро», где хочет «разводить карасей». Ну и удивил же меня Владимир в очередной раз. А ведь всё у него получается, в хозяйстве Ерофеева по-другому не бывает.

И вспомнилось мне своё гостевание в его доме, походы в лес, ночная Ветлуга, паводковые завалы на острове... Хорошо, красиво необыкновенно, вольно в тех местах.

Закончили разговор предложением провести выставку его новых работ в зале Союза писателей. А пока Владимир, кроме занятий живопи-

сью, будет продолжать ловить рыбу — всё больше лещей. Правда, тут у него возникла определённая незадача.

— В заливчике, помнишь, что ближе к Красному Яру, мы с тобой там ещё охотились на уток, я ставил свою сетку, и намотал чьи-то уже поставленные на винт лодочного мотора. Распутал, как-то связал их, но хозяева меня всё равно застали. После приехал проверять свои сети, а их нет. Может, рыбнадзор обнаружил, может, те мужики в отместку забрали. Только остался я без сетки (смеётся!). Да у меня есть один кусок. Выставил его в укромное место — о нём никому не рассказываю. Надо немного лещей накопить, своих угостить.

И ведь наловит, накопит и угостит. Владимир по-житейски талантливый и удачливый человек. Такой вечный, со временем не пропадающий русский характер.

## 1 июня

А ведь нашёл я свои детские фотографии. Долго думал, вспоминал — как бы я мог поступить с этим альбомом (по правде говоря — слишком он велик, да и разваливаться начал), и не вспомнив точно, только предположив (вдруг вынул из него снимки, а сам его выбросил), начал проверять коробки, куда тоже складывал снимки разных лет, и там отыскал.

В поисках утерянного всегда главное сосредоточение, а не суета.

Странное это чувство — возвращение в своё замечательное прошлое. Фотографии в основном плохого и скверного качества от ранних школьных и до выпускного класса, пред и сразу послеармейские. Живые родители (я помню даже своё настроение, когда эти снимки делались), живые друзья по школе и улице, часть из которых давно ушла в мир иной (от алкоголя, после — от наркотиков). У многих (касается 9-10 классов — тогда я пришёл в чужую для себя школу) не помню имён и фамилий, да и их самих очень смутно. Коротка и быстротечна человеческая жизнь. Понимаю, что звучит банально, но как иначе выразить, определить то чувство, что испытываю сейчас, перебирая тонкие, с пожелтевшими разводами и крапинками листочки фотобумаги советского производства.

Память моя размыта, как размыты, не контрастны лица на любительских фотокарточках, сделанных неумелой рукой. Не доносится мне оттуда, издалека, никакой радости. И тогда было много смутного, терзающего душу. Тут уж, видно, всё зависит от характера. Потерзал он меня, потерзал. Хотя, слава Богу, беды большой не принёс.

Продолжают поступать новости из США. Уже более чем в 140 городах беспорядки, в сорока из которых введён комендантский час, в том числе и в столице — Вашингтоне. Там протестующие около Белого Дома сожгли епископальную церковь Святого Иоанна, которую посещали все американские президенты. У самой резиденции Трампа тоже было горячо, в стычках пострадали более 50 спецагентов, президент с женой и сыном ещё в пятницу, а также накануне, прятался в специальном бункере несколько часов. В самом здании полностью выключали свет. Появились первые жертвы после применения огнестрельного оружия. Продолжаются грабежи магазинов, их поджоги. Горят и полицейские машины. В акциях неповиновения, как объявлено, участвуют миллионы. В репортажах показывают жестокости полицейских и других силовиков. Не щадят ни девчонок, ни стариков, ни журналистов.

Вот она — демократия! Не устаю повторять про себя эту фразу. К тому же в информационном пространстве бунтующей стороны появились сообщения, высказывания местных политиков, что в произошедшем, возможно, виновата Россия (информационно и скрыто — финансово).

## 2 июня

Перечитал «Записки охотника», да и другие небольшие вещи И.С. Тургенева, и вот о чём подумал (не унижая писательского достоинства Ивана Сергеевича): какой большой шаг в сторону художественного пи-

сательского мастерства сделала русская словесность от этих, довольно уязвимых в стилистическом, композиционном отношении рассказов, до повестей Л.Н. Толстого и далее произведений И.А. Бунина, И.С. Шмелёва, Леонида Леонова, Юрия Казакова, Валентина Распутина... где фраза приобрела многомерность, образность, психологическую точность, изобразительную красоту. И уже немислимо, чтобы эти писатели чуть ли не в каждом произведении (как это у Тургенева) использовали такое ничего не значащее выражение, как «В один прекрасный день» (утро, вечер). Или допускали вот такие обороты речи: «взрезывал упругую грудь земли», «как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его плечей», «отчуждённый несчастьем своим от сообщества людей» (это из «Муму»).

Но возможно ли было миновать этот «тургеневский» период в русской литературе, прежде чем она, именно как исключительное национальное явление, заявила о себе во весь неповторимый, наполненный особенной глубиной и мощью голос?

Знаю, что этим высказыванием, вернее всего, возмущу многих, но так я чувствую, так ощущает прозу Ивана Сергеевича моё внутреннее духовное естество, которому я не могу приказывать — только прислушиваться и не противиться. Ибо в этом и есть я, то самое, что является мной.

Думал обо всём высказанном ещё в деревне, по вечерам, а записать решил только сейчас. Трудно в своих сомнениях приближаться к тем, кто давно высится на постаменте из гранита и мрамора.

А на улице дождь, и всё то же звучит: «Объявлен режим... Не выходи-те из дома... Носите маски и перчатки...»

### **3 июня**

Вашингтон. У Капитолия митинг, беспорядки. То же в других городах. Есть убитые — говорят о десяти. Горит автосалон с новыми дорогими машинами. Появились сюжеты об убийстве полицейских — жестоком, бессмысленном. Те тоже взбешены: направляют струи слезоточивого газа в лица, стреляют в упор резиновыми пулями и шумовыми гранатами. Бьют женщин резиновыми дубинками с остервенением.

В Нью-Йорке разграблены магазины на самой дорогой улице: ювелирные, парфюмерные, часы, кроссовки, брендовая одежда... Остановлен и ограблен автомобиль инкассаторов, с его крыши над толпой какой-то негр разбрасывает купюры. Грабят поезд с контейнерами, в которых телевизоры, аптеки, огромные продовольственные супермаркеты. Белую женщину, попытавшуюся защитить свой магазин, молодые негры жестоко бьют: ногами, деревянным брусом. Бьют какого-то случайного (вернее всего) велосипедиста — белого парня. Толпа скандирует: «Мы ненавидим полицию!»

Всё больше появляется белых, вооружённых автоматами и т.д., готовых защищать свои дома и офисы. Замелькали непонятные снайперы на крышах автомобильных фургонов.

Странно, но губернаторы крупных штатов не хотят против толпы применять силу национальной гвардии. Трамп называет их «кучей при-дурков». Противостояние разных политических сил только нарастает. Вот уже в Париже, Лондоне, Берлине вышли протестующие в поддержку беспорядков в США и против «полицейского насилия». И тут погромы, горят автомашины, слезоточивый газ. Не раскручивается ли это насилие для того, чтобы под предлогом наведения порядка ввести тотальную слежку над каждым жителем планеты? Очень на это похоже: сначала карантин с полным поражением прав людей (с домашним арестом). Теперь бунт огромного масштаба и насилия, способный привести к междоусобному кровопролитию.

И как тут не вспомнить вот это откровение одного из идеологов «глобализма» Збигнева Бжезинского (лето 2009 года): «Этот кризис не за-

кончится ни в августе, ни в сентябре, ни в октябре, ни в ноябре, ни в 2010-м году, ни в 2012-м, ни в 2015-м... ЭТОТ КРИЗИС НЕ ЗАКОНЧИТСЯ НИКОГДА, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА МЫ НЕ ДОСТИГНЕМ СВОИХ ЦЕЛЕЙ. Наши цели вам хорошо известны. ЕДИНОЕ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — ВОТ, ЧТО НАМ НУЖНО. И оно будет сформировано — нравится вам эта идея или нет. Вы сами нас об этом попросите. Потому что дальше будет только хуже и хуже, хуже и хуже. Скоро вы поймёте, что так называемый КРИЗИС ещё даже не начинался. Это не КРИЗИС, дорогие мои, — это УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС. И далеко не многие из вас увидят, чем он закончится... Общество ещё слишком далеко от того, чтобы не только принять идею единого мирового правительства, но и увидеть в новом мировом порядке своё единственное спасение. Поэтому сначала мы должны привести общество в необходимое для этого состояние. Для этого нужно гораздо больше, чем экономический паралич — нужны войны, голод и эпидемии по всему миру».

## **5 июня**

Ходил пешком на площадь М. Горького в здание «Ростелекома» — отказывался от стационарного домашнего телефона. У нас в квартире два сотовых, интернет — просто переизбыток средств связи и договорных отношений с разными организациями. Первая половина дня выдалась тёплой, солнечной. В такую погоду прогулка в удовольствие.

Перейдя мост по лестницам и дорожке, поднялся на откос. Только тут заметил, что старый раскидистый вяз, росший у самого края верхней широкой бетонной лестницы, в этом году засох. И ещё два таких же дерева слева, ближе к смотровой площадке — тоже. У меня такое впечатление, что я эти вязы помню всю свою взрослую жизнь, а эту зиму, — странную, без морозов и снега, — они не пережили. И будто какая-то неясная смута тронула моё сердце. Остановился на краю склона. Весёлый зелёный ковёр травы спускается к чернеющей асфальтом дороге. За ней, омытый белизной стен и золотом куполов, светится Благовещенский монастырь. У его калитки стоят две пожилых женщины в платочках, разговаривают с не пускающим их внутрь охранником, одетым в лёгкую куртку ядовитого жёлто-зелёного цвета. Карантин, храмы закрыты для посещения «посторонних»...

Погибшие деревья — словно ушедшие из жизни старые знакомые. Закрытый монастырь — не осмысленные реалии сегодняшнего времени. На всё это душа моя откликнулась скрытой, покаянной скорбью.

## **8 — 16 июня Кунавино**

Вот и удалось спилить засохшие большие ветки и стволы у старых яблонь. На ближнем участке ещё и скосили траву на довольно большой площади (тут Наташа постаралась), и он ожил, приняв более-менее благообразный вид. Мне показалось, что это принесло радость не только мне, но и самой земле — она словно «засветилась», открыв нам красоту налившихся зеленью кустов смородины и крыжовника с завязью многочисленных горошинок-ягодок.

После трудов жгли в мангале костёр из сухих веточек, жарили на угольном жаре мясо, ужинали. Я в такие минуты становлюсь разговорчив (так хорошо, так красиво вокруг), по-стариковски многословен — вот за столом и высказал мысль, которая давно меня преследует. Она касается снов.

Долгое время по ночам я будто проживаю другую жизнь, параллельную моей дневной. В ней неизбежны встречи с незнакомыми людьми, или знакомыми, но внешне они будто и не похожи на них же дневных. Это что-то мне подсказывает — они. Встречи происходят в незнакомых для меня местах. Разговоры, действия, впечатления, переживания — всё как в дневной жизни, только бесцветнее, что ли, путаннее. В них нет для меня зла, но нет и доброжелательности. Там неуютно — в

ночной жизни, словно она открывает не самое доброе в людях. Потому во сне они часто меня оставляют, и есть в этом что-то эгоистическое с их стороны.

Просыпаясь, возвращаясь в дневной мир, испытываю что-то сродни освобождению... Только влюблённость, страсть во сне ничем не уступает дневной, а может, и превосходит её.

Поздним вечером на веранде читал «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого, и не заметил, как дальний лай собаки (такой непривычный сейчас для нашей деревни), гомон птиц — всё смолкло. Настала спокойная тишина в бледных сумерках угасшего, отжившего своё дня. И в этой умиротворяющей тишине чудился мне глубокий смысл мироздания. Удивительное, неповторимое и необъяснимое чувство, которое не разумом, а только душой можно воспринять. Ти-ши-на...

**9.06.** Спал, находясь всё в том же «ином мире». На этот раз будто бы в Киеве, но ничто не напоминало столицу Украины (которую я когда-то только проезжал — и не более), а больше некое провинциальное захолустье, рабочую окраину.

Утром вновь занялись участком, дальнейшим приведением его в порядок. В обед направились в совхоз «Сормовский пролетарий». Наташа вспоминала своё детское хождение в него (оказывается, они с Таней обманывали бабушку и вместе со всей остальной деревенской мелюзгой отправлялись в такую даль), для Лёши дорога была в новинку. У клуба завернули к месту памяти тех, кто ушёл на фронт Второй Мировой войны. У каждой деревни сельсовета свой длинный список, в том числе и у Кунавина. Не уточнено — это только погибшие или все вместе. Но в любом случае количество фамилий впечатляет. И ещё — количество одних и тех же фамилий из одной деревни.

Назад возвращались совсем в зной. Запахи лесных цветов удушливо пряные, но желание вдыхать их не пропадает. Конечно же, вспоминал нашу с Н.А. Бондаренко осеннюю ненастную дорогу по этим же местам — в дождь, распутицу. Вот так всё в нашей жизни меняется, но и оставляет свой след в памяти.

Пообедав, Наташа с Лёшей (их просто замучили звонками по работе) уехали в город, не прожив в деревне обещанно-планируемых трёх дней. Отправил с ними тяжёлую сумку с книгами. Выбрал с наиболее интересными автографами авторов — передам эти издания в архив.

Машина тронулась, выехала из нашего просёлка на дорогу, скрылась за деревьями... Как же грустно стало на сердце после расставания... Однако, необходимо настраиваться на работу, ради которой приехал и для которой нужны тишина, сосредоточенность и уединение.

**10.06.** Ночи как таковой почти и не наступало. Долго не мог заснуть, и, поднимая глаза к окну, видел белёсый сумрак: сероватый, сквозь который с трудом пробивался неясный свет, размывая его, словно смешиваясь с темнотой.

Провалился в некоторое забытьё. Когда же вновь открыл глаза — о ночи уже ничто не напоминало, хоть и было совсем рано... С трудом, но на короткий срок вновь удалось заснуть.

За завтраком вспомнился вчерашний разговор со специалистом местного Министерства информационных технологий, который ждал от меня подписанного протокола по утверждению финансирования избранных издательским советом проектов выпуска книг в 2020 году. К сожалению, в списке (семь проектов) всё те же издательства, которые, можно сказать, оккупировали получение бюджетной поддержки. Все мои призывы выделять средства (целевые) для издания нижегородской художественной литературы оказались тщетны. Даже детские книжки Владимира Чугунова не получили поддержки. Надоели все эти бессмысленные споры. Можно сказать, махнул рукой и дал согласие на утверждённый список. Просто не представляю, как можно чиновников подвести к разумным решениям.

Медленно, с перерывом для работы на участке, подбирался к продолжению написания «Гауптвахты». Попутно в письменном столе в верхней комнате среди старых бумаг так-таки и отыскал черновик своего давнего письма в «Литературную газету» по поводу книги Льва Аннинского. Когда ещё писал о критике прощальное слово, вспоминал этот небольшой текст. Теперь он ни к какому месту, и я решил просто оставить его на память в своём дневнике.

Тогда озаглавил заметку: «О доверии» (хотя изначально дал ей и вовсе задиристое название — «Ошибка ли?», но после его зачеркнул). Написано всё авторучкой, синими чернилами.

Подобное случается не часто, но в 1982 году произошло именно так. Сразу два центральных издательства выпустили книги, посвящённые жизни и творчеству поэта Михаила Луконина («Советский писатель» — сборник «Воспоминания о Михаиле Луконине» и «Современник» — Лев Аннинский, «Михаил Луконин»). Пожалуй не будет преувеличением, если сказать, что книги эти вызвали большой интерес. И виной этому не только самобытное творчество поэта, но и то, что в последние годы интерес самой критики к поэтическому наследию М. Луконина несколько снизился, а отсюда и определённый дефицит информации для тех, кто хотел бы глубже познакомиться с творчеством поэта.

И вот читатель дождался встречи. Взял в руки книгу Аннинского и... «Литературная газета» уже неоднократно помещала на своих страницах материалы, которые ставили перед авторами (в основном литературоведческих книг) вполне закономерные вопросы: кто им дал право по-своему усмотрению толковать, изменять факты из жизни того или иного писателя? Теперь такой вопрос я думаю правомерно задать и Л. Аннинскому.

И чтобы не быть голословным приведу две цитаты. Первая из книги Льва Аннинского: ««Дорога к миру» появилась через полтора года после «Рабочего дня». На сей раз московские журналы не упустили рукопись, они даже соперничали из-за неё: нёс в «Знамя», случайно показал Твардовскому; тот прочитал за ночь (три тысячи строк!) и поставил в ближайший номер. В майский номер 1950 года» (Стр. 87).

Вторая из публицистической книги М. Луконина «Товарищ поэзия». В главе «Лишние трудности» поэт пишет: «Поэма «Дорога к миру» побывала в журналах и издательствах долго — годами. А однажды, совсем по другому поводу, я зашёл в «Новый мир» и встретился с Александром Твардовским, разговорились. «Куда идёшь?» — «Несу поэму в «Знамя» — может быть, новый редактор возьмёт». — «А дай почитать!» Я уже условился на этот день с редактором «Знамени». Кроме того — мой стих и взгляды Твардовского! (...) И уж совсем не ожидал, что на утро позвонит Твардовский и что поэма появится в ближайших номерах «Нового мира». А невидимая критика? Возьму как пример именно эту поэму. «Поэзия Луконина лишена того внутреннего ритма, который присутствовал даже у самого раннего Маяковского... (...) Одарённый поэт... (...) пренебрёг методом социалистического реализма. Все те отдельные промахи, на которые раньше уже указывалось Луконину, возведены здесь в систему. Поэма не только не может быть издана (об этом и речи быть не может), но она должна стать для Луконина важным уроком...» (Стр. 85-86).

Как видим ни о том, что «московские журналы не упустили рукопись», ни о соперничестве в книге речи не идёт. Наоборот, автор сетует на те трудности (и даже название самой главы это подтверждает!), которые пришлось ему преодолеть, пережить, прежде чем поэма появилась в печати.

Как объяснить такую, мягко говоря, ошибку критика? Случайностью? Незнанием? Но ведь Л. Аннинский сам неоднократно цитирует книгу. М. Луконина и даже отсылает к её содержанию читателей.

Кстати, почему-то автор утверждает, что «Товарищ поэзия» впервые издана в 1964 году. Цитирую: «Лейтмотив изданной впервые в 1964

году его публицистической книги «Товарищ поэзия...» (Стр.120). Но у меня на столе сейчас, когда я пишу эти строки, лежит книга одноимённого названия. На её титульном листе стоит 1963 год.

А теперь о том, почему я решил написать эту заметку. Может быть, некоторые посчитают, что ошибки в книге не столь значительны. Что ж, не буду оспаривать эту точку зрения, хотя и глубоко убеждён, что любой, даже самый незначительный факт личной биографии писателя (к тому же если он выносится на суд читателей тиражом в 25 тысяч экземпляров) обязан быть проверен, достоверно установлен. И не о небрежности, не о неточности цитат и дат хочется сейчас сказать, а о доверии. Да, о доверии, которое испытывает каждый читатель, беря в руки книгу. Как оскорбительно бывает ему порой читать заведомую неправду, спотыкаться на ошибках, неточностях. В таких случаях читатель всегда считает (и он имеет на это полное право!), что его обманули, лично его. А отсюда появляется неверие и другим писателям».

Книги, о которых тут идёт речь, теперь находятся рядом со мной, на стеллажах в деревенском доме. И это помогло при составлении теперешней записи, так как в черновике, найденном мною, цитаты обозначены только началами фраз и номерами страниц. Не будь у меня книг под рукой, я бы не смог необходимые отрывки полностью воспроизвести, и тогда смысл написанного был бы не понятен.

Но как же интеллигентно, спокойно, уважительно ответил на мои обвинения Лев Александрович (см. журнал «Вертикаль. XXI век» № 63). Мне этой сдержанности и уважительности в полемике всегда не доставало. А теперь уж и научиться всему этому поздно... Не получится.

Достойные люди и после своей смерти продолжают нас многому учить.

За день «Гауптвахта» продвинулась вперёд всего на несколько незначительных фраз.

**11.06.** Продолжают стоять жаркие дни. Они пока не утомляют — в радость после дождливых неуютных, холодных и ветреных майских недель. Сажу в верхней комнате. Окна открыты с обеих сторон. Лёгкий сквознячок приятно ласкает кожу спины и плеч, словно осторожно гладит её лёгким перышком.

Никогда не думал, что может быть так поучительно перечитывать собственные записи из рабочих тетрадей спустя почти сорок лет: черновики писем в редакции, заметки для газет (не все и опубликованы), первоначальные зачины вариантов рассказов о Кольке, планы и задумки литературно-критических статей, рецензий, бесед с писателем А.Г. Костиным... Сколько в итоге оказалось написанного, но сколько и неоуществлённого.

Старая бумага, потерявшие свою крепость обложки — спрессованное прожитое мною время. С горечью понимаешь, переворачивая самим когда-то исписанные листы, сколько попусту и бездарно было его потрачено.

Открыл створки окна на веранде. Теперь на выходе из дома везде оказываешься на улице. Так и пытаюсь работать, переходя от одного стола к другому, оттуда к третьему: в большой комнате, в верхней комнате, на веранде. Двинул вперёд очередной рассказ из «Кунавинского» цикла, условно назвав его «Рыбалка». В идеале воспоминания о ярмарочном детстве должны в нём пересечься с деревенскими воспоминаниями.

Накануне прочитал «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого. Возвращая книгу на стеллаж, привычно пробежал взглядом по корешкам других томов. Большая часть авторов или сами воевали, или писали о войне, или оценивали произведения о ней в критических работах.

Закрывая окно в верхней комнате, поправил книги на полке горьковских писателей — и там подавляющее большинство фронтовая литература.



А.Н. Толстой в своих рассказах кровопролитие описал «буднично» и страшно. Но есть ли ещё в мире литература, в которой так много места занимали бы произведения, посвящённые ужасающим событиям, войнам, авторам которых пришлось принимать в них участие на **собственной** земле, изгоняя захватчиков из **своей** страны, из её городов, деревень, полей и лесов, гор и равнин? В этом отношении у России страшная и величественная история.

**12.06.** Жара спала. Небо пасмурно нахмурилось. Но дождя пока нет. Зато в такую погоду по-особому светятся белые и красноватые бутоны роз. Кусты этих цветов когда-то посадила Ирина вдоль нашего забора из металлической сетки. Они разрослись и теперь просто усыпаны красивыми, свежими, тонко пахнущими цветами. Смотрю на эту красоту, и не могу налюбоваться.

На бывшей когда-то цветочной клумбе около веранды образовался высокий зелёный холмик из сочных сильных побегов, диаметром более метра и высотой около того. Когда я приехал, на его верхушке только намечались синенькие цветочки. Сейчас он весь покрыт васильками. И это сочетание зелёного с густо-синим великолепно.

Пока любовался цветами, налетела целая стая скворцов. Суетливые, шумные, облепили яблони, спустились к кустам жимолости, поискали что-то на земле среди скошенной травы — и, как по команде, поднялись, с шорохом разрезая воздух быстрыми крыльями. Это деревенская жизнь, которой всё не могу насытиться.

Позвонил А.В. Мюрисеп. Ему и мне прислали листы заочного голосования по областной премии имени М. Горького. Мы уже раньше оговаривали, какие кандидатуры и научно-творческие проекты поддерживать. По литературе, конечно, собрание сочинений А.М. Колосийца. К тому же в столь трудный для него период это послужит Алексею Марковичу хоть каким-то утешением. Александр Васильевич вышлет секретарю комиссии наши листы.

Из раннеутреннего чтения книжки Валентина Катаева «Маленькая железная дверь в стене» (попалась в руки на стеллажах в большой верхней комнате).

«Когда, бывало, — вспоминает Кржижановский, — по гулким коридорам дома предварительного заключения на Шпалерной улице царского Питера, где мне пришлось одновременно с Владимиром Ильичом отбывать тюремное заключение по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», по временам было слышно, как охранники волокут тяжело гружённые книгами корзины, я знал, что этот книжный груз последует в камеру Владимира Ильича... Можно ли более образно и убедительно показать отношение Ленина к чтению...»

Пройдёт не так много лет, и уже при Ленине в тюрьмах России к политическим заключённым будет совсем иное отношение, такое, что те позабудут о всяком чтении. Действительно, можно ли ещё более «образно и убедительно показать», что принесли стране революционные годы?

Вообще, от книжки В. Катаева остаётся впечатление «выполнения заказа». Валентин Петрович выкрутился, написав больше о своих путешествиях «по ленинским местам» в Европе, наполнив текст воспоминаниями детства, своей поездки к М. Горькому на Капри, воспроизвёл общение с известными деятелями зарубежной культуры. Эти куски в книге наиболее интересны. В остальном же от опытного читателя не ускользает ощущение неискренности написанного. Так сквозь строчки и видишь хитроватую улыбку Катаева.

Приводит Валентин Петрович, рассказывая о многочисленных передвижениях В.И. Ленина по Европе, отрывок из воспоминаний М. Горького о «вожде мирового пролетариата»: «А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти всё!» — как-то сказал ему Владимир Ильич. И вот с таким знанием страны планировалась её «перестройка». У соратников Ульянова-Ленина знаний о стране, где они со-

бирался совершить революцию, было не больше. И это родовая болезнь «демократии», представители которой уже в наше время вновь стремятся к «коренным преобразованиям» в России, при этом если и выезжают за окружную дорогу столицы, то только для того, чтобы добраться до аэропорта — а дальше США, страны Евросоюза, курорты Юго-Восточной Азии... что угодно, только не города и просторы Российской Федерации.

Но почему я отметил неискренность и хитроватость Валентина Катаева? (Кстати, я в эти понятия к автору книги не вкладываю никакой негативный смысл.) На странице 72 писатель непонятно к чему вдруг вставляет такую фразу: «Быть может, некогда на этом месте (В Парижской национальной библиотеке, в кабинете периодической печати — В.С.) сидел Ленин, перелистывая тот же самый комплект «Нового времени» за 1907 год и, сузив **недобрые** глаза, делал выписки из статьи **Меньшикова**, вызывавшей в нём чувство физической тошноты». Выделено в тексте мною. Ну, во-первых: кто в середине 60-х годов мог знать, кто такой М.О. Меньшиков? Только немногие знатоки русской национальной публицистики. Имя этого блестящего писателя было под строжайшим запретом. В конце в «Примечаниях» к «Маленькой железной двери...», составленных Л. Скорино, сказано: «...реакционный публицист... В.И. Ленин назвал его «верным сторожевым псом царской чёрной сотни»... В 1919 году расстрелян». Тут автор ошиблась. М.О. Меньшиков был расстрелян 20 сентября 1918 года сотрудниками ЧК. И во-вторых: так почему же Катаев называет именно **Михаила Осиповича** как автора, чьи статьи читает В.И., и больше никого? Ведь мало ли что ещё мог читать Ленин в номерах суворинской газеты.

Многое станет понятным (хитрость и даже ехидство автора), если мы вспомним, что сам молодой Катаев публиковался в дореволюционной черносотенной газете, что, понятно, в советское время не оглашалось. Так одной фразой Валентин Петрович и почтил память М.О. Меньшикова, напомнил о нём ищущему читателю, и о своём прошлом намекнул. И таких эпизодов «с двойным дном» в книге предостаточно.

В-третьих: у Ленина при чтении «недобрые» глаза. И мы понимаем — придя к власти, соратники Ленина (а вернее, по его прямому указанию) не простили публицисту прежних статей, отомстили — расстреляли.

И таких эпизодов с «двойным дном» в книге предостаточно.

**13.06.** Вот ещё одна запись из рабочей тетради. У неё есть название: «Покос». Дважды начинала, оба раза все страницы поисчеркала исправлениями, но так до конца очерка и не дописал. Попытки эти делаю, судя по предыдущей и последующей записям, где числа написания проставлены между 01.08.1982 г. и 10.02.1983 г. Сейчас даже чтобы эти года написать, нужно сосредоточиться — рука так и норовит поставить двухтысячный год.

«Воспоминания детства! Наверно, нет такого человека на земле, в котором не будили бы они особого, не всегда понятного, объяснимого, но от этого ничуть не менее взволнованного чувства — чувства причастности к движению времени, к тому, что все мы привыкли называть огромным в своей значимости и до удивления ёмким словом — жизнь. Мы вспоминаем прошлое и говорим — было. Именно было (а, например, не прожито), потому что вкладываем в это понятие элемент обязательности, необходимости. Да, было первое произнесённое нами слово, был первый самостоятельный шаг... и много ещё всего было впервые. Но среди всего этого много выделяется то, когда невольно рождается понимание, что жизнь — это не только и не столько проходящие года, сколько то, что делаем, оставляем за собой.

Недавно я задумался над тем, почему, когда вспоминаю своё детство, то память среди пёстрой мозаики событий особенно выделяет одно: яркий июльский день, тайгу, притихшую, словно разомлевшую под жарко палящим солнцем, высокую, налитую соком, ещё не успевшую перестоять траву и вспотевшую спину идущего впереди меня человека, за кото-

рым по левую сторону вроде бы сам по себе вырастает и тянется следом высокой топорщащийся валок скошенной травы. Но взгляд задерживается на всём этом лишь на мгновение, и снова падает вниз, к земле, с которой ровно срезает густую зелень богато окрашенное соком, от этого тускло поблёскивающее жало моей косы. Вспоминая сейчас это, я даже будто начинаю чувствовать запах сырой земли (под высокой травой, несмотря на стоявшую жару, земля влажная, мокрая), посвист косы и потрескивание срезаемых стеблей...

Как-то я решил пересмотреть фотографии в нашем семейном альбоме тех давних лет, когда мне было лет тринадцать, и родители отправили меня на два месяца к бабушке (матери моей мамы) в Красноярский край. Я искал фотографию дяди Бори, и не нашёл её.

От Горького до Красноярска по Транссибирской железной дороге ехать трое суток. Дорога не близкая, если учесть, что впервые едешь самостоятельно, без родителей. Никто тебя не предупреждает на остановках: «Не отходи далеко от вагона!» Наоборот — отходишь, покупаешь на вокзале мороженое, в киоске «Союзпечати» значок на память о городе и благополучно возвращаешься в купе...

Тут же записан ещё и вот такой эпизод.

«— Ну, что, Валерка, косить будем?»

— Будем... Только я не умею.

Я ответил согласием, принимая предложение за шутку, потому что к тому времени и косу-то в своих руках ни разу в жизни не держал.

— Косить-то?! Научишься. Я покажу.

На этом разговор и кончился. Вроде бы пошутили — и хватит. Все за столом так решили — по лицам видно было. А на следующее утро меня рано разбудили, солнце только всходило...

Я хорошо помню ту поездку, и покос в тайге, и поход за кедровыми орехами, и рыбалку, и собирание грибов с ягодами (каждый раз ехали отдельно — за малиной, за чёрной смородиной, за жимолостью, за красной смородиной). Меня, горожанина, поражали огромные размеры этих диких ягодников, росших сами собой (никто их не рассаживал, никто в тайге по увалам и гарям за ними не ухаживал), и лишь одно препятствие существовало для спокойного сбора — возможность повстречать медведя.

Но не буду уходить от темы того самого покоса, о котором так упорно я пытался написать, да утонул в нравоучительных размышлениях, потому и не справился. А нужно было просто описать пережитое. Теперь я и попытаюсь это сделать.

**14.06.** Начну с того, что супруга дяди Бори — тётя Поля, старшая сестра моей мамы. Первый, кого тётя Поля родила, был мальчик, а затем пошли одни девки. Потому всю свою любовь к будущему, но так больше и не случившемуся сыну, родная тётка обрушила на меня — так я это запомнил по своему детству. Не было случая, чтобы, возвращаясь из тайги, она не передавала бы мне какие-нибудь гостинчики от лисички, зайчика, белочки и прочих лесных обитателей. При этом страстно меня общелюбивая и называя Валерчиком — по-другому ко мне и не обращалась.

Но время шло, я выросел, в Сибири оказывался редким гостем, а вспомнившийся мне эпизод и вовсе произошёл во время последней поездки. (Правда, была много позже ещё одна, короткосрочная, случайная, о которой и вспоминать-то не стоит.)

Из всей нашей родни только Полина с Борисом продолжали держать корову. Для неё и заготавливали сено, которого, учитывая долгие зимы, требовалось много. Вот и решил хозяин использовать нас с двоюродным братом в помощь на покосе. Сейчас мелкие детали той нашей работы, конечно же, стёрлись из памяти, но то, что записал я около сорока лет назад, соответствует действительности.

Утром довольно далеко шли в тайгу. Место, которое было определено для покоса — старые гари. Когда-то здесь бушевал таёжный пожар, и

потому скашивать высокие заросли иван-чая было не так просто. Хотя, понятно, участок ранее по возможности чистился. Помню наставления дяди Бори (на вид довольно сумрачного, неразговорчивого человека), как держать косу, как замахиваться ею и какой ширины забирать траву для скашивания. Это была не игра, а тяжёлый, для меня непривычный, физически изматывающий труд. Пекло солнце, непрестанно хотелось пить, силёнок, прямо скажу, не хватало, уставал быстро — но всё терпел. Шли в ряд друг за другом. Впереди дядя Боря, за ним я, за мной брат. Пройдя поляну от начала и до конца, останавливались на отдых. Борис правил свою и нашу косы, возвращались в другой конец поляны и вновь всё начиналось сначала. Вечером вернулись в посёлок (именно это я хотел передать в своём давнем тексте), я впервые почувствовал себя «мужиком», человеком, совершившим действительно нужную, стоящую работу. До этого только брал, пользовался «плодами» чужого труда, если что-то делал, то для себя. Это иное, чем когда ты работаешь для чего-то общего.

Но на этом эпизоде сенокосная пора не закончилась. Через какое-то время ночью (в нерабочее время) дядя Боря с сыном Николаем на мощном «Урале» вывозили сено из тайги, сваливали у двора, а мы закидывали его на сеновал, растаскивали там на вилах под крышей по углам, уминали. Помню, как свалился от усталости, заснул в промежутке, пока машина опять не приехала. В этой работе участвовала вся родня и вся её «молодёжь».

Сейчас, когда я делаю эту запись, мало кто «из участников тех событий» (использую здесь затёртый журналистский штамп) продолжает жить. Время стирает и жизни, и память...

Работаю за письменным столом в верхней комнате. Большое окно открыто — вновь вернулась жара. Прямо напротив окна свободный просвет между кустов сирени, которая так плохо, болезненно в этом году цвела. Раньше в этом месте росла черёмуха, которую я спилил по недомыслию.

Теперь молодые её побеги, что тянутся от пенька, еле достают верхушками до козырька. Окно получается полностью на виду.

По зелёной дорожке мимо дома идёт маленькая девочка, поднимает взгляд к окну, и поражённая, останавливается. Она не обращает на моё присутствие внимания, а смотрит мимо. Дождавшись молодых маму с коляской и отца, показывает в сторону окна рукой и восхищённо произносит:

— Смотрите, пап — смотри, целая библиотека!..

Отец ей что-то полусшёпотом ответил, я не расслышал. Они пошли дальше.

А мне стало так хорошо на душе. Раз ребёнка поражает вид стеллажей с книгами, значит, он знает о них, об их существовании. А там недалеко и до любви к чтению. Не всё в нашей жизни ещё потеряно, господя (относительно литературы), не всё...

**15.06.** Утром с удовольствием занимался облагораживанием участка — освобождал кусты смородины и малины в углу от зарослей крапивы. Местность вокруг дома всё более приобретает обжитый вид. Это я делаю, конечно же, не с целью получения хозяйственной прибыли. Тут, вернее всего, во мне говорит что-то давнее, унаследованное от предков: неухоженная земля — это её унижение. Потому её запущенность таким болезненным, тягостным укором отражается на душе.

И всё-таки на хозяйственные занятия я трачу совсем немного времени. Надо бы больше, да медленно продвигающаяся рукопись тоже лежит на столе немым укором. Тут уж и не знаешь, что болезненнее.

Звонок от А.С. Фёдорова из Москвы. Выставочный зал на площади Минина и Пожарского начал работать. Уже согласовали число открытия экспозиции Международной академии — конец июля. После стольких недель карантинного бездействия жизнь начинает потихоньку входить

в рабочей русло. Отрадная новость. Для согласования всех деталей Алексей Степанович появится в Нижнем Новгороде через две недели. Буду его ждать.

Вот ещё напасть — пошли трещины по печке в первой комнате. Лазил под пол, смотрел подпорки под ней. Хотя при чём тут они. Раньше в этой комнате просто на половых досках без всяких подпорок стояла огромная русская печь, и выглядела как монолит, без единого изъяна. Теперь и с этим что-то надо придумывать. Брошенность дома безжалостно даёт о себе знать.

В ночь, когда опять несколько продвинулся в написании рассказа, с наслаждением читал «Детство» Л.Н. Толстого. Как в этой прозе всё чисто, как легко и просто написано, будто творила рука опытного писателя. А было тогда Льву Николаевичу всего-то 24 года.

Я уже утверждал в своих записях: гении раскрываются сразу, без раскочки. И только глубинно не понимающие сути творчества люди начинают шельмовать гения: молод, неопытен, многого ещё не познал, потому не мог написать этого или того... Сами же, прожив долгий век, многое повидав и узнав, и близко не приблизились к тому, что было явлено гениям в двадцать с небольшим лет.

Всё время, пока я здесь, неизменно каждый вечер на мою черёмуху прилетает соловей и призывно отпускает трели. Я сделал вывод — это дерево он считает своим домом. Иначе откуда такое постоянство. Спросить бы у орнитологов. Но этому соседству я крайне рад. Вот и сегодня, когда писал о нашей детской ярмарочной жизни, он, словно подбадривая меня, распевал свою песню рядом.

**16.06.** Рано утром проснулся от призывных посвистов своего соседа на рябине. «Вот уж и по утрам от тебя покоя нет», — подумал, стараясь вновь заснуть. И тут же продолжил: «уж лучше просыпаться чуть свет от пения птиц, чем от грохота машины, освобождающей содержимое мусорного контейнера в своё металлическое чрево».

Читаю, пишу — всё это на веранде. Удивительно покойно, тихо сегодня в деревне. В открытое окно ветерок доносит запахи трав, цветов, разогретой солнцем земли. Слышны карканье вороны (она уселась на столб телевизионной антенны соседнего дома), писк комаров, тяжёлое жужжание шмеля, шорох листьев яблонь, когда их ласково тревожит налетающий ветерок, дальний и разнообразный гомон птиц от леска у речки от чивиканья до музыкальных трелей. Как уютно, хорошо и вольно в таком мире человеческой душе.

Странное восприятие прошедшего времени порой происходит в нашем сознании. В прошлый приезд за семь дней написал текст в 19 страниц, и мне казалось, что я много и плодотворно работал. На этот раз за то же время написал подобного черновика на 30 страницах, а ощущение, что ничего не делал, бездельничал и потратил время зря. А вот сравнил — и удивился невольно сделанному «открытию».

Вечером довольно поспешно пришлось отправиться в город — заехали Наташа с Лёшей. Рассказ, к сожалению, остался недописанным. Жаль — последние два дня он во мне ожил, полностью сформировался. В Нижнем довести его сюжет до конца будет сложнее.

## **18 июня**

Картинка из современной нашей жизни. Иду в областное министерство культуры. Кремль, как в осаде, все ворота от посторонних закрыты. Открыта лишь калитка у Кладовой башни. Около неё двое полицейских преграждают путь. Нужно объяснить, зачем ты хочешь войти на территорию за стены и башни, на территорию крепости. Полицейские с масками (медицинскими) на лицах отстраняют власть от проникновения на запретную территорию вируса. Лишь показав редакционное удостоверение, прохожу вперёд.

Ещё во времена чемпионата мира по футболу, когда Кремль впервые

был закрыт для посторонних, я подумал: лиха беда начало. Стоит раз попробовать, а дальше войдёт в привычку. И вот продолжение.

Из новостей за прошедшую неделю, пропущенных мною. В Лондоне протестующие свержают со своих постаментов памятники. Досталось и скульптуре Черчилля — её облили краской, на постаменте написали оскорбления.

В США продолжается что-то невероятное. На месте смерти негра-уголовника, которого недавно с величайшими почестями в позолочённом гробу похоронили, и губернатор штата, у этого гроба стоя на коленях, рыдал навзрыд, установили «купель» и начали в ней «крестить» во имя «погибшего от полицейского произвола». В других городах кающиеся белые моют ноги протестующим неграм в знак покаяния перед ними за прошлый расизм. В Сиэтле центр города заняли протестующие, выгнали из мэрии и полиции служащих, объявили территорию своей республикой, где продукты питания бесплатно и нет никакой власти, кроме негритянской. Их представители ходят с автоматами Калашникова... Продолжается безумие толерантности. Но как это похоже на 1917 и 1993 годы в России.

### **19 июня**

В США отмечают День освобождения от рабства — оказывается, этому празднику чуть ли не 150 лет, но о нём было почти ничего не слышно, в отличие от сегодняшнего дня. Уничтожены ещё несколько памятников Колумбу, снесён с постамента, вместе с сожжённым флагом страны, памятник Вашингтону да и другим историческим деятелям. В Капитолии сняты со стен и убраны в запасники и тёмные кладовки все портреты конфедератов... Но уж совсем показатель безумия, охватившего страну — это поцелуи белыми (в основном молодыми женщинами, девушками, но были и парни), стоя на коленях, подставленных им для этого чёрными здоровенными мужиками их берц, тяжёлых зашнурованных ботинок. Не знаю: из-за страха всё это происходило (их заставили, запугали) или по идейным соображениям, но это явный показатель болезненности общественного сознания. Ничего не могу с собой поделаться — весело мне на это смотреть. Всегда и за всё воздаётся. Что ты желал когда-то другому — в итоге вернётся к тебе самому.

Европа тоже недалеко ушла — там всё идёт, будто по кальке США. На колена постояли немецкие полицейские. В Париже погромы. Там вспомнили о своём «удушенном» в 2016 году негре-уголовнике. Разбиты витрины, горят машины, столкновения с полицией...

Стали известны результаты пограничного столкновения между Китаем и Индией, которая подтвердила гибель двадцати своих солдат и десятков раненых. Пекин о потерях не сообщает. Самое удивительное, что это, судя по представленным видеосъёмкам, была рукопашная схватка с применением камней и дубин с гвоздями на высоте (в горах) около пяти тысяч метров над уровнем моря, в Тибете.

### **24 июня**

По всей России, в 28 областных центрах прошли Парады Победы, перенесённые с 9 мая на этот день. По Красной Площади и главным площадям больших городов прошествовали воинские подразделения, боевая и ракетная техника, в небе выполняли полёты новейшие самолёты и вертолёты.

Произнося речь, В.В. Путин чуть ли не в первый раз произнёс: «Невозможно даже представить, что стало бы с миром, не стань на его защиту Красная Армия... Наш долг помнить о том, что на советский народ пришла основная тяжесть борьбы с нацизмом... Сейчас вместе с российскими воинами пройдут в парадных расчётах представители Азербайджана, Армении, Белоруссии, Индии, Казахстана, Киргизии, Китая, Молдовы, Монголии, Сербии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана».

Понятия «Красная Армия» и «советский народ» возвращаются в информационный лексикон власть держащих. Только с этим и может вернуться в мир истинная правда о нашей Великой Победе. На этот раз главную площадь страны украшало не изображение триколора (его вообще не было), а военных орденов. Видимо, наконец-то, до кого-то дошло понимание несуразности этого флага в такой день.

Ещё одна особенность парада — присутствие на нём воинских подразделений воюющих между собой стран: Азербайджана — Армении, Индии — Китая. В политическом смысле это о многом говорит в пользу России.

## **25 июня**

Ну, как об этом не написать?

В Москве в съёмной квартире обнаружены «бесхозных» пять новорожденных малюток. Довольно быстро нашли биологических родителей. Да те, собственно, и не скрывались, являясь официальными «сотрудниками» (закрывающими официальный договор) агентства по найму суррогатных матерей. Женщины выносили детей, родили, получили расчёт и отбыли. Из клиники по каким-то бумагам детей получил представитель китайских семей. Получил, как обыкновенный товар. В этой «производственно-медицинско-юридической системе» непосредственно судьбы детей никого не интересуют. Китайцы из-за карантина и закрытых границ приехать и забрать «товар» не смогли. Как теперь стало известно — в России более пятидесяти «детей для продажи» не отданы заказчикам из-за пандемии.

Человек с его душой, судьбой, будущим всё более и более в современном мире воспринимается как вещь, годная для продажи, наживы, извлечения прибыли. Что-то жуткое, средневековое надвигается на нас из прошлого, которое, оказывается, никуда не уходило, а только чуть в стороне поджидало своего часа.

Другая новость пришла из США. Сын Никиты Хрущёва — Сергей — гражданин той страны, с которой собирался воевать его отец, генеральный секретарь ЦК КПСС — застрелен. Подробности пока неизвестны. Полиция не стала возбуждать уголовное дело, намекая, что выстрел в голову — это акт самоубийства. Вдова (Валентина Голенко) прокомментировала случившееся так: «Он скончался от старости».

Пожар в особняке Литературного музея М. Горького на улице Минина, в котором производятся реставрационные работы. Площадь возгорания 500 квадратных метров — весь второй этаж, крыша. Тушить приехало 36 единиц спецтехники. Пожарные выносят на тротуар знаменитые позолоченные люстры из переставшего пока существовать Белого зала. Уцелело ли огромное старинное зеркало? Сейчас интерьеры производят жалкое зрелище (судя по съёмкам операторов): всё в копоти, обуглено, что-то оплавленное свисает с потолков...

## **26 — 29 июня Кунавино**

Из сумасшествия современного мира вернулся в деревенскую тишину и отстранённость: к чтению книг, к пению птиц, к созерцанию в открытые окна живой природы.

Принесена из родника вода (спугнул по дороге зазевавшегося ужа), поставлена кипятиться на печку, в которой радостно гудит стосковавшееся пламя. И всё ладно, всё хорошо... Будто и не уезжал туда, где много попусту потратил времени — словно душу свою обокрал.

Нашёл в рабочей тетради начало одного так и не написанного рассказа из цикла о Кольке. Название: «Вечер у Прасковьи Ильиничны». Запись около заметок от 15.10.1982 г. Написано теми же синими чернилами.

«Автобус медленно, будто с трудом волоча за собой густой хвост пыли, ещё только подъезжал к деревне, когда я сквозь лобовое стекло увидел на пригорке у околицы чуть в стороне от дороги одиноко сидящую фи-

гурку мальчика. И сердце неожиданно ёкнуло, забилося в волнении: «Неужели Колька?»

Въехав в деревню, автобус остановился на площади перед стандартным, сложенным из белого силикатного кирпича одноэтажным сельпо-вским магазином, из которого вышла, видно, заранее поджидавшая меня Прасковья Ильинична.

— Ну, здравствуй, здравствуй. Собрался-таки навестить старую. Видно, кольхнуло что-то совесть, подсказало — обещания давать да их не выполнять негоже, не по-нашему. Это, должно быть, не по-людски. А взять и приехать — этак-то верно, правильно.

Я невольно огляделся по сторонам, выискивая глазами Кольку.

— Да здесь он где-то был, здесь. Застеснялся, видно, вот и спрятался... Ну что, пошли к избе?

И тут появился Колька. Он несмело вышел из-за угла магазина, подошёл к нам, и опустив глаза, поздоровался. Я протянул Кольке руку. Тот быстро её пожал (да какое там пожал — едва дотронулся) и, с трудом приподняв с земли мою сумку, доверху набитую книгами, торопливо побежал вперёд. Прасковья Ильинична, поправив на лбу платок и аккуратно двумя пальцами утерев уголки рта, начала поведывать мне о деревенских изменениях и новостях.

Вообще, удивительная это женщина, Прасковья Ильинична, хозяйка небольшой, довольно почерневшей от времени и непогод избы, с которой свела меня судьба ещё год назад. Тогда я приехал отдохнуть на дачу к своим знакомым, снимавшим дачу недалеко от деревни на берегу Клязьмы, да так и остался там на две недели у одиноко живущей старушки. И чем я ей приглянулся — трудно сказать. (Не тем же, что дров на зиму наготовил да плетень вокруг огорода поправил. А и то, если по правде сказать, старался не в угоду хозяйке, а больше для того, чтобы себя на прежней работе испытать.) Только после двух-трёх первых дней зажили мы с ней душа в душу.

— Своими Бог не наградил — а для бабы нашей нет тяжести тяжелее, горюшка горче, — так может, на тебе душу отогрею. Уж больно ты похож на Алексея, мужа мово. Точно от него на свет родился.

Тут Прасковья Ильинична тяжело вздохнула, повернулась к стене, на которой висел портрет бравого, с подкрученными кверху усами, солдата-молодца, отроду которому сорок лет и который сложил свою головушку где-то в белорусских болотах в самые трудные дни войны, и стараясь, чтобы этого я не заметил, быстро перекрестилась.

О Кольке я узнал в то же лето. Было ему тогда десять лет. Жил он по соседству с Прасковьей Ильиничной. (...)

Я же в конце своего добровольного отлучения от городской жизни начал скучать и поэтому решил взять над Колькой шефство. К тому же видел, в одиночестве Кольке гулять скучновато, а сверстников своих он почему-то сторонился. Да не так уж их и много было в деревне. Вот и выходило, что сам Бог велел нам с Колькой подружиться, несмотря на разницу в возрасте в пятнадцать лет. И ему и мне в одиночестве было скучно.

И всё-таки по-настоящему мы с Колькой подружились позднее... Ну, да об этом как-нибудь потом. А сейчас мы идём к Прасковье Ильиничне по широкой деревенской улице, весело глядящей на нас окнами домов, отражающих яркое июльское солнце...»

**27.06.** Одна незадача — стал я плохо спать в деревенском доме. С тяжёлой головой промучившись до половины четвёртого, встал и вышел на веранду. Небо на Востоке алело. На Юге виднелось скопление туч, и оттуда послышался дальний громовой раскат — долгий, протяжный, но для нас не громкий.

Только после традиционного в таких случаях часового чтения смог заснуть. Проснулся как обычно, открыл окно. Пряный запах разогретой солнцем травы внёс в комнату сквознячок. Он скинул со стола приго-



топленные для работы бумаги с записями и пометками. Собирая их с пола, подумал, что ко вчерашней записи необходимо сделать некоторые разъяснения и уточнения.

Как-то меня, совсем маленького, родители отправили к бабушке с дедушкой в село Утка, Гагинского района Горьковской области. Сколько мне было тогда лет — не помню, но в школу, как кажется, ещё не ходил.

Вообще, надо честно признаться, любви с их стороны ко мне я не ощущал, да и просто заинтересованности, любопытства хоть какого-то не было. Не гостеприимно я себя в деревне чувствовал, обузой. Но вот узнал, что должны в дом приехать ещё родственники, и я начал их ждать, будто это должно что-то изменить в моём положении.

Настал долгожданный час, и вместо того, чтобы подойти к дядьям и тёткам, я вдруг бросился бежать через овраг, на луг к озеру, вызвав полное недоумение у приехавших.

И ещё долгие годы я был болезненно застенчив. Отчасти это чувство продолжает таиться во мне и теперь. Так что первоначальные черты характера Кольки я списывал с самого себя. Это я сам.

Что же относительно современных реалий, то слово «Бог» в черновике написано ещё с маленькой буквы. Представляю, какой переполох случился бы, узнай теперь родители о дружбе их сынишки с взрослым мужчиной. Первое подозрение — в возможной педофилии. Так изменился, извратился, морально изгадился наш мир. В годы моего детства подобное общение было естественно. Несколько похожих случаев произошло и со мной, которые оставили добрые воспоминания, хорошую память. Видимо, из этого опыта подспудно и родился замысел написания «Кольки» — сначала маленькими зарисовками, а потом и рассказами.

Целый день при ярком, жарком солнце дует сильный ветер, безжалостно треплющий ветки деревьев и кусты смородины.

Я вспомнил о селе Утка, и ко мне невольно явился образ одной пожилой женщины, крайне удивившей меня тогда, когда я её встретил. Кажется, где-то в своих записях я о ней уже упоминал. Если так, то повторюсь.

Дом дедушки стоял угловым по верхнему порядку, что располагался на пригорке, и выходил к закрытой церкви и ветряной мельнице. Двор дедушки был от них на противоположной стороне. От него шла улица вглубь пригорка. Параллельно такая же улица шла за церковью. За огородами и картофельными полями их квадратом замыкал другой порядок, после которого уж шли одни поля. Так вот, на его углу, где он соединялся с дедушкиной улицей, под старыми тополями уютилась маленькая хибарка, страшная развалюха, крытая почерневшей соломой. Во всём большом селе дома, крытого соломой, да ещё в таком удручающем состоянии, не осталось — только этот, на отшибе и как бы в полном изгнании, недоброжелательном унижении.

Я редко в своих играх добирался до края села. Но однажды увидел обитательницу странного дома. Как мне тогда показалось — довольно высокая, полная пожилая седовласая женщина, тяжеловато ступая (так ходят больные люди), что-то делала по хозяйству у полуразвалившихся стен. Но что запомнилось на многие десятилетия — несхожесть её облика с остальными деревенскими жителями. Было в нём что-то породистое, интеллигентское.

Вот спустя пятьдесят лет я и подумал о судьбе этой женщины: кто она, как оказалась в селе, почему жила одна и в такой жуткой нищете, хотя в стране материально всё давно поправилось? Вернее всего, у неё не было или не осталось в живых детей, а саму её занесла в отдаление от города революционная буря. (В начале шестидесятых это было не так далеко по времени.) Теперь заканчивается жизнь со всеми страданиями, тайнами, несправедливостями.

Так я думаю о ней теперь. И сердце моё сжимает тоска сострадания. Хотя — как знать, всё может выглядеть совсем не так. Но ведь отчего-то помню её образ — в далёком уже двадцать первом веке.

Ещё одна находка в письменном столе — черновик письма В.И. Белову от 15 июня 1996 года.

*Здравствуйте, уважаемый Василий Иванович!*

Я столько раз хотел написать вам, да всё не решался, стеснялся, откладывал. Видел, насколько Вы загружены общественной работой. Затем — творческой. Слава Богу, вновь часто стали появляться Ваши публикации в журналах. (А такого чувства, что испытал, читая Ваш «Медовый месяц», я давно не переживал от общения с современной литературой.) Поэтому посылать Вам свои рассказы без предварительной на то договорённости не смел.

Затем такая надежда у меня появилась. Я рассчитывал на содействие здесь Михаила Жаравина. Но вот нелепая, обидная смерть Миши оборвала ту тоненькую ниточку, что связывала меня с Вологодой. Благодаря Мише (мы подружился с ним на совещании молодых писателей России в Москве), я узнал литературные вологодские новости, читал «Свечу», «Север», местные газеты.

Я хотел приехать в Вологду и, может быть, как-то бы смог показать Вам свои работы. Теперь такой возможности нет, и я наудачу высылаю два рассказа с надеждой, что вы найдёте время прочитать их и хотя бы коротко дать оценку. Для меня это очень важно, поверьте!

Сейчас, когда в стране всё развалилось, а отосланные в редакции рукописи исчезают без ответа, будто в провальную яму, так хочется узнать оценку своего труда! Я осознаю, что она может оказаться для меня нелицеприятной. Поэтому ещё раз прошу извинить, что посылаю рассказы, не имея на то Вашего разрешения. Очень надеюсь, что Вы откликнетесь на мою просьбу и прочтёте их. С искренним уважением, В. Сдобняков.

*Нижний Новгород*

В конце есть пометка (для себя): «Утешение», «Съёмщик» (?) Посылал ли рукопись последнего — не помню. Ответ Василия Ивановича в моём архиве сохранился. Надо бы все его письма-записки опубликовать.

Отключили свет. Воду для чая кипятил на костерке, устроенном в старом мангале.

**28.06.** И хоть к позднему вечеру ветер утих совершенно, дождь так и не пошёл, но подачу электричества так и не возобновили. Остался я без традиционного чтения. Ходил по комнате, ложился, смотрел в окно на неподвижные листочки сирени в ночном сумраке. Ничто их не тревожило — так безветренно, покойно было снаружи.

Закрывал глаза, пытаюсь заснуть, и тогда сознание наполняли образы либо ушедших из жизни друзей и знакомых, либо тех, кого давно не видел и, вернее всего, потерял для общения навсегда.

Вновь открывал глаза, смотрел во всё более светлеющие окна, с нетерпением дожидаясь, когда можно будет начать читать. Я покончил с трилогией Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (книгу отыскал здесь на стеллажах), и теперь хочется прочитать биографию писателя (Константин Ломунов. «Жизнь Льва Толстого», оказавшуюся на стеллажах в первой комнате), которую купил ещё в 1981 году (добротой издана «Художественной литературой» — авторитетным издательством той поры), а теперь она стоит на полке, где собраны книги по литературоведению и литературной критике.

После двух часов посчитал, что на веранде света для чтения должно хватить. Вышел. Слабый розовый отблеск слегка подкрасил гонимые верховым ветром облака. Почти на моих глазах сумрак уходил, плавился, исчезал, заменяясь ровным серым утренним светом. Поначалу глаза с трудом различали текст, но то ли быстро привыкли, то ли невидимое пока солнце так быстро вставало где-то там, за горизонтом, только, стоя у окна, вполне удобно сделалось читать, а после первой главки уже и в комнату вернулся, лёг к окошку на диван. И не заметил, как небо поднялось, поглубело. Лишь только оторвавшись от книги, увидел всё это, сел за стол, записал.

Наверняка скоро усну. Время движется к пяти часам утра. От бессонницы не чувствую ни усталости, ни раздражения — голова светлая, рабочая.

Так прошла ночь.

После позднего завтрака пошёл бороться с сорняками перед окнами веранды. Стало повеселее — и вокруг, и у меня на сердце. Одно тяготит: в этот раз ничего не пишется. Трудно приниматься за новый рассказ, когда прежний в тебе ещё не остыл.

Позвонила Ирина. Сходила, проголосовала за поправки в Конституцию и заодно рассказала о хлопотах с похоронами дедушки Лёши. Всё случилось в саду на территории Богородского района. Долго ждали милицию, медиков. Тело отправили в морг Богородска. И тут начались всякие административные неувязки. Лёша, бедный, измучился все их утрясать. Теперь, вроде бы, во вторник должны состояться похороны.

Это всегда испытание нервов, терпения, когда сталкиваешься с государственной бюрократической системой. И неважно, по какому вопросу. Она неизменно бездушна, цинична, трудноповоротлива. Я это усвоил с советских времён, с самого детства.

Лёша своим дедушкой часто был недоволен, ворчал на него, а теперь нет-нет и на глаза наворачиваются слёзы. Как смерть всё меняет, расставляет по своим местам, зачастую для нас совершенно неожиданным. Я мало знал этого восьмидесятилетнего мужчину, но после первого знакомства он всегда встречал меня как близкого человека. Потому, видимо, прошедшей ночью я с горечью о потере думал о нём.

Очищал от травы (уминал её фанерным щитом) место под яблонями на дальнем участке. Плодов на деревьях — множество. По всему — быть хорошему урожаю. Жаль, сад запущен. По-настоящему, стоило бы тут всё скосить, да нет у меня подходящего инструмента, инвентаря, добротной косы. Вечером занимался участком у веранды. Из прежних цветов продолжают радовать васильки. Остальные своё отслужили до следующего года. Зато поднялись и раскрылись цветки какие-то огненно-красными шапочками и выстрелили вверх другие высокие стебли с множеством белых колокольчиков. В наступивших сумерках эти колокольчики словно светятся изнутри. А в самом центре «клумбы» набухли, приготовились раскрыться нежные бутоны розового куста. Какая радость — смотреть на всё это. Каждый день у меня на глазах происходят изменения. Всё живёт, движется, изменяется.

**29.06.** Захватило меня чтение книги о Л.Н. Толстом. Конечно, отдавая дань советским временам, в ней достаточно идеологической шелухи, антикапиталистического пустословия, которое, впрочем, легко пропускается сознанием. Но вот что касается самого Льва Николаевича, его литературного окружения — тут невольно возникает во мне спор и несогласие.

Ломунов в своей работе довольно часто цитирует И.С. Тургенева. Я, в последнее время начитавшись его произведений, думаю о том, насколько он «поверхностен» по сравнению с Толстым и Достоевским. Потому и писал он как-то поэту Полонскому по поводу «Анны Карениной»: «Анна Каренина мне не нравится — хотя попадают истинно великопепные страницы (скачка, косьба, охота). Но всё это кисло, пахнет Москвой, ладаном, старой девой, славянщиной, дворянщиной и т.д.». Вот это «европейское» пренебрежение, некая искусственность в построении сюжетов его собственных романов, холодность в отношении судеб созданных самим же героем, наконец, не осознание в той степени, насколько это было присуще Достоевскому и Толстому, трагизма человеческой жизни, социального устройства общества — всё это делает Тургенева личностью мельче этих, столь не похожих друг на друга, гениев. Толстой многое в устройстве человеческого общества пытается постичь разумом. Достоевский — душой, и потому оказался более провидческим писателем. Потому и читая письма Льва Николаевича к его родственнице А.А. Толстой

(незадолго до своей кончины), где писатель «объяснял смысл пережитого им духовного переворота» (К. Ломунов), Фёдор Михайлович «хватался за голову» и «отчаянным голосом повторял: «Не то, не то!». «По свидетельству А.А. Толстой, читая эти письма, «он (Достоевский — В.С.) не сочувствовал ни одной мысли Льва Николаевича».

Никогда не получится создать рай на земле. Не в достижении равных социальных, экономических, бытовых, образовательных, общественных условий тут дело. А дело в «обустройстве» человеческой души.

Вот случай, описанный А.Н. Толстым в трактате «Так что же нам делать?». Приведу всё по цитате из книги Ломунова (стр. 120-121).

«В трактате «Так что же нам делать?» Толстой рассказывает, что, вернувшись из Ляпинского дома, он встретил приятеля и вступил с ним в горячий спор о судьбе только что увиденных им несчастных людей, гибнущих от голода, тесноты и болезни. Выслушав Толстого, не названный писателем приятель — «городской житель» — сказал «не без удовольствия», что «это самое естественное городское явление», что «всегда это так было и будет», ибо представляет собой «неизбежное условие цивилизации». К этим доводам он добавил: «В Лондоне ещё хуже... стало быть, дурного тут ничего нет и недовольным этим быть нельзя».

Самодовольство «городского жителя» — человека обеспеченного и почитаемого в своём круге, привело Толстого в неистовство. «Я, — пишет он, — стал возражать своему приятелю, но с таким жаром и с такою злобою, что жена прибежала из другой комнаты, спрашивая, что случилось. Оказалось, что я, сам не замечая того, со слезами в голосе кричал и махал руками на своего приятеля. Я кричал: «так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!» Меня устыдили за мою ненужную горячность...»

Эта живая сцена, — продолжает Ломунов, — замечательна во многих отношениях. Во-первых, она раскрывает источник знаменитого призыва Толстого, прозвучавшего впервые в его статье «О переписи в Москве» (...)

«...Давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом, — не поднимем ли? Дружней, братцы, разом!» (Это был призыв помочь обездоленным, на который, естественно, никто не откликнулся — В.С.) Но «братцы» не откликнулись...»

Потому-то в «Так что же нам делать?» Лев Николаевич и написал: «... причина страданий и разврата людей та, что одни люди находятся в рабстве у других...»

Моё поколение людей пережило потрясающие события. Я видел трущобы, подобные тем, которые описывает классик, на Стрелке, старой Ярмарке, в пригородах и в самом центре Нижнего Новгорода. В течение 60-х — 70-х годов прошлого века их все снесли, а обитателям выделили бесплатно новые благоустроенные квартиры, обеспечили бесплатным лечением и образованием, да и оплата за жильё была больше символической. Однако, менее чем через двадцать лет эти «жители трущоб», взбунтовавшись, уничтожили общественный строй, который лишил их «рабства» и который их всеми благами материальными обеспечил, разрушили страну, чтобы вновь вернуться в нищету, бесправие, алкоголизм, проституцию, устроив в когда-то удобных квартирах бордели, дабы вернуться в рабство, туда, о чём криком кричал Толстой: «Так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!»

В этом отношении предвидения Ф.М. Достоевского по сию пору поражают своей страшной точностью и неотвратимостью.

Из деревни впервые ехал на автобусе до Бора. Сворачивали в Линду, Кантаурово, Киселиху — всё на старую дорогу, по которой вот уже лет сорок нет маршрута. А увидел церковь на пригорке и внизу мосток через речку (Кантаурово), и неким непрочным чувством память откликнулась. Когда-то это было одним из самых красивых мест на трассе до Семёнова.

### 30 июня

Гроб с телом 80-летнего мужчины на площадке у большого панельного девятиэтажного дома в стандартном спальном микрорайоне, и играющий (бегая, подпрыгивая, улыбаясь) мальчик лет трёх-четырёх из соседнего подъезда, вышедший на улицу вместе с бабушкой, совсем не обращает внимание на скорбно стоящих взрослых людей.

Кладбище «Федяково». Тесно от крестов и надмогильных камней. Большинство участков заросло высокой полевой травой. Пока могильщики торопясь закапывают обитый красной тканью и обрамленный чёрной бахромой гроб, обхожу по узким, намеченным ногами нечестных посетителей тропинкам совсем небольшую территорию, вглядываюсь в даты лежащих в этой земле людей. Чаще всего срок их жизни от тридцати до сорока лет. Есть совсем молодые, немногие перешагнули за пятьдесят, и всего двое-трое ушли в достойном преклонном возрасте.

Как мгновенна в общей истории отдельная человеческая жизнь.

Ромашково. Лёшин садовый участок. Неспешный поминальный обед для соседей, тех, кто знал не одно десятилетие дедушку. Сажу в отдалении на подвесном качающемся диванчике под старыми вишнями, читаю. В какое-то мгновение отвлекаюсь, и тут вдруг осознаю, как нужно продолжить и чем закончить «Шумело море». Вижу картинку, слышу диалоги, лихорадочно в уме пишу один эпизод, другой... Жалею, что застало меня это состояние далеко от письменного стола, не в Кунавино. Неужели не сохраню, уйдёт? Вновь войти в такое же состояние будет трудно, но тут хотя бы основную канву сюжета не упустить. Как не вовремя!.. Заранее сожалею об упущенном.

### 1 июля

Голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации. Инициатором их внесения выступил В.В. Путин. Затем работал комитет. Всего в принятом законе сформировано 206 поправок. Среди них: ограничение приоритета Международного права перед законами РФ; председателя правительства и его заместителей будет утверждать парламент; запрет иметь иностранное гражданство и вид на жительство для глав субъектов РФ, судей, депутатов и сенаторов, председателя правительства и министров; запрет на это же для Президента РФ, в том числе, иметь в прошлом...

Голосование шло всю прошедшую неделю. Сегодня это сделал и я. Общие итоги стали известны ночью. В голосовании приняло участие 68 процентов тех граждан РФ, которые имели на это право. 78 процентов из них отдали свой голос «за». «Против» — 21.3%.

Службы Кремля уже заявили, что результаты говорят о доверии граждан страны своему лидеру.

### 2 июля

Удалось закончить оформление текста беседы с отцом Евгением Юшковым. Хороший, тёплый по воспоминаниям и доверительный по сути получился разговор. Батюшка как всегда критичен по отношению к собственной духовной жизни. Но у него любящее сердце — это видно, когда вспоминает других людей.

Приезжал Михаил Рубцов. Правил в компьютере его статью. Рассказал, как его сын с детьми и женой попал в автомобильную аварию. В них врезался «Камаз». Все живы, однако не обошлось без травм. Скорбно это. Всё в нашей жизни через страдание, через преодоление, через людские равнодушие и гордость, где муки ближнего и копейки ломанной не стоит.

### 3 июля

Жарко, очень жарко. Вновь приехал в Союз писателей — намечено несколько встреч. А пока читаю стихи Анатолия Аврутина для № 65, туда же пишу на компьютере материал, как дополнение к прощанию

ч Л.А. Аннинским, вношу корректуру (исправляю обнаруженные при чтении уже изданной книги Татьяной Антиповой ошибки и опечатки) в текст «За тайной гранью». В открытые окна доносятся зарубежные музыкальные хиты. Кафе на другой стороне улицы ведёт непривычную громкую трансляцию. Чтобы отвлечься от жары, «выключить» слух — нужны усилия. А тут в голове всё вертятся слова Л.Н. Толстого, сказанные по поводу постановления Священного Синода относительно него: «Я не говорю, что моя вера была одна несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой — более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца; если я узнаю такую, я сейчас же приму её...»

Как же много, с одной стороны, идеального, придуманного, идущего не от практики жизни, а с другой, запутанного было в мировоззрении Льва Николаевича. Как трудно (так мне кажется) было общение с ним, потому что, несмотря на приведённую выше цитату (правильную по своей сути), он только свои взгляды считал исключительно правильными и полезными для общества. Жизнь и история доказали, что это не так. Нам, потомкам, остался Толстой — великий художник. Феномен огромного его общественного звучания поник и почти погас. И всё-таки как неповторимое явление философско-социального звучания, он навсегда занял своё место в отечественной истории.

Повторить этот путь попытался А.И. Солженицын. Однако получилось слабое подражание — и в идейном, и тем более, в художественных смыслах. Разве что такая же гордость и бесконечная влюблённость (допускаю, что не осознанная) в самого себя.

Но почему я-то не могу освободиться от фразы: «если я узнаю... сейчас же приму её»? Потому, что и сам, в конце 70-х годов прошлого века написал для себя нечто подобное: «Я не говорю, что мои убеждения самые правильные. Если кто-то меня в них разубедит и докажет правоту своих — я их приму».

Закончился день в Союзе писателей разговором с А.В. Мюрисепом. С ним и ушли, когда тень от здания полностью закрыла тротуар и дорогу с нашей стороны улицы.

## **6 июля Сад. Борский район.**

Лес. По обочинам слабо наезженной дороги краснеет спелыми ягодами земляника. Михаил Рубцов собирает их в ладонь. Я аккуратно срываю веточки и уже с них губами снимаю ягоду. Раздавленная, она чуть похрустывает на зубах крохотными зёрнышками-семенами.

Умер итальянский композитор Эннио Морриконе. Он как никто умел писать музыку к художественным фильмам. Без многих его мелодий даже невозможно представить нашу жизнь — столь они запоминающиеся, с ними связано что-то глубоко личное, особая эмоциональная память. Это не просто смерть 92-летнего композитора. Тут констатация завершения музыкальной эпохи в западном кинематографе.

Лёжа на втором этаже в домике Рубцова (после бани, ветерок осторожно раздувает тюлевую занавеску), читаю привезённую с собой книгу Селима Хан-Маголодова «Дербент». Пятнадцать лет назад мне её подарил Александр Пашков (Асеевский) со словами: «Ты там, может быть, ещё побываешь, а я мечтал об этом, да теперь уж точно знаю, что нет». И действительно, я ещё раз съездил в Дербент, и теперь, по последним воспоминаниям хочу написать не очерк, а придуманный рассказ в необычных городских «интерьерах». Для этого решил, по возможности, погрузиться в древность этого уникального прикаспийского места.

Книга издана в 1979 году. Была такая серия «Художественные памятники VI — начала XX века», выпускаемая московским издательством «Искусство», где рассказывалось об архитектурных древностях СССР. Эти книги отлично иллюстрировались. Вот и тут удивительные гравюры Дербента середины XVII — XVIII веков. И даже есть фотография XIX века, на которой запечатлён город ещё в пределах крепостных стен. Я

многое по нему прошёл своими ногами — не только проехал на машине. Цитадель, старинная мечеть, узкие запутанные улочки, образумые стенами невысоких домов и каменных заборов... Особая атмосфера древнего нерусского города, где мусульманство смешано с неуловимо языческим. Вот бы получилось это передать на бумаге.

Невероятной силы ливни обрушились на один из островов Японии, а затем и на Китай. Есть десятки погибших, пострадавших, пропавших без вести из-за образовавшихся наводнений. Кадры разбушевавшейся стихии ужасают. Малая речка поднялась на шесть-семь метров, разрушив на своём пути мосты, дороги, унеся дома, накидав друг на друга, как пустые искорёженные консервные банки, легковые автомобили, набив на провода электроснабжения, что натянуты на высоких столбах вдоль улицы, всевозможный хлам: ветки, тряпки, мусор...

## 7 июля

Из Москвы приехали организаторы, которые будут представлять выставку фотографий в помещении Союза писателей: Евгений Жиляев и Елена Матюшина — руководители проекта «REVERберация». Показали уже во многом готовый к печати каталог с работами, что разместятся в два ряда на стенах нашего зала и в коридоре. Хорошая, добрая русская тема с православной архитектурой, узнаваемыми пейзажами как Севера, так и средней полосы России. Мне в это издание нужно сочинить какой-то свой текст — он будет один из нескольких вступительных. Никогда не писал о фотографиях, это, вроде бы, и не моя тема, но Евгений с Еленой настаивают. Они в Нижний Новгород приехали на три дня. Жиляев хочет пофотографировать город. Из буклета арт-проекта (листая его во время разговора) понял, что это опытный специалист. Одна из его выставок представляла фотографии землетрясения в Спитаке. Тяжёлые виды разрушения и человеческого горя запечатлены сострадающей камерой равнодушного человека. Во всяком случае, так мне показалось из нескольких небольших снимков, опубликованных в брошюре.

Во всей ситуации меня смущает одно — будет ли снят в городе к 23 июля запрет на проведение массовых мероприятий? В противном случае открытие должно будет состояться «тихо».

## 9 июля

В местных новостях по телевидению увидел, что старое здание гостиницы «Россия» снесли. При расчистке площадки под строительство нового жилого дома на Верхне-Волжской набережной открылся прежний фундамент храма Георгия Победоносца. Встал вопрос — как быть дальше? Собственник участка обещает на первом этаже построенного здания открыть экспозицию по истории этого места, но общественность заговорила о необходимости восстановления церкви.

Прочитал не отрываясь текст «О писательстве и писателях» Николая Переяслова. Сходил к Наташе, распечатал (чтобы не ездить на Рождественскую в Союз писателей) и, сидя на лавочке около дома, «проглотил».

Дневниковые литературные заметки Николая я и раньше читал с большим интересом и даже публиковал в «Вертикали. XXI век». На этот раз в основном записи конца 90-х — начала двухтысячных, касающиеся Петра Проскурина, Валентина Распутина, Владимира Высоцкого, Сергея Есина, Стивена Кинга, Вячеслава Дегтева... Но есть отклики и на литературные события последнего времени — роман Юрия Полякова «Весёлая жизнь...».

Переяслов откровенен в своих размышлениях и не пуглив при оценке не совсем достойных поступков своих коллег, в оценке их произведений. Этим, в первую очередь, его записи и интересны. Сразу отправил их верстать в готовящийся номер.

Задержан глава Хабаровского края — губернатор, выдвиженец партии ЛДПР, Сергей Фургал. Его обвиняют в организации заказных

убийств. Арестованного перевезли в Москву. Дело ведёт Главное управление по расследованию особо важных дел Следственного комитета РФ. Пока Фургалу вменяют четыре убийства.

И в деревне, и дома продолжаю перебирать книги с дарственными автографами авторов, отбираю те, которые передам в областной архив. Расстаюсь с ними без жалости. Там они будут в большей сохранности и доступны для читателей в библиотечном зале (так мне пообещал специалист, занимающийся моим делом). Сотни и сотни книг — тоненьких сборников стихов и толстых томов прозы, публицистики, научных изысканий, собрания сочинений и художественные альбомы... Далеко не всё передам в архив. Много, на мой взгляд, лишнее и не имеет художественно-исторической ценности. Но за всеми этими книгами стоят живые люди, мои встречи и разговоры с ними, споры и переживания, обиды и радости, ссоры и разочарования.

Полки стеллажей с подаренными книгами от авторов в квартире, в деревенском доме, в библиотеке Союза писателей на улице Рождественской. Я подхожу к ним и невольно испытываю, переживаю странное чувство, какую-то смесь растерянности, удивления, горечи ушедшего безвозвратно времени. Сколько жизней уже завершилось, сколько потеряно из виду... Теперь я обращаюсь к ним, беря в руки их книги — как судьбы, продолжающие источать тепло вечного мироздания.

### **10 июля**

В продолжение вчерашней записи. В книге Марии Сухоруковой «Путь к горе» прочитал такой автограф-экспромт:

*У Валерия Сдобнякова  
Суть — ответственность за слово.  
Знает цену русских слов  
Наш Валерий Сдобняков.  
В бурю слов он не роняет,  
Потому и вдохновляет.  
В этом точно убедилась.  
Суть его и мне открылась.*

*Валера! Спасибо за твою «Тропинку».*

Мария Арсентьевна имеет ввиду мою небольшую зарисовку под этим названием, написанную давным-давно, в пору пробы пера. На страницах 222-223 своей книги Сухорукова под впечатлением от прочтения написала стихотворение (с её слов). Сейчас посмотрел на крупный, размашистый почерк Марии и так стало её жалко... всех жалко — рано покинувших сей мир.

Государственный совет в Турции разрешил в Стамбуле бывший собор Святой Софии (который сейчас является музеем) вновь превратить в действующую мечеть. Так было отменено решение Мустафы Кемала Ататюрка от 1934 года о превращении Айя-Софии в музей. Президент страны Эрдоган подписал указ о придании Софии статуса мечети. Обращения патриарха РПЦ этого не делать не были приняты во внимание. Жаль, авторитет наших иерархов вне страны крайне невелик. Это скорбно.

Передача по каналу «Культура» о Ларисе Шепитько и Геннадии Шпаликове. Они родились примерно в одно время: 1938 и 1939 гг. Две нераскрывшиеся до конца творческие судьбы, две трагически оборвавшиеся жизни — первая в автомобильной катастрофе в 1979 году, второй повесился в 1974 году. После гибели Шепитько я читал её большое интервью, опубликованное посмертно, если мне не изменяет память, в журнале «Литературное обозрение». Пришёл в читальный зал Центральной городской библиотеки, что на улице Советской, и там случайно на



него наткнулся. И в этом интервью меня поразила одна фраза кинорежиссёра, смысл которой я помню до сих пор, хотя минуло с той поры вот уже сорок лет — о собеседнике в самом себе.

После просмотра телевизионного сюжета мне до душевной истомы захотелось найти эту фразу в её первоначальном звучании, обновить свою память.

В октябре 1999 года из Тюмени я привёз книгу воспоминаний «Лариса», составленную Э.Г. Климовым и выпущенную в 1987 году издательством «Искусство» (что-то в своих записях последнего времени я начал часто на него ссылаться). Там есть текст: «Последнее интервью». Тогда я прочитал этот том от корки до корки (эх, и тяжелое своей неопределённостью время было в моей жизни), внимательно посмотрел все многочисленные фотографии, но та самая главная фраза в моём сознании не отложилась. Возможно, это был совсем другой материал.

Я взял книгу с полки, стал перечитывать интервью, подготовленное Львом Рыбаком. И постепенно, осторожно, словно крадучись, на цыпочках стал по этой записи подбираться к главному смыслу. Вначале внимание задержалось вот на этом высказывании Шепитько, которое мне показалось знакомым: «Я поняла: никогда и никому не доверяй, не сомневайся в той интуитивной оценке, которая у тебя самой сложилась. Не должно быть в нашем деле никаких авторитетов, заявляю это категорически».

Немного позже «споткнулся» вот тут: «Я научилась прислушиваться к себе. Я научилась жить сама с собой».

И, наконец, вот оно, главное (приведу большую цитату, чтобы всё было понятно): «Волею обстоятельств я была поставлена в такое положение, из которого могла уже и не выйти. У меня была серьёзная травма позвоночника, а я в то время ждала ребёнка. (...) Семь месяцев, что я перенесла в больнице, были для меня долгим путешествием в самое себя. (...) Я обнаружила, что это путешествие в себя бесконечно интересно, что самый интересный собеседник для меня — это я сама. И можно всю жизнь прожить с этим собеседником и никогда не скучать. (...) Физический недуг дал мне возможность обратить свой взгляд вовнутрь. Это как стихи: «Мне голос был: войди в себя. И я вошёл, меня там ждали...» (...) Когда у меня случаются минуты особенно трудные и, так сказать, бесплодные, я опять в себя ныряю. Инерция толкает меня наружу, а я себя не пускаю, потому что опора у меня там, внутри... ты не можешь на свои наиболее важные вопросы искать ответа у кого-то другого, у другого авторитета, обратиться к чьему-то опыту, брать пример с кого-то».

Сорок лет это предсмертное размышление Ларисы Шепитько помогают мне жить.

Теперь же к нему я прибавлю и эти её слова:

«Но заявить о своей потребности, о праве каждого отдельного человека отстаивать уникальность, единственность, неповторимость и бессмертность своей судьбы — вот к чему я стремилась. И выйдя на этот уровень размышлений, я уже никогда не смогу вернуться в прежний круг житейских желаний, профессиональных интересов...»

С Канавинского моста наблюдаю большое скопление утят, что-то в пределах сотни. Слово кто-то их специально назвал в это место, и они устремились к нему с разных сторон, вдалеке от берега острова со стороны фарватера Оки. Удивительное явление и запоминающееся зрелище — беспокойно движущаяся внутри серая масса, распадающаяся на отдельные комочки. Впервые подобное наблюдаю, хотя высматриваю жизнь на реке диких уток многие годы.

## 11 июля

В новостных программах центральных телеканалов много осуждения Турции за решение по изменению статуса собора Святой Софии. Я, обращаясь к своей душе, к совести, не чувствую никакого неудобства,

скорби или раздражения, несогласия. Много веков назад христианский мир потерял этот храм. В нём открыли мечеть захватившие Константинополь мусульмане. И только в 30-х годах прошлого века мечеть была закрыта. Так возник музей.

Но обратимся к нашей истории. В те же тридцатые годы по России закрыто тысячи церквей и монастырей. Некоторые из них были превращены в музеи, в том числе и в Московском Кремле. В конце прошлого века статус музея, может быть, номинально у них остался, но сами они вновь превратились в «дома молитвы». Да хотя бы взять последнюю громкую историю с Исакиевским собором в Санкт-Петербурге. Слишком много в этом вопросе у нас с турками общего. Так стоит ли возмущаться?

Мне могут возразить — мы «оживили» свои церкви, а они... Увы, но София для турок тоже давным-давно своя. Такой же «дом молитвы», который они (и вернее всего, по праву) хотят возродить. Кто может им возразить? Наше священство, читающее Евангелие в маске и перчатках — боясь заразиться вирусом от Священного писания?

## 12 июля

Написал заметку для каталога фотовыставки.

Как же быстро всё меняется в городе. Захотел посмотреть место на Верхне-Волжской набережной, где снесли гостиницу «Россия». Я бывал на её этажах, в номерах, довольно много сиживал в ресторане. Теперь этого здания в городе не существует, а вместе с ним вычеркнута материальная основа моих воспоминаний.

Не торопясь поднялся по улице Рождественской к Ивановской башне кремля. Пошёл по Ивановскому съезду — и буквально ахнул про себя. Последний раз я использовал этот кратчайший путь на площадь Минина и Пожарского 24 марта. Тогда окружающий пейзаж был привычно узнаваем для взгляда. Теперь у тротуара, внизу по склону холма воздвигнуты стены до крыши восстанавливаемой вновь на старом, откопанном старательными учёными-археологами, фундаменте середины XVIII века порушенной в советские годы церкви Симеона Столпника.

Поднялся выше к Дмитровской башне. Слева у нынешнего здания городской администрации (архитектурная дань эпохе конструктивизма), опять же на прежнем месте воссоздаётся колокольня Спасо-Преображенского собора. И её стены выстроены до самого шатрового купола. Ну как тут не дивиться столь стремительно происходящим вокруг переменам!

То, как раньше выглядел нижегородский Кремль, мы знаем благодаря фотографиям в первую очередь таких замечательных мастеров своего дела XIX-начала XX века, как Андрей Осипович Карелин и Максим Петрович Дмитриев. Благодаря им и восстанавливается теперь бездумно ранее утраченное.

Пройдя далее через ворота у Пороховой башни, вышел к волжскому откосу, памятнику В.П. Чкалова, Георгиевской башне. Там и глянуло на меня пустотой то пространство, что когда-то было заполнено столь привычным для горожан зданием гостиницы «Россия». Отныне это место неузнаваемо изменилось. Но и тут оказалось открытие — вскрылся фундамент ранее стоявшей здесь церкви. Её вид для будущих поколений сохранили старые фотографии, как нынешние сохраняют архитектурную особенность уничтоженной недавно гостиницы...

Последовательность веков, бесконечность времени документально запечатлевает для памяти человечества одно из самых молодых видов искусства — фотография.

В моей домашней библиотеке не так много подобных альбомов. Но каждый раз перелистывая те книги, которые мне подарили друзья-фотографы, просматривая большие глянцево и красочно поблескиваю-

щие листы фото-произведений (будь то портреты писателей или виды толстовской Ясной Поляны Павла Кривцова или потрясающей красоты пейзажи окрестностей озера Байкал Владимира Полеванова), я иначе начинаю осознавать окружающий мир. Невероятным образом камера мастера не только что-то запечатлевает, но и передаёт мне, зрителю, нечто иное, очень важное: эмоциональное, философичное, потустороннее, произнесённое вслух, сокрыто живущее в душе фотохудожника, тревожащее его сердце и сознание, переживаемое им. Порой эти неясные чувства, что через видимое изображение, зрительное восприятие так потрясают нас, открывают нам миры неведомого доселе порядка.

Взгляните на те работы, что представлены в помещении Нижегородской областной организации Союза писателей России. Проникнитесь их смыслом и чувством. Ни одна не оставит вас равнодушными. Не зря устроители выставки (кураторы арт-проекта REVERберация Евгений Желяев, Елена Матюшина и Международная академия культуры и искусства, президент — народный художник РФ П.Т. Стронский) назвали её «Планета Русь» и посвятили 800-летию Нижнего Новгорода.

Произведения (а это действительно произведения без всякой натяжки) Олега Агринского («Христос Воскресе!»), Андрея Алексеева («Волга-матушка»), Андрея Белова («Вечереет. Ново-Иерусалимский монастырь»), Галины Грязновой («Монахиня»), Светланы Гузевой («Енисей», «Ни день, ни ночь. Плато Путорана»), Евгения Жиляева («Хребет Таганай»), Ирины Жиляевой («Умиротворение»), Нины Киселёвой («Зима в Москве»), Галины Король («Островитянки»), Андрея Кулькова («Сказки леса»), Елены Матюшиной («Вид из окна Дома Пашкова. Москва»), Сергея Охотского («Павловск»)... (всех авторов выставки и их работы трудно перечислить) — открывают зрителю необъятность нашей страны, характер и устремления людей, населяющих эти равнинные и горные, таёжные и степные, северные и южные просторы.

Поля и леса, реки и озёра, старинные храмы и современные городские пейзажи, виды природы и деревенской жизни — всё это пробуждает в наших душах сложно объяснимую гамму чувств: задумчивости, размышления, созерцательности. Застывшая в камне музыка архитектурных линий отправляет наше сознание в дальние поиски по тропам и широкоим проспектам истории. Потому что столь глубок и проникновенен взгляд на мир творцов этих фото-шедевров.

У одних они более лирические, у других философичные, у третьих весёлые, у четвёртых задумчивые и даже трагичные... Всё это главное и вечное, то, что не может не трогать столь восприимчивого, восторженного и сострадательного русского сердца, что способно в себя вместить целую планету под названием Русь.

Из новостей выходного дня: кроме сумасшествия в США со сносами памятников, унижением белого большинства, убийствами чернокожих детей в перестрелках между самими неграми (погибли девочки семи и восьми лет, мальчик одиннадцати, прочих более тридцати человек, сотня раненых — и это происходит в крупнейших городах страны), пришли сообщения о вооружённом столкновении на границе Азербайджана с Арменией. Баку сообщает о троих погибших военнослужащих со своей стороны.

### **13 июля**

Больше суток на американской военно-морской базе в Сан-Диего горит большой десантный корабль. Сообщают о 57 пострадавших. Телевизионная картинка: стоит у причала огромное судно, из трюмов которого чёрными густыми клубами валит дым, а невдалеке от его бортов крохотные по сравнению с ним кораблики пускают в сторону бедолаги тонкие струйки воды — так они малы на фоне происходящего пожара.

## 15 июля

Закончил вчерне писать «Прощание» с Василием Ивановичем Беловым. А вечером от Михаила Попова из Архангельска пришло сообщение: он был на Вологодчине, в Тимонихе, и там среди книг, подаренных авторами Белову, сфотографировал надпись на «Нижегородской отчине» Юрия Адрианова. Снимок прислал: «Дорогому Василию Белову со стародавнюю памятью от нижегородца. Прими мои сердечные поздравления в связи с высокой наградой. Ю. Адрианов. P.S. Вот так случилось, что согрешил «во прозе»! Счастье дому в грядущем году! Ю.А. XII — 84 г.»

Удивительное совпадение. Как-то бы надо его обыграть в моём тексте.

Ушли из жизни писатели, а их книги продолжают друг с другом «разговаривать».

## 16 июля

Продолжаются столкновения на границе Армении и Азербайджана. Первые сообщают о двух погибших и пяти раненых, вторые — 11 безвозвратных потерях (включая одного генерала). Армяне утверждают, что сбили десять беспилотных аппаратов противника, в том числе, большой разведывательный.

Невероятной мощности ливень прошёл в Сицилии над Палермо. За два часа на столицу острова выпала годовая норма осадков. Подобное происходит впервые за 200 лет. На улицах потоп. Легковые машины плавают у домов, как у берегов полноводной реки. Природа нам преподносит сюрпризы один страшнее другого. Раз за разом всё чаще и чаще.

Агрессивность людей, агрессивность духа, царящего в их среде, агрессивность мироздания...

## 17 — 19 июля Ромашково

За эти дни пережили и жару и дожди, и промозглость пасмурного утра, и вечернюю тишину заходящего солнца. В зависимости от погоды читал, сидя в удобном раскладном кресле или под грушей, или в беседке, в которой большей частью Наташа с Ириной накрывали стол, когда Алексей приготавливал на мангале жареное мясо и копчёную дораду.

Лишь однажды выходили прогуляться в лес. Наташе хотелось узнать — появились ли грибы. Увидела несколько кулачков (валуи), сыроежку, маслénка.

Но о прочитанной книге Лидии Быковцевой «Горький в Италии»: сколько раз зарекался не читать подобных книг, написанных женщинами. Большой период жизни Алексей Максимович прожил в Италии, к тому же в самом зените своей мировой славы. Там много и плодотворно работал, пережил паломничество приезжавших к нему, как к безусловному авторитету в литературе. Его втягивали во всевозможные политические разборки. А что мы узнаем из текста Быковцевой, более напоминающего туристический путеводитель по Италии? В каких музеях Горький побывал, какие картины и архитектурные шедевры, должно быть, видел, по каким дорожкам и тропам путешествовал.

Конечно, совсем не упоминать приезжавших к нему было невозможно. Лидия Петровна их и упоминает — с тем играл в шахматы, с тем ловил рыбу, с тем обследовал остров... И только то, что касается «революционного порыва», явно интересуется писательницу.

«В числе тех, кто практически осуществлял... связь... были супруги Кадомцевы, приехавшие на Капри в 1909 году. Иван Самуилович... возглавлял все боевые дружины Урала, руководил рядом экспроприаций казённых ценностей, проводимых с целью пополнения кассы большевиков. В Уфимскую боевую дружину входила и его жена Ольга Михайловна... единственная женщина, принимавшая участие в... так называемой Дёмской экспроприации.

Горький заинтересованно расспрашивал Ивана Самуиловича о подпольной работе...»

Вообще жизнь, принципы, чаяния русских революционеров начала XX века удивительно похожи на то же самое нынешних отечественных либералов. Просто не отыскать различий. Лишь один раз я был поражён фактом, приведённым в книге Быковцевой. Тут автор ссылается на воспоминания М.Ф. Андреевой.

«...однажды из рабочего кабинета Алексея Максимовича послышался шум отодвинутого кресла и падание чего-то тяжелого. Писатель в глубоком обмороке лежал на полу. Когда Мария Фёдоровна разорвала на нём рубаху, чтобы поставить на сердце компресс, она увидела на правой стороне груди тонкую розовую полоску, которая на глазах становилась ярче, багровела. Очнувшись, Алексей Максимович заговорил о том, как зверски, в припадке дикой ревности, мясник Посулов убивает свою жену Марфу ударом ножа в печень. «Ужасно больно», — сказал писатель перепуганным близким».

Вот о чём нужно было писать книгу — о творческой «кухне» Горького, о поисках, сомнениях, переживаниях... А не цитировать итальянские газеты, рассказывающие о передвижениях писателя.

## 21 июля

Наши художники выгрузили картины, привезённые из Москвы, в Выставочном зале, и зашли ко мне. А.С. Фёдоров, Е.И. Юсов, кто-то из Москвы. А.Д. Данилин захотел забрать 64-й выпуск «Вертикали. XXI век», где на обложке помещены репродукции его картин. Заодно расска- зал такой случай.

Последнее время ему часто стали сниться ушедшие из жизни собра- тья-художники. Поделался этим с супругой.

— Значит, скоро умрёшь, — просто ответила супруга.

Альберт Дмитриевич рассказал об этом откровенно смеясь. Вот так бы по-будничному просто относиться к грядущему впереди. Потом он хвалил мой выбор его картин на обложку.

— Это же лучшие мои работы!

Выпили принесённую гостями водку. Собрались покупать ещё. Я до- стал бутылку, хранившуюся у меня в архиве.

## 23 июля

В Союзе писателей открыли выставку фотохудожников «Планета Русь».

Перед этим наскоро успел написать Сергею Овчинникову письмо, отвечая на поставленные им вопросы (*«Хочу спросить у тебя, что ты думал, когда разрушался Союз? Понимал, что дело гибельное? Пытался противостоять? Есть ли вина нашего поколения в том, что произо- шло? Как ты думаешь, можно ли научить детей патриотизму?»*), хотя вокруг ходили, разговаривали, обращались ко мне — в общем, всячески мешали сосредоточиться.

*«О возможности крушения СССР я не думал, не представлял, что такое может случиться. Но те времена остались в моей памяти чу- довищным лицемерием, ложью, откровенным цинизмом многих и мно- гих людей, до этого вроде бы считавшихся порядочными актёрами, пи- сателями, журналистами, публицистами, учеными. В одночасье они изменили свою политическую ориентацию. Их моментально стали восхвалять все демократические СМИ (а они оказались в подавляющем большинстве). Честность, порядочность высмеивались, предательство и хамство — возносились.*

*Но самый горький урок, вынесенный мной из того времени — с толпой, называемой себя народом, можно делать все, что захочешь. Потому что она малообразованна, падка на несбыточные обещания и держать её в узде можно только силой и страхом. Иначе она превращается во всеразрушающую силу... Пройдет несколько лет, и большинство лю- дей, с кем я спорил во время перестройки, приводил им самые элемен- тарные доводы (Например: вам говорят, что в СССР все производства*

никчемные, так откуда же возьмется ваша лучшая жизнь, если и их разнести в хлам? Ведь придется затянуть пояса, как уже было после войны, и все строить заново.) говорили мне, что их обманули. А у них элементарно не хватало мозгов осмыслить происходящее.

*Вот такие горькие впечатления.*

*Есть ли вина нашего поколения? Не знаю. Мне кажется — виноваты все. Но тут другой вопрос — хотел бы я вновь возродить советский союз. Однозначно — НЕТ. Кроме возврата России исконно русских земель. Иначе вновь соки будут тянуть из русского народа. Пусть уж живут сами по себе.*

*Научить же детей патриотизму (специально) мне кажется невозможно. От родителей что смогут перенять, тем и будут жить всю оставшуюся жизнь».*

А выставка получилась красивой. Открывали её народный художник РФ П.Т. Стронский и я, говорили хорошие (и заслуженные) слова в честь организаторов, вручали Благодарственные письма от имени Международной академии культуры и искусства и Нижегородской областной организации Союза писателей России. Я ушёл пораньше, оставив помещение на ответственность Фёдорова. Позднее вечером Алексей Степанович позвонил. Оказывается, гости за столом общались аж до девяти часов вечера.

А ответ Овчинникову я всё-таки попозже дополнил, как мне показалось, необходимым разъяснением.

*(Окончание следует)*